

Н. С. Модоров

История России
1855-1900 гг.

Учебное пособие
для студентов-заочников
исторических факультетов вузов

Горно-Алтайск
РИО Горно-Алтайского госуниверситета
2005

ББК 63.3 (2)

М 89

Модоров Н. С. История России. 1855-1900: Учебное пособие для студентов-заочников исторических факультетов вузов / Модоров Н. С. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. – 216 с.

Рецензенты:

кафедра отечественной истории Бийского педагогического государственного университета им. В. М. Шукшина (зав. кафедрой профессор А. И. Ретунцев);

доктор исторических наук, профессор М. В. Шиловский (Новосибирский государственный университет)

Учебное пособие содержит полный курс российской истории и охватывает период с 1855 г. по 1900 г. В нем освещены основные проблемы социально-экономического развития страны, внутренней и внешней политики и освободительного движения.

Пособие отражает современный уровень исторического знания и адресовано студентам, преподавателям и всем, кто интересуется историей своей Родины.

© Модоров Н. С., 2005

© Горно-Алтайский государственный университет, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие посвящено освещению важнейших социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов, имевших место в стране во второй половине XIX столетия.

Наиболее значимыми на этом этапе исторического развития России стали шестидесятые годы. «Эпохальным» среди них стал 1861 год, когда в России было отменено крепостное право. Его ликвидация и последовавшие за этим реформы в области сельского и городского самоуправления, финансов, судопроизводства, просвещения и печати, а также в военном деле существенно преобразили хозяйственно-экономический и политический облик страны по сравнению с прошлыми десятилетиями. Эволюционные же процессы в сельском хозяйстве и в промышленности, техническая модернизация производства, корректировка и стабилизация кредитно-финансовой системы, поступательное развитие внутреннего рынка и внешней торговли способствовали тому, что Россия прочно заняла во второй половине XIX века ведущее место среди развитых государств Западной Европы и мира. Свою роль, притом непреходящую, в этом восхождении страны сыграли и ее достижения в области науки и культуры. Но, несмотря на этот очевидный общий прогресс, в облике России по-прежнему продолжали просматриваться и черты ее прошлого, старого бытия: незыблемость самодержавных устоев, барщина и отработки, национальное угнетение, закономерным следствием которых были темнота и безграмотность, нищета и убогость, обездоленность и бесправие народных масс.

Освещая эти сложные и неоднозначные моменты в истории страны, автор всецело руководствовался принципами объективности, историзма и многофакторного подхода к истории страны. В силу этого она воспринималась не только через призму борьбы прогрессивных сил против самодержавия, когда крайне тенденциозно и только в негативном свете показывались русские цари, государственные деятели, когда «исторически» оправдывались все формы борьбы с правительством, в том числе и убийства. Такого рода подходы были весьма далеки от объективного отражения истории.

Критически пересмотрены нарастающие масштабы крестьянского и рабочего движения во второй половине XIX века. В реальности, по

определению исследователей, это было относительно «тихое» время. Подтолкнуть народ на выступления могли только крайние обстоятельства. И тогда «русский бунт», как писал Пушкин, становился «бесмысленным и беспощадным».

Пересмотрены в книге и взаимоотношения государства с обществом. Не секрет, что они часто обострялись до предела. И надо подчеркнуть, что правда не всегда была на стороне «носителей государственной власти». Но при этом, как справедливо отмечали авторы трехтомной «Истории России», надо помнить, что государство, каковы бы ни были личные качества стоящих у власти людей, - неизбежный спутник цивилизации, что безгосударственное устройство общества невозможно, что в государстве должна существовать стройная система законов, обязательная для всех, включая и тех, кто стоит у власти.

Не идеализируется в книге и «просвещенное общество XIX века, поскольку при всех его приверженности идеям гуманизма и свободы не следует предавать забвению такие его черты, как доктринерство, склонность к экстремизму, неумение слушать оппонента и т. п.

Однако отказываясь от целого ряда стереотипов, свойственных истории прошлых лет, автор отнюдь не стремится перечеркнуть исторические исследования предшественников. Он выступал и выступает за сохранение их достижений. Только таким образом можно не прервать нити исторического мышления народа, не воздвигнуть новые барьеры недопонимания между старшим и подрастающим поколениями. Наконец, мы совсем не намерены в очередной раз «вбивать» в головы читателей «новые бесспорные истины», мы лишь принимаем попытку показать не всегда однозначную картину исторических событий, имевших место в нашей стране во второй половине XIX столетия, предложить свои ответы на отдельные дискуссионные вопросы и побудить тем самым читателя к раздумью над историей своей Родины.

ГЛАВА I. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА

§ 1. Предпосылки отмены крепостного права

Экономические предпосылки

Социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. определялось процессами разложения феодально-крепостнических форм хозяйства, зародившихся в прошлые десятилетия, но в которых уже зародились и стали развиваться новые капиталистические отношения. Это был важный период в переходе от феодализма к капитализму, в создании глубинных предпосылок для отмены впоследствии крепостного права.

К началу XIX в. Россия, как известно, представляла собой огромную континентальную страну, занимавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии (Сибирь и Дальний Восток) и часть Северной Америки (Аляску). В первой половине XIX в. ее территория еще более расширилась – с 16 млн. до 18 млн. кв. км за счет присоединения Финляндии, части Польши, Бессарабии, Кавказа и Закавказья, Казахстана, Приамурья и Приморья. Население возросло (за счет естественного прироста и присоединения территорий) с 37 млн. до 74 млн. человек, т. е. вдвое.

Словом, к середине XIX в. Россия являла собой одну из великих держав и по территории, и по численности населения. Но к этому времени она была одним из немногих больших государств, где сохранялось крепостное право – право собственности одних людей над другими. Это несоответствие очень сильно бросалось в глаза при развитии торговых и иных связей России со странами Европы. Но особенно (и это главное) недостатки крепостного права все больше и больше проявлялись в сфере экономики, политики и социальных отношений, что и явилось предпосылками отмены крепостного права.

Обсуждение способов изменения положения крепостных велось и при Николае I и могло бы продлиться еще долго. Но в ход этих бесплодных дискуссий вмешались грозные события Крымской войны, встряхнувшие «верхи». Поражение в ней воочию раскрыло им глаза на то, что главная причина военно-технической страны – это крепостное право. Только теперь правящие круги осознали угрозу для России, что страна может быть отброшена в ранг второстепенных государств.

В связи с поражением в войне, по-иному были восприняты и осознаны «верхами» противоречия в сфере экономики, обусловленные ростом товарных отношений и тормозящим влиянием крепостничества. Негативизм последних наглядно проявился в вывозе товаров Россией. Если он в начале XIX в. оценивался в 75 млн. рублей, то в середине века – уже в 230 млн. рублей, т. е. в три раза больше. Выросла за это время и внутренняя торговля. Так, только речные оптовые перевозки грузов (без гужевых) увеличились в 5 раз, в т. ч. перевозки зерна – в 8 раз, муки и круп – в 10 раз.

Рост производства хлеба на продажу содействовал и существенным изменениями в землепользовании. В этом особенно преуспели помещики черноземной полосы. Увеличивая свои запашки, они отобрали за полвека у своих крестьян почти половину земель, находившихся в их пользовании. Действия помещиков встретили естественное недовольство крестьян. По иному вели себя помещики Нечерноземья. Земля здесь приносила им меньшие доходы, а потому они не стремились увеличивать свои запашки. Большую для себя выгоду получали они от отпуска своих крестьян на оброк. Но и здесь изъятие крестьянских земель имело место. К моменту отмены крепостного права во владении помещиков Нечерноземья находилось 48% всех земель. Еще больше их было у крепостников Среднего Поволжья (62%) и черноземных губерний (72%). Это объяснялось тем, что в них преобладала барщина, а в нечерноземной полосе – оброк. Вносили изменения в землепользование крестьян аренда и покупка земель. К 1859 г. во владении 270 тыс. домохозяев находилось свыше миллиона десятин земли, что свидетельствовало о появлении сельской мелкой буржуазии.

Кризисные явления наиболее зримо проявились там, где помещики применяли в своих хозяйствах барщину. Подневольный крестьянин не был заинтересован в высокопроизводительном труде на «хозяйском поле». По свидетельству современника, он приходил на работу «сколь возможно позже, осматривался и оглядывался сколь возможно чаще и дольше, а работал сколь возможно меньше – ему надо было не дело делать, а день убить». Помещики вели борьбу с подобным саботажем крепостных, усиливая контроль за их работой и «вводя дневные уроки». Но это не приводило к желаемым результатам. **Увеличение числа надсмотрщиков вело к росту расходов на их содержание, к тому же они еще и воровали продукты для себя. Введение же**

«дневных уроков» еще больше ухудшило качество барщинных работ. Одновременно с этим помещики видели как трудились их крестьяне на своих участках. Потому-то и старались они полностью отнять землю у крестьян, переводя их после этого в разряд дворовых или «месячников», т. е. работников, получавших месячное содержание. К середине XIX в. численность таких крестьян резко возросла: дворовых – почти в два раза (с 4 до 7 %), составив их число почти 15 млн. человек. Но и эта категория «зависимых людей» не была заинтересована в труде «на хозяина». Не выручало помещиков и увеличение барщины до 4-5 дней, особенно в страдную пору. Пагубный результат приносило им и лишение работника земли, ибо это подрывало основы феодальной системы хозяйствования, при которой работник наделен средствами производства и они должны обеспечивать воспроизводство рабочей силы.

В Нечерноземье, как упоминалось выше, преобладала оброчная система в виде денежной и натуральной оплаты. В конце XVIII в. оброк не превышал 5 рублей с ревизской души (7 руб. 50 коп. по ценам середины XIX в.). К моменту отмены крепостного права средний его размер колебался от 17 до 27 рублей, а в Ярославской и Владимирской губерниях и того больше от 40 до 50 рублей. Некоторые «крестьяне» платили еще больше. Это касалось «крепостных», являвшихся владельцами мастерских и фабрик (к примеру, «крестьяне» с. Иванова, платившие графу Шереметеву сотни рублей оброка). Высокий оброк был там, где крестьяне могли хорошо заработать: около столиц и крупных городов, в промысловых селах, в районах огородничества, садоводства, птицеводства и т. п.

Преимущества вольнонаемного труда перед крепостным помещики, конечно же, видели. Ведь те же их крестьяне, которых хозяева обвиняли в лени, объединившись в артели и получая плату, «добро и быстро» пахали землю, строили дома и хозяйственные постройки. «Здесь, - писал по этому поводу современник, - все горит, материалов не наготовишься; времени тратят менее барщинного крестьянина, отдохнут они боле его, но сделают они вдвое, втрое. Отчего? – охота пуще неволи». Однако, даже видя несомненные выгоды, помещик не мог нанимать работников, поскольку в этом случае, его собственные крестьяне оставались без работы. По этой же причине он не покупал машины и улучшенные сельскохозяйственные орудия.

Но, несмотря на это, элементы капитализма проникали в помещичьи хозяйства, что проявлялось в усилении товарно-денежных отношений, связей с рынком и т. д. Однако в целом они продолжали развиваться «по старинке», т. е. не за счет вложения капитала, а за счет эксплуатации своей «живой собственности». Это привело к разорению многих помещиков, к продаже ими своих имений. К 1860 г. в банках были заложены имения, в которых насчитывалось 7 млн. крепостных. Это лишний раз свидетельствовало о том, что дальнейшее поступательное развитие помещичьих хозяйств «старым путем» было невозможно.

Говоря об изменениях, происшедших в помещичьих хозяйствах к середине XIX в., следует отметить, что изменились к этому времени и крестьянские хозяйства. Одни из них почти полностью разорились, другие – кое-как сводили концы с концами, и лишь незначительная их часть жила «богато», т. е. налицо было расслоение крестьянских хозяйств. В наибольшей степени этот процесс захватил центральные губернии Европейской России, особенно «промысловое» крестьянство. К середине века половина его числилась в разряде беднейших и лишь 12-18% - в разряде зажиточных. Не обошло расслоение и сельскохозяйственные хозяйства. Здесь беднейшие составили 20-28% и зажиточные – 15-23%. Различными, что вполне естественно, были и доходы на один двор. У бедняков он был в 3 раза меньше, чем у зажиточного крестьянина. Однако оброк они платили одинаковый, ибо расклад его осуществлялся не по количеству земли в хозяйстве, а по ревизским душам в нем.

Проникновение капитализма в крестьянское хозяйство сказывалось и на его «натуральности». Чтобы заплатить налоги, барщинные крестьяне вынуждены были продать не менее четвертой части собранного ими хлеба, что давало им 15 рублей серебром. Зажиточные крестьяне использовали на эти цели излишки урожая, которые зачастую превышали 30% валового сбора. Это был результат использования ими наемного труда, машин и усовершенствованных орудий.

Значительно в большей степени захватили эти процессы государственную деревню. Многие ее насельники засевали десятки, а отдельные (на Юге, в Сибири и на Урале) – даже сотни десятин земли, вели свое хозяйство «образцово» (применяли наемный труд, машины, покупали и разводили у себя улучшенные породы скота). Нередко в их хозяйствах использовались «сработанные» самими крестьянами «ма-

шины и приспособления». Нередко эти «новшества» демонстрировались на выставках. Такой «чести» удостоились, к примеру, в 40-х гг. XIX в. «молотилки и веялки крестьянина В. Сапрыкина, молотильная машина Н. Санина, льнотрепальная машина Х. Алексеева» и др.

В середине XIX в. проявилось, причем весьма ощутимо, еще одно достоинство деятельности предпринимателей-крестьян. К указанному времени их хозяйствами (всех категорий) засеивалось 75% зерновых и картофеля, собиралось 40% товарного хлеба, производилась большая часть товарной продукции скотоводства, огородничества и садоводства. Это был еще один весомый аргумент в пользу того, что крепостное право должно быть ликвидировано, ибо оно сковывало инициативу крестьян-предпринимателей, вело к разорению миллионов крестьянских дворов, а с другой стороны, служило убедительным доказательством того, что безземельное освобождение крестьян – недопустимо.

Еще более зримо и острее проявлялись противоречия и тормозящее влияние крепостничества в промышленности, где, начиная с конца 30-х гг., набирал силу «индустриальный переворот», благодаря которому за два последующих десятилетия в стране в три раза возросло число крупных предприятий и количество рабочих на них, в десятки раз увеличилась оснащенность фабрик и заводов машинами (к примеру, число веретен прядильных машин увеличилось в 66 раз) и производительность труда.

Однако внедрение сложных машин на предприятиях и их использование при крепостном праве было почти невозможно, поскольку крепостные рабочие, трудившиеся на помещичьих и приписных мануфактурах, часто ломали (по неумению обращаться) оборудование, а порой умышленно выводили его из строя. В силу этого, хозяева предприятий вынуждены были нанимать на работу «вольнонаемных». Согласно статистике, только в обрабатывающей промышленности в 1860 г. таковых было занято 85% от общего числа рабочих, занятых в то время на ней. Но дальнейший рост «вольнонаемных», опять-таки, тормозился крепостническими отношениями, ибо при их господстве, существование в стране рынка свободных рабочих рук было невозможно, а те, которые имелись, являли собой помещичьих «оборочников» или государственных крестьян, не порвавших до конца связь с землей. Фабрикам же и заводам нужны были постоянные и квалифицированные рабочие кадры.

Как уже упоминалось выше, феодальные отношения в большинстве крупных стран Европы были к этому времени ликвидированы и, в силу этого, они стали обгонять Россию в развитии промышленности. К примеру, Россия и Англия выплавляли в начале XIX в. одинаковое количество чугуна (около 10 млн. пудов). Спустя полвека, их достижения разнились, притом весьма разительно: Россия выплавляла в 1850 г. 16 млн. пудов, Англия же - 140 млн. пудов. Такова была расплата за работу «по старинке», за приверженность к феодальным формам хозяйствования. Это воочию показала Крымская война.

Крымская война и крестьянские волнения

Второй, по важности, причиной, которая повлекла отмену крепостного права, значительно ухудшила материальное положение основной массы населения страны, стимулировала рост оппозиционных настроений

в российском обществе, стала Крымская война, легшая тяжелым бременем на плечи трудящихся. Через систему рекрутских наборов и «призывы в ополчения» она оторвала от мирного труда почти 10% взрослого мужского населения. Потеря работников, а также реквизиции лошадей и скота на «нужды войны» негативно отразилось на крестьянском хозяйстве. Многие из них разорились полностью. Все эти обстоятельства (потеря кормильцев, ухудшение материального положения, рост недоимок по государственным налогам и т. д.) и стали причиной недовольства крестьян и городских низов, переросшего в антиправительственные выступления. Способствовали их порождению и всякого рода слухи. К примеру, выход в 1854 и 1855 гг. царских указов о призыве добровольцев в «морскую флотилию» и в «государственное ополчение» был воспринят крестьянами как обещание «царем-батюшкой» свободы «за добровольную службу» ему и «Отечеству». Этот патриотический порыв народа был воспринят властями «как бунт». Для его подавления, «коей охватил 16 губерний», были посланы войска. В ходе столкновения крестьян с солдатами погибло (согласно официальным данным) 36 человек и 57 человек ранено.

Окончание войны не принесло «мира» во взаимоотношения крестьян с помещиками. Они оставались «взрывоопасными». Их обострению очень способствовал новый слух: «В Таврии раздают землю и волю». Поверив ему, крестьяне Екатеринославской, Херсонской,

Полтавской, Харьковской, Черниговской, Курской и Смоленской губерний снимались со старых мест и целыми деревнями уходили в Крым «за волей». Однако на пути «самовольцев-беглецов» встали воинские команды. Результатом такого противостояния стали кровавые столкновения, каковых официальная статистика зарегистрировала шесть.

Противостояние крестьян с помещиками было характерно не только губерниям Европейской России, но и ее окраинам. В 1857 г. широкое крестьянское восстание вспыхнуло в Западной Грузии. Мегрельские крестьяне, вооруженные копьями, дубинами, создали 10-тысячный повстанческий отряд. Восставшие, ведомые кузнецом Митавой, напали на помещиков и представителей власти, требуя от них освобождения их от барщины и наделения землей. В целом по стране в тот год Министерство внутренних дел зафиксировало 192 массовых крестьянских выступления. Спустя два года, их число возросло до 938. Недовольные «жизнью» крестьяне открыто напали на помещиков, не избегая при этом столкновений с войсками, посылавшимися властями для защиты крепостников-дворян.

Значительный резонанс в стране получило в 1858-1859 гг. массовое «трезвенное движение», ставшее ответом населения на повышение властями цен на водку. Оно охватило свыше 30 губерний. Его участники громили питейные заведения или бойкотировали их. Уступая натиску крестьян и городских низов, правительство было вынуждено пойти в 1860 г. на отмену системы откупов и введение в стране акцизной продажи спиртных напитков, которая способствовала развитию конкуренции среди торговцев данным «товаром».

Но говоря о широких крестьянских выступлениях в предреформенные годы, следует подчеркнуть, что, наряду с ними, крестьяне практиковали, и довольно часто, пассивные формы сопротивления: плохая работа на помещика, отказ платить налоги, выполнять натуральные повинности, побеги и др. Массовый характер этого пассивного сопротивления крестьян делал его подавление более трудным, нежели устранение открытых восстаний. Когда оно носило единичный характер, то справиться с ним помещикам и полиции не составляло особого труда. Но, когда крестьянская масса была почти повсеместно озлоблена и в силу этого плохо повиновалась – то борьба с пассивным протестом крестьян превратилась для властей в почти неразрешимую проблему: они не знали, как к ней подступиться. По-

этому, даже, несмотря на полное сочувствие помещикам, они отказывали им (вследствие массовости крестьянских выступлений) в присылке в дворянские имения воинских команд «для усмирения бунтовщиков». В силу этого, помещики, инстинктивно ощущавшие приближение «второй пугачевщины» открыто выражали свое недовольство действиями правительства, потакавшего, по их мнению, «бунтовщикам». Но, осознавая возможность «пугачевщины», они, тем не менее, не дошли до понимания того, что главной причиной и недовольства, и озлобления их крестьян является крепостное право. Поэтому-то и ратовали дворяне за «железную руку», видя в ней единственно средство в деле наведения «порядка в стране» и приведения «бунтовщиков» к повиновению. Им не дано было понять, что психология их «живой собственности» к середине XIX в., а особенно после окончания Крымской войны, изменилась коренным образом. Если раньше их крестьяне мирились с грабежами и насилием, то теперь они отвечали на них восстаниями, поджогами имений, убийствами своих «владельцев» и их управляющих, т. е. массовым неповиновением, не боясь при этом даже вступать в вооруженные столкновения с войсками.

§ 2. Подготовка крестьянской реформы

***Сын царя
и воспитанник
поэта***

После окончания Крымской войны в истории России началась новая эпоха – эпоха Великих реформ, которая прочно связана с именем приемника Николая I – российский император Александр II.

Родился он 17 апреля 1818 г., во время царствования своего дяди - Александра I. По свидетельству современников, поэт В. А. Жуковский, похоже, догадывался, какая судьба ожидает новорожденного. Свои чувства и пожелания он выразил в стихотворном послании матери младенца, в котором подчеркнул, чтобы ее сын «на чреде высокой не забыл святейшего из званий: человек».

По прошествии восьми лет, император Николай I предложил В. А. Жуковскому занять должность наставника наследника престола. Василий Андреевич был, как известно, близок ко двору, но за при-

дворной карьерой не гнался. Предложение царя не обрадовало поэта, поскольку он хорошо знал придворный быт дома Романовых, насквозь пронизанный духом милитаризма. Знал он и то, что наследник уже два года (с шести лет) получает военное воспитание. После некоторых колебаний принял предложение царя, ибо он понимал, что судьба дарует ему уникальную возможность повлиять на будущее России.

Составив план воспитания наследника, Жуковский представил его Николаю I. По сути дела, это были те условия, на которых он был согласен взяться за работу. Во главу ее им ставилось изучение отечественной истории, военному же делу отводилось всего шесть недель в период летних каникул. Просьбу не увлекать ребенка «воинственными игрушками» воспитатель высказал и матери наследника. «Государыня, - писал он в своем письме ей, - простите мои восклицания, но страсть к военному ремеслу стеснит его душу; он привыкнет видеть в народе только полк, а в отечестве – казарму».

Несмотря на некоторое неудовольствие Николая I, план был одобрен и поэт вступил в должность. Но обстановка, в которой жил наследник, оставалась той же, что и раньше: чуть ли не каждый вечер устраивались военные игры, в которых принимали участие родители цесаревича. К тому же его отец стал все чаще вмешиваться в учебные дела сына. «Я заметил, - сказал он однажды наставнику, - что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам. Я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе».

Видя крушение своих планов, Жуковский стал постепенно отходить от воспитания наследника и надолго уезжать за границу, откуда часто писал полубившемуся ему отзывчивому мальчику. «Владычеству не силой, а порядком, - наставлял он его в своих посланиях, - истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа... Люби народ свой: без любви царя к народу, нет любви народа к царю».

Уроки и наставления Жуковского не прошли даром: они глубоко запали в душу наследника. Правда, воспитатели постоянно отмечали в нем отсутствие упорства в достижении цели, а, столкнувшись с трудностями, подчеркивали они, Александр впадал в глубокую апатию. Не меньшее влияние на сына оказал и отец – отличный военный инженер. Правда, военного дела цесаревич не постиг как его родитель,

но мишуру парадов, смотров и разводов знал до мелочей и любил ее самозабвенно. Может поэтому в его душе всю жизнь боролись два начала – гуманное, привитое Жуковским, и милитаристское, унаследованное от отца. Перетягивало то одно, то другое.

Не малую роль в становлении будущего правителя России сыграло его путешествие по стране (в 1837 г.). За семь месяцев, он, в сопровождении Жуковского, посетил 30 губерний. В Вятке, о богатствах местного края ему поведал «ссылный Герцен». В Сибири он встречался с декабристами. По возвращении из путешествия наследник ходатайствовал перед императором о смягчении «участи декабристов», не без участия Александра, тогда же Герцен был переведен во Владимир.

Кроме парадов и балов, было у наследника еще одно увлечение, которое, пусть странно, но повлияло на ход событий в начале царствования Александра II. Он был страстным охотником, а посему, он не мог обойти своим вниманием «Записки охотника» И. С. Тургенева. Эта книга, как он признавался потом, убедила его в необходимости отмены крепостного права.

Подготовительный этап

Вступив (6 февраля 1855 г.) на престол, Александр II осознавая, что крепостное право должно быть отменено, но как это сделать царь не знал. На сей счет не было у него ни плана реформы, ни ее руководящих принципов. Не имели таковых и министры, подобранные еще отцом. А тем временем, общество заговорило о «гласности» и повело «салонные» разговоры об изменении «быта помещичьих крестьян». Обсуждению этой темы способствовали и записки, появившиеся в 1855-1856 гг. Особым вниманием у «читающей публики» пользовалась «Записка об освобождении крестьян», автором которой был историк К. Д. Кавелин. Главное зло, опутавшее Россию, он справедливо видел в крепостном праве. И этот «гордиев узел» Кавелин предлагал «не рубить», а «развязывать». Насильственное решение этого вопроса, подчеркивал автор «Записки», не внесет успокоения. России нужны мирные успехи. Надо провести такую реформу, которая могла бы обеспечить стране «внутренний мир на пятьсот лет».

Вполне определенно высказался Кавелин и относительно интересов и помещиков, и крестьян. Первые, по его мнению, должны быть

«вознаграждены» за освобождение своих крепостных. Крестьяне же при освобождении от крепостной неволи должны получить «ту землю, которой они владеют в настоящее время». При этом, указывая на разработку выкупной операции правительство должно взять на себя. И если ему удастся учесть интересы помещиков и крестьян, то два этих сословия сольются в конце концов в один земледельческий класс, внутри которого исчезнут всякие сословные различия и останутся только имущественные различия.

Такого рода программу освобождения крестьян от крепостной неволи помещики встретили в штыки. Им удалось настроить против него самого царя. В результате – Кавелин потерял место наставника цесаревича, а затем и удален из Петербургского университета.

Однако идея освобождения крестьян была присуща не только либеральной части российского общества. Своих «покровителей» нашла она даже в царской семье. Инициативу в этом деле проявила тетка нового государя – великая княгиня Елена Павловна (жена великого князя Михаила Павловича, младшего брата Николая I). В первые же месяцы 1855 г. она приступила к выработке соответствующего проекта для крестьян своего имения Карловки (в Полтавской губернии). Сторонником отмены крепостного права стал и брат императора Константин Николаевич (генерал-адмирал русского флота, глава морского ведомства). Уже весной 1855 г. он заявил о необходимости приступить к освобождению крестьян сразу же после окончания войны. После этого он ликвидировал крепостное право в вверенном ему ведомстве, отпустив на волю адмиралтейских поселян с землей.

Но действия и поступки близких ему людей не вдохновили Александра II: он колебался. Осознавая необходимость «совершенствования внутреннего благоустройства», новый государь, в то же время, не желал идти на прямое столкновение с дворянством. Страшила его и ответственность, которую надо было брать на себя. Весь этот «винегрет» сомнений наглядно проявился в его речи, произнесенной 30 марта 1856 г. перед предводителями московского дворянства. «Слухи носят, - говорил он, - что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны прийти к этому. Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

Эта встреча, организованная московским генерал-губернатором А. А. Закревским, должна была, по замыслу последнего, развеять всевозможные толки об освобождении крестьян. Но этого не произошло. Своей «неловкой речью», как выразился потом Арсений Андреевич, она еще больше усилила беспокойство «наших дворян», которых пришлось после этого «задабривать» циркуляром министра внутренних дел, гарантировавшим помещикам сохранение их власти.

После этой встречи в Москве Александру II стало ясно: добровольно на освобождение крестьян дворяне не пойдут, надо уговорить их пойти на это. Поэтому, следуя в мае 1856 г. «на воды» в Германию, он посетил своего давнего знакомого, а ныне генерал-губернатора Западного края В. И. Назимова и просил его узнать мнение своих дворян о возможности «изменения крепостного права». Такого же рода «работа» была проведена во время коронации Александра II (август 1856 г.) министром внутренних дел С. С. Ланским и его заместителем А. И. Левшиным. Однако конфиденциальные переговоры с предводителями дворянства разных губерний России, ведшиеся по заданию «свыше», не принесли желаемого властям результата: даже слабый намек на грядущее освобождение крестьян пугал их владельцев. И лишь предводители дворянства западных губерний, натерпевшиеся «бед» от введенных у них «инвентарей», выразили готовность пойти на освобождение крестьян, но без земли, как это было сделано в 1816-1819 гг. в Остзейском крае. Это «мизерное» соглашение помещиков северо-западного края дало возможность правительству начать подготовку законопроекта по крестьянскому делу для региона, чтобы на его примере приступить к постепенному проведению реформы в других областях.

Разработка проекта реформы

Определившись, «в общих чертах» с тем, что надо делать, правительство приступило к реализации своего «замысла». 3 января 1857 г., в соответствии с традициями прошлых царствований, был учрежден Негласный (Секретный) комитет по крестьянскому делу, призванный подготовить проекты по «улучшению быта помещичьих крестьян». Председательствовал в нем сам император. В его отсутствие председательское кресло занимал глава Государственного совета и Комите-

та министров, 70-летний князь А. Ф. Орлов. В состав комитета вошли высшие правительственные сановники – крепостники, значительная часть которых была выдвинута еще Николаем I. Эти, выдавшие виды мужи, не желавшие решения обсуждаемого вопроса, заняли выжидательную позицию, всячески затягивая рассмотрение порученного им «дела».

Неспешно собирая «соображения» разных лиц о будущем «крестьянском переустройстве», они намеренно заводили его решение в тупик, благо, что этому содействовали и предложения, поступавшие с мест. Одни из них стояли за освобождение крестьян по «остзейскому» образцу, другие настаивали на реальном выполнении указов о вольных хлебопашцах 1803 г. и об обязанных крестьянах 1842 г. и, наконец, третьи предлагали «переложить» вопрос выработки условий отмены крепостного права с «правительственных плеч на наши, поместно дворянские». И лишь министр внутренних дел, и член комитета С. С. Ланской внес на рассмотрение «коллег» совершенно иные «начала реформы». Озвучивая проект, разработанный его заместителем А. И. Левшиным, Сергей Степанович выделил в нем три основных момента: освобождение крестьян; выкуп ими в течение 10-15 лет своих усадеб и сохранение в пользовании крестьян наделов (за повинности). Одновременно с этим он предложил оставить решение «этого сложного вопроса» в руках правительства, прибегая к помощи дворян как «совещателей». Противники реформы (министр императорского двора, граф В. Ф. Адлерберг, член Госсовета, князь П. П. Гагарин, шеф жандармов, князь В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ, граф М. Н. Муравьев, министр юстиции, граф В. Н. Панин и др.) решительно выступили против предложенного проекта. Князь А. Ф. Орлов, выражая их общее мнение, предложил свернуть работу их комитета, а «полученные соображения» передать в Министерство внутренних дел. Так, наверное, и случилось бы, не вмешайся в это дело император. Желая иметь конкретные результаты от деятельности комитета, он вводит летом 1857 г., в его состав своего брата, великого князя Константина Николаевича. Благодаря его активным действиям, бюрократический саботаж был устранен и в августе, после жарких споров, комитет принял принципиальное решение: «приступить к отмене крепостного права, разделив ее проведение на три этапа» (подготовка реформы; личное освобождение крестьян при сохранении их поземельной зависимости и полное освобождение крестьян).

Но и приняв это решение, он не сразу включился в активную работу. Крепостники продолжали тормозить начатое дело. Их волокита была сорвана внезапным приездом в октябре 1857 г. в Петербург виленского генерал-губернатора В. И. Назимова. Добившийся согласия своего дворянства «на замену системы инвентарей, но безземельным освобождением крестьян», генерал-губернатор потребовал от правительства соответствующих инструкций. 20 ноября 1857 г. такие ему были даны. Полученный В. И. Назимовым «рескрипт» стал, по сути дела, первой правительственной программой по крестьянскому вопросу, в котором были закреплены начала проекта, разработанные в Министерстве внутренних дел. В соответствии с ним, помещики Западного края обязаны были образовать губернские комитеты и общину для трех губерний (Виленской, Гродненской и Ковенской) комиссию для составления проектов «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», но при этом они не должны были выходить «за пределы установленных верховной властью начал». Они же, как известно, подтверждали право собственности помещиков «на всю землю», разрешали крестьянам «сохранение за ними их усадебной оседлости», давали право выкупить «усадебную землю в собственность» и запрещали, наконец, произвольно лишать крестьян дополнительного «количества земли», если они исправно платят оброк или отбывают барщину. Провозглашая это, правительство предотвращало тем самым изгнание крестьян с земли. И хотя оно декларировало учреждение самоуправления крестьян, тем не менее, для удержания их в повиновении власти передавали в распоряжение помещиков вотчинную полицию. Направляя дворянству северо-западного края «сии начала», правительство понимало, что они не удовлетворят его. Поэтому, избегая недовольства помещиков, тезис об отмене крепостного права в «назимовском рескрипте» тщательно вуалировался.

Опубликовав его (инициатор публикации заместитель С. С. Ланского – Н. А. Милютин, один из разработчиков рескрипта), правительство, желавшее подать подготовку крестьянской реформы как отклик на «добровольное волеизъявление благородного сословия», стало добиваться поступления дворянских запросов из других губерний, где существовало крепостное право. Однако «благородное сословие» безмолвствовало. И лишь 5 декабря последовал (подобный назимовскому) рескрипт на имя петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева. Формальным поводом к нему послужила малозна-

чительная просьба петербургского дворянства о законодательном определении норм повинностей для их крепостных крестьян. Более определенно в этом деле проявили себя лишь помещики Нижегородской губернии. Не без влияния своего губернатора А. Н. Муравьева (брата министра государственных имуществ М. Н. Муравьева и бывшего декабриста), они подали прошение о разрешении им создать у себя губернский комитет. Их просьба была удовлетворена соответствующим рескриптом 24 декабря 1857 г. После «выпада» бывшего декабриста отмалчиваться московскому дворянству было просто не прилично. 7 января 1858 г., когда уже невозможно стало игнорировать «волю царя», они направили в его адрес «благожелательный» адрес, в котором москвичи оговорили свое согласие на участие в реформе правом «самостоятельно» формулировать «принципы оной». Однако это условие было резко отвергнуто Александром II, но санкция на открытие комитета была им дана (16 января 1858 г.).

Главный комитет по крестьянскому делу

Обнародованные в конце 1857 г. рескрипты, данные В. И. Назимову, П. Н. Игнатьеву, А. Н. Муравьеву и в середине января московскому генерал-губернатору

А. А. Закревскому, в которых предписывалось «составить» из представителей местных помещиков губернские комитеты для подготовки местных проектов «улучшения быта крестьян» (правительство еще опасалось официально произнести слово «освобождение»), сняли пелену секретности с подготовки крестьянской реформы. Потому-то 16 февраля 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет «о помещичьих крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». На основании инспирированных властями дворянских ходатайств, им были разсланы по губерниям высочайшие рескрипты, предписывавшие учредить в них комитеты. К апрелю 1858 г. было открыто 45 губернских комитетов, в которых работало около полутора тысяч человек. Возглавляли их предводители местного дворянства. В составе губернских комитетов (кроме выборных членов) работали и назначенные правительством представители. Этот своеобразный симбиоз положил, по мнению историков, начало «формированию механизма будущей реформы». Уже к концу 1858 г. губернские комитеты начали отправлять в столицу свои «отзывы». Для их рассмотрения, обработки и составления общего проекта крестьянской рефор-

мы 17 февраля 1859 г. были «высочайше» учреждены «Редакционные комиссии». Одна из них готовила проект «Общего положения» для всех губерний, другая - «местные положения» о поземельном устройстве крестьян применительно к разным регионам. Фактически же эти комиссии слились в одну, сохранив за собой множественное название - «Редакционные комиссии». Возглавил их генерал от инфантерии Я. И. Ростовцев.

В молодости Яков Иванович был близок к декабристам, но в решающий момент он сообщил правительству о готовящемся выступлении. Но при этом юный ротмистр не назвал ни одного имени. О своем шаге он известил Е. Оболенского (с которым Ростовцев «квартировал») и К. Рылеева. В дальнейшем, полагают историки, Яков Иванович всю жизнь мучился этими воспоминаниями. И как только он узнал о возвращении Е. П. Оболенского из Сибири, то тут же поехал в Калугу для встречи и объяснений с ним. Оболенский оказался не злопамятен, они расстались друзьями и потом переписывались. Именно он посоветовал другу наделить крестьян при освобождении землею, при том в размере, которым они владели при крепостном праве. «Только гарантированный правительством выкуп, - писал Оболенский в одном из своих писем Ростовцеву, - может удачно решить вопрос». Так, один из руководителей Северного общества принял участие в подготовке крестьянской реформы.

Я. И. Ростовцев многое сделал для того, чтобы направить работу «Редакционных комиссий» в либеральное русло. И это при том, что в их работе принимали участие такие «зубры консерватизма», как М. П. Позен, И. Ф. Паскевич-Эриванский, П. П. Шувалов, А. Д. Желтухин и др. Опорой Ростовцева была группа «товарищей» министра внутренних дел Н. А. Милютина, «исповедовавшего» взгляды Кавелина и стремившегося реализовать основные положения его «Записки». Противостоять «консерваторам» ему помогали Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский, П. П. Семенов (будущий академик Семенов-Тянь-Шанский), С. М. Жуковский, А. П. Заболоцкий-Десятовский, Я. А. Соловьев, М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге и другие либеральные чиновники. Благодаря слаженным и энергичным действиям единомышленников Я. И. Ростовцева, к концу 1859 г. правительственная программа воплотилась в проекте Редакционных комиссий, который был выслан на места и вынесен на суд губернских комитетов.

Центральное в нем место занял «выкуп» полевой земли крестьянами, выходящими из крепостной зависимости. Авторы проекта выступали за сохранение наделов «в бессрочном пользовании крестьян при строго фиксированных нормах повинностей». Получив их, крестьяне не могли (в течение 9 лет после обнародования закона) отказаться от наделов. Главную роль при осуществлении выкупной операции разработчики реформы отводили правительству, которое должно было выдавать «выкупные суды» крестьянам, приобретающим наделы в собственность. Они-то и должны были составить львиную долю выкупной суммы, предназначенной для выплаты помещику. Полученный кредит должен был выплачен крестьянином в рассрочку.

Помещики с самого начала отнеслись к Редакционным комиссиям с недоверием. Поэтому Александр II дал обещание (в момент их учреждения), что представители дворянства будут вызываться в столицу для ознакомления с подготовленными ими документами и выражения «своего мнения по оным». Именно с этой целью их пригласили теперь в Петербург. Опасаясь, что они могут образовать «не-что парламента», правительство вызвало дворян в столицу в два приема: сначала представителей от нечерноземных губерний, а потом – от черноземных.

Но, вызывая «владельцев к себе», оно не собиралось делить с ними свои прерогативы: центральная власть оставляла за собой роль третейского судьи в споре помещиков с крестьянами. Участию представителей губернских комитетов в работе над проектом крестьянской реформы правительство придавало только совещательный характер. Позаботилось оно и о том, чтобы губернские «депутаты» не собирались на официальные заседания: они должны были являться (по вызову) по 3-4 человека в Редакционные комиссии и отвечать только на задаваемые им вопросы.

Прибывшие из 21 нечерноземной губернии помещики, в принципе, не возражали против наделения крестьян землей, только потребовали за нее несоразмерный с ее реальной стоимостью выкуп, т. е. они попытались включить в сумму выкупа компенсацию за оброк. Наставляли помещики Нечерноземья и на том, чтобы правительство гарантировало выкупную операцию.

Ознакомившись с проектом, помещики весьма опасались, что власть правительства еще более усилится, если оно заберет все дела

управления крестьянами в свои руки. Чтобы хоть как-то нейтрализовать эту опасность, они потребовали у правительства предоставления «народу» свободы слова, печати, гласности, независимого суда и местного самоуправления. В ответ на эти требования правительство строжайшим образом запретило депутатам Нечерноземья даже обсуждать эти вопросы на своих дворянских собраниях.

Данный запрет вызвал сильное брожение среди помещиков, особенно нечерноземных губерний, где дворянство было более просвещенным и либеральным. Так, на собрании тверского дворянства резко выступил против произвола бюрократии помещик А. И. Европеус. Бывший петрашевец обвинил ее в нарушении законных прав дворян. Выступление тверского помещика не осталось незамеченным властями: за «противоправные действия» он вновь оказался в ссылке, теперь уже в Перми. Такого же наказания «удостоился» и предводитель тверского дворянства А. М. Унковский. Его требования немедленной отмены крепостного права, сохранения за крестьянами прежних их наделов, проведения глубоких социальных и государственных «перемен» шли, естественно, вразрез с правительственной программой – отсюда и вышеуказанный «результат».

Действия правительства по ограничению деятельности дворян возмутили последних. На имя царя последовали их многочисленные записки и адреса. «Конституционные поползновения» дворянства встревожили правительство. Наиболее активные возмутители спокойствия, в частности, М. А. Безобразов, были «отданы» под надзор полиции.

А тем временем наступил 1860 г. В начале его в Петербург были вызваны представители от черноземных губерний. Их критика правительственного проекта была еще резче. В деятельности Редакционных комиссии они увидели «проявление демократических, республиканских и даже социалистических тенденций». Разглагольствуя о разных опасностях, грозящих, якобы, государству, помещики пытались замаскировать свое нежелание дать землю крестьянам. Несмотря на «активное противодействие» правительственному проекту, власти все же не подвергли землевладельцев южных губерний репрессиям, поскольку в их губерниях не было лозунгов о предоставлении им «гласности» и различных свобод. Правительство, пообещав им учесть (по возможности) их замечания, распустило делегатов.

В начале февраля 1860 г. умер Я. И. Ростовцев. Новым председателем Редакционных комиссий был назначен известный консерватор, министр юстиции В. Н. Панин. Благодаря ему, крепостники начали вносить в проект одну поправку за другой. Реформаторы чувствовали, что они все больше и больше ущемляют интересы крестьян. На их защиту встали Н. А. Милютин и Ю. Ф. Самарин. Главные разработчики реформы уловили ее суть: она не может быть осуществлена на «одинаковых основаниях во всей стране», необходимо учитывать и «местные особенности». Так, в черноземных губерниях главной ценностью была земля, в нечерноземных – первенствовал крестьянский труд, овеществленный в оброке. Поняли также Милютин и Самарин и то, что без подготовки нельзя отдавать помещицье и крестьянское хозяйство во власть рыночных отношений: они должны пройти через «переходный для этого период». Утвердились они и в мысли о том, что крестьяне должны быть освобождены только с землей, а помещикам правительство обязано предоставить гарантированный выкуп. Эти основополагающие идеи и составили фундамент законоположений о крестьянской реформе.

Но это не означало, что вопрос о ней был уже решен. Крепостники, по-прежнему, были полны решимости похоронить реформу. И здесь в полной мере проявил себя Александр II. Во-первых, он запретил графу В. Н. Панину «отступать от предначертаний Ростовцева». Этим шагом царь поддержал, по существу, Н. А. Милютину, ставшего фактическим главой Редакционных комиссий и обеспечившего успешное продолжение их деятельности, а с другой стороны, укрепил в глазах основной массы крестьянства свой авторитет – царя «освободителя».

Борьба за реформы в Главном комитете и Госсовете

В октябре 1860 г. Редакционные комиссии, так ненавидимые правящей бюрократией и поместным дворянством были закрыты царем. Проведя за полтора года своего существования 409 заседаний, им удалось, в принципе, выработать проект крестьянской реформы и теперь он поступил в Главный комитет на обсуждение, где крепостники намерены были дать «бой» либералам. Но им не повезло с самого начала: из-за болезни не смог занять председательское место в комитете князь А. Ф. Орлов. Но его сторонники не унывали, ибо надеялись заменить

заболевшего своим человеком: князем П. П. Гагариным или графом В. Н. Паниным. Но это давно обговоренное «дело» рухнуло разом, когда Александр II назначил – в самый ответственный момент – председателем Главного комитета по крестьянскому делу своего брата, великого князя Константина Николаевича, сторонника либеральных мер. И все же большинство в комитете оставалось за оппозицией. Из 10 его членов лишь четверо (великий князь Константин Николаевич, С. С. Ланской, граф Д. Н. Блудов и К. В. Чевкин) были сторонниками проекта, подготовленного Редакционными комиссиями. Министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, шеф жандармов В. А. Долгоруков и министр финансов А. М. Княжич представили свой контрпроект, в котором значительно сокращались нормы наделов, увеличивались повинности и ограничивались права крестьянского самоуправления (при одновременно усилении административно-полицейского надзора за крестьянами). Князь П. П. Гагарин (при поддержке министра двора В. Ф. Адлерберга) выступил в защите права собственности дворян на всю землю, за сохранение вотчинной власти помещика, а также настаивал на отказе от законодательной регламентации поземельного устройства (определять его, по мнению крепостника, должны были «добровольные соглашения» помещиков с крестьянами). Прямым следствием такого уважения «римского права» в конкретном случае могло стать полное обезземеливание крестьянства. К числу противников проекта примыкал и министр юстиции В. Н. Панин. Но его требования понизить завышенные (с его точки зрения) нормы наделов и удержать за помещиками власть над крестьянами в переходный период выглядели по сравнению с гагаринскими, намного умереннее.

В этом противостоянии мнений, председатель комитета проводил регулярные консультации с авторами проекта – бывшими членами Редакционных комиссий, в первую очередь, с Н. А. Милютиным, Ю. Ф. Самариным и П. П. Семеновым, которые и помогали ему выработать тактику поведения на заседаниях комитета, а также поправки к проекту, не подрывавшие основные позиции крестьянской реформы. Подобный «конструктивизм» великого князя и помог Главному комитету (несмотря на стойкое противодействие крепостников) «отстоять» выкупной проект. Правда, был в комитете один член – граф Д. Н. Блудов, - который настаивал на обязательном выкупе крестьянских наделов. Но этот замысел пока был преждевременным, он осуществится в России лишь спустя 20 лет.

Если с «выкупной» проблемой удалось достичь какого-то консенсуса, то по другим ключевым вопросам в Главном комитете этого добиться не удалось. Особенно неопределенные разногласия наметились в самом «страшном вопросе – про наделы». Присутствовавший на заседании комитета Александр II дал распоряжение выработать «компромиссную» редакцию проекта, которая бы учла мнение «графа В. Н. Панина». Это указание царя было оперативно исполнено при непосредственном посредничестве великого князя Константина Николаевича. Согласованный вариант проекта, предусматривавший частичное уменьшение размеров наделов в некоторых местностях, был одобрен Паниным. После этого к числу сторонников проекта присоединился В. Ф. Адлерберг и будущий закон получил таким образом поддержку шести членов Главного комитета против четырех.

Но эта «победа» либералов еще не была свидетельством успеха проекта реформы в целом. Впереди было его обсуждение в Государственном совете, где консерваторы имели заметное преимущество. Дебаты по проекту начались в Госсовете с конца января 1861 г. И на них очень рассчитывали противники реформы. Однако император был другого мнения на этот счет. Он считал дело решенным и повелел закончить его рассмотрение к середине февраля. Он заверил сановников, что «выгоды помещиков надежно защищены», а посему и попросил их «не забывать, что основанием всего дела должно быть улучшение быта крестьян и улучшение его не на словах только и не на бумаге, а на самом деле».

В ответ на такое заявление царя большинство членов Госсовета заняло «враждебную позицию» по отношению к реформе. Однако Александр II проигнорировал ее и «высочайше» утвердил мнение сторонников проекта Редакционных комиссии по всем обсуждавшимся пунктам. Вместе с тем царь и защитники «Положений», дабы не обострять борьбу, сделали достаточно существенную уступку консерваторам: была единогласно одобрена и принята поправка П. П. Гагарина относительно права помещиков передавать без выкупа крестьянам 1/4 высшего надела «в дар», с последующим прекращением обязательных отношений с ними. До самого последнего момента обсуждались и уточнялись размеры наделов по уездам. В результате этого, их размеры уменьшились, в общей сложности (по сравнению с первоначальным проектом Редакционных комиссий), примерно на 20%. Такие образом, «отрезки» от наделов, которые замысливались разра-

ботчиками реформы «как редкое исключение из основного правила (незыблемости надельного землепользования)», теперь стали распространяться на основную массу крестьян. Возросли в ходе вышеуказанных «доработок» и нормы повинностей, а следовательно, - и размеры выкупных платежей.

После «решения» всех вопросов, связанных с проектом реформы, был обсужден и вопрос о «Высочайшем Манифесте», коей должен был объявить подданным Российской империи о начале важных преобразований в стране. Первоначальный его текст был написан Н. А. Милютиным и Ю. Ф. Самариным. Но по повелению царя он был отдан на «доработку» митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), дабы придать документу форму, призванную воздействовать на религиозные чувства крестьян, а также провести в нем идею «добровольности» и «жертвенности» дворянства, подавшего инициативу освобождения крестьян, навстречу которой и пошел государь.

§ 3. Отмена крепостного права

Правовое положение крестьян и способы их эксплуатации после 19 февраля 1861 г.

В шестую годовщину своего вступления на российский престол – 19 февраля 1861 г. – Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права в России и «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». Одновременно с подписанием Манифеста и «Поло-

жений», в тот же день был учрежден Главный комитет «об устройстве сельского состояния», который возглавил великий князь Константин Николаевич. Новая структура заменила собой Главный комитет «по крестьянскому делу» и была призвана осуществлять высшее наблюдение за введением в действие «Положений» 19 февраля 1861 г., рассматривать проекты законов в дополнение и развитие этих «Положений», изменение правового и поземельного положения других категорий крестьян (удельных и государственных), решения спорных и административных дел. На местах его представляли губернские по крестьянским делам присутствия.

В соответствии с Манифестом, крестьянин сразу же получал личную свободу и становился юридическим лицом. Отныне бывший крепостной, у которого помещик ранее мог не только отнять все его дос-

тояние, но и его самого с семьей или отдельно от нее продать, заложить, получал возможность свободно распоряжаться своей личностью: вступать в брак без согласия помещика, заключать от своего имени разного рода имущественные и гражданские сделки, открывать торговые и промышленные заведения, переходить в другие сословия. По «Положениям» повсеместно вводилось выборное крестьянское самоуправление – сельские и волостные сходы во главе с сельскими старостами и волостными старшинами. Крестьянам предоставлялось право самим распределять между собой предоставленную им в надел землю, раскладывать повинности, определять очередность в отбывании рекрутской повинности, давать разрешение на выход из общины и прием в нее. Вводился волостной крестьянский суд по мало-важным преступлениям и имущественным искам.

Если крепостное право было отменено сразу, то ликвидация феодальных «экономических» отношений в деревне растянулась на несколько десятилетий. По закону крестьяне в течение еще двух лет (до 19 февраля 1863 г.) должны были отбывать те же самые повинности, что и при крепостном праве. Лишь несколько уменьшилась барщина и отменялись мелкие натуральные поборы: яйцами, маслом, льном, холстом, шерстью и пр. До перевода на выкуп крестьяне обязаны были находиться «во временнообязанном состоянии», т. е. обязаны были выполнять за предоставленные им наделы (в соответствии с законами) положенную на них барщину или нести оброк. Никакого определенного срока окончания временнообязанного положения крестьян закон не устанавливал. Поэтому оно и продлилось целых 20 лет и лишь законом 1881 г. временнообязанные крестьяне (их к тому времени осталось уже 15%) переводились с января 1883 г. на обязательный выкуп.

Конкретные экономические условия освобождения крестьян (размер надела и повинностей за него) фиксировались в так называемых уставных грамотах, которые, в соответствии с законами, должны были составлять помещики совместно с проводящими на местах реформу мировыми посредниками, а удостоверять своими подписями крестьяне. Более половины этих грамот не были подписаны и вводились в действие без их согласия.

Важное место в реформе 1861 г. занимало решение аграрного вопроса. Закон, как известно, исходил из принципа признания за помещиком права собственности на всю землю в его имении, в т. ч. и на

крестьянскую наделную. При этом крестьяне получали надел не в собственность, а в пользование за установленные законом повинности в виде оброка или барщины. Чтобы стать собственником своей наделной земли, крестьянин должен был выкупить ее у помещика.

При определении норм наделов закон учитывал особенности местных природных и экономических условий. Вся территория Европейской России была, как известно, разделена на три полосы: нечерноземную, черноземную и степную. В первых двух устанавливались «высшая» и «низшая» (треть «высшей») нормы, а в степной – одна («указная»). Закон предусматривал отрезку от надела, если он превышал «высшую» или «указную» нормы и прирезку, если он не достигал «низшей». В результате отрезки, крестьяне потеряли свыше 1/5 своих земель, а в черноземных земледельческих губерниях (где преобладала барщина и земля ценилась особенно высоко) их потери достигали 30-40%. Но тяжесть потерь заключалась не только в размерах, но и в ценности отрезаемых угодий (луга, выпаса, водопой и т. д.), без которых нормальное ведение хозяйства было невозможно. В силу этого он вынужден был арендовать «отрезанные земли» на кабальных условиях. «Утеснялось» землепользование крестьян также «чересполосицей» и лишением их лесных угодий. При этом закон давал право помещику переносить (по своему усмотрению) крестьянские усадьбы в другое место, а также производить обмен их наделов на свои земли.

Закон, как уже упоминалось выше, провозглашал крестьян «собственниками». Но фактическими собственниками своих наделов они могли стать лишь в том случае, если они выплачивали за них всю выкупную сумму. В основу же ее исчисления была положена не рыночная цена земли, а размеры оброка, что в полтора раза зависило истинную стоимость земли. В силу этого, крестьяне были не в состоянии сразу выплатить выкупную сумму. На помощь им пришло государство. Казна сразу же выплатила помещикам деньгами и ценными бумагами основную часть выкупной суммы (другую часть она удержала с помещиков в счет погашения их долгов государству), а затем уже взыскивала ее в виде выкупных платежей с крестьян. Срок окончания таких платежей был установлен в 49 лет. До 1917 г., когда выкупные платежи с крестьян были отменены, крестьяне уплатили с процентами свыше 1,5 млрд. рублей или в полтора раза больше первоначально установленной с них выкупной суммы и все же оставались «должными» казне.

Поземельное устройство удельной и государственной деревни

Наряду с помещичьими крестьянами, коих числилось в 45 губерниях свыше 22,5 млн. душ обоего пола, в разряде сельского податного населения состояли удельные (900 тыс. ревизских душ) и государственные (более 9,6 млн. ревизских душ)

крестьяне, которые также нуждались в «личном», а особенно в «поземельном устройстве». Своё название «удельные крестьяне» получили в 1797 г., когда в России был учрежден Департамент уделов для управления землями и крестьянами, принадлежавшими императорскому дому (до этого они именовались «дворовыми») - принадлежали царскому дворцу).

В отличие от помещичьих, удельные крестьяне получили личную свободу еще в 1858 г. Поземельное же их устройство, повинности и выкуп определило «Положение» 26 июня 1863 г. Согласно ему, они получили те наделы, которыми пользовались до реформы. Правда, в Петербургской, Самарской и Владимирской губерниях – с некоторым их уменьшением, а в других, особенно в Олонецкой, Вологодской и Пермской губерниях – с небольшим увеличением. В среднем на ревизскую душу было отведено по 4,8 дес., что в полтора раза превышало «норму», полученную помещичьими крестьянами. В течение двух лет (1863-1865 гг.) удельные крестьяне были переведены на выкуп. Фактически же они продолжали «нести» в пользу царской семьи тот же самый оброк, правда, преобразованный в выкупные платежи за землю на 49-летний срок.

Поземельное устройство государственных крестьян было осуществлено на основе закона от 24 ноября 1866 г. (хотя подготовка реформы в государственной деревне началась в 1861 г.). В соответствии с ним, сельские общества сохраняли находившиеся в их пользовании земли, но не более 8 дес. на одну ревизскую душу в малоземельных губерниях и 15 дес. – в многоземельных. Землепользование каждого из них записывалось во «владенных записях» - документах, подобных уставным грамотам, предназначавшимся для помещичьих и удельных крестьян.

Перевод государственных крестьян на выкупные платежи задержался почти на 20 лет. Он был осуществлен по закону 12 июня 1886 г. В соответствии с ним, государственная оброчная подать, переведенная в выкупные платежи, увеличивалась в среднем на 45% и должна

была уплачиваться в течение 44 лет. Это увеличение существенно ухудшило экономическое положение основной массы государственных крестьян и привело к быстрому накоплению у них недоимок.

Но, несмотря на более высокий размер средних душевых наделов у государственных и удельных крестьян, они были недостаточными для ведения рентабельного хозяйства. Усугублялось дело и неравномерностью наделов. Так, в государственной деревне только одна треть крестьян получила по 6 и более десятин на ревизскую душу, или более 15 дес. на двор, что считалось достаточным (в среднем) для зажиточных хозяйств. Им противостояли «собственники» (30% от общего их числа), получившие менее 4 дес. на ревизскую душу, или около 10 дес. на двор, что было крайне мало для ведения доходного хозяйства.

Некоторые особенности имело освобождение от крепостной зависимости рабочих посессионных казенных предприятий и рабочих людей вотчинных мануфактур. Там и тут безземельные рабочие освобождались в течение двух лет, как и дворовые, без земли. «Мастеровые» же освобождались с усадьбой и наделом, но должны были платить оброк. Приписные крестьяне Урала, Сибири, Алтая и других местностей получили личную свободу и право пользования землей (при уплате государственной оброчной подати).

Особые положения существовали для поземельного устройства казаков. Их земли были разделены на три разряда: войсковые, наделы офицеров и паи казачьих станиц. В соответствии с законом, у казаков сохранен был принцип наделения землей за военную службу. Значительные преимущества получали при этом казачий старшина и особенно офицеры, становившиеся, благодаря этому, крупными землевладельцами. Но земля все же считалась собственностью всего войска, т. е. здесь была воплощена идея «муниципализации», что не препятствовало существованию в казачьем войске различных полуфеодальных перегородок и неравноправности в землевладении.

Отмена крепостного права в национальных окраинах России

Предоставление личной свободы крестьянам национальных окраин России и наделение их землей за повинности, с правом выкупа своих наделов осуществлялось на основе «Общих положений» 19 февраля 1861 г.

Начало этому процессу положила отмена крепостного права в Грузии, проведенная на основе законов 1864-1871 г. Удельный вес местного дворянства был здесь намного выше, чем среди населения центральной России. Это обстоятельство обусловило на первых порах освобождение грузинских крестьян и без земли, и без построек. Однако возросший протест крестьян на «беззакония» властей вынудил царизм несколько умерить аппетиты помещиков, но это несколько не сказалось на условиях освобождения грузинских крестьян: они по-прежнему оставались более тяжелыми, чем в центре страны. В 1864 г. вышел закон, положивший начало отмены крепостного права в Тифлисской губернии. Позднее он (с некоторыми изменениями) был распространен на Кутаисскую губернию (1865), на Мегрелию, Абхазию и Сванетию. И закончилось «реформирование» в крае к 1871 г. Помещики выделяли своим бывшим крепостным значительно меньшие земельные наделы, чем были у них до освобождения, но за очень большие повинности: за четверть урожая с пашен и виноградников, одной трети укоса трав и денежный оброк. После реформы, даже наместник Кавказа признавал, что «отмена крепостного права в Закавказье, а особенно в Грузии, была проведена в условиях, особенно льготных для помещиков и невыгодных для крестьян, причем правительство в отступление от принятой в коренной России принципа, за прекращение личной зависимости уплатила от 25 до 50 руб. за душу бывших помещичьих крестьян дворянству Тифлисской и Кутаисской губерний, что составило сумму в 7 млн. рублей и увеличило земельные повинности крестьян в пользу помещиков выше существовавшей в крепостное время нормы».

В 1870 г. увидело свет положение об отмене крепостного права в Армении и Азербайджане, копировавшее тифлискую «реформу». Но в отличие от Грузии, местные крестьяне получили чуть больше земли, но нормы временных повинностей и величины выкупа были установлены для них очень высокие.

Более благоприятными оказались условия крестьянской реформы в Бессарабии, где не было фактически крепостного права. Основную массу населения в крае составляли «царане» (земледельцы – около 400 тыс. душ обоого пола) – лично свободные, но не имевшие своей земли, а потому сидевшие на помещичьих землях и обязанные «нести» за это в пользу владельцев определенные феодальные повинности. Царане имели право перехода от одного помещика к другому.

Вышедшее 14 июня 1868 г. «Положение» о поземельном устройстве поселян в Бессарабии предоставило в их подворное пользование землю – от 8 до 13,5 дес. на двор. За каждую десятину крестьянин обязан был уплачивать оброка на сумму от 1,2 до 2,5 руб. в год. Перевод царан на обязательный выкуп был осуществлен лишь в 1888 г. К этому времени уже 60% бессарабских земледельцев выкупили свои наделы.

Особняком в ряду национальных окраин стояла Сибирь. Из 3 млн. человек ее населения крепостные крестьяне составляли чуть более 3 тыс. человек. Из-за постоянного сопротивления крестьян, помещикам не удалось им навязать ни временные повинности, ни выкуп. Поэтому-то они и были переведены на казенные земли. Государственные крестьяне Сибири, не знавшие крепостного права, владели землей на основе захватного права, неся за это натуральные повинности и выплачивая подушную подать. Отсутствие у правительства необходимых средств на проведение на этой огромной территории землеустроительных работ вынудило его отложить их на конец XIX в. Лишь в начале XX столетия правительство разработало проект передачи крестьянских наделов в частную собственность, но он не был утвержден Государственной думой, в связи с разразившейся первой мировой войной.

Ответ крестьян на реформу 1861 г.

Обнародованные Манифест и «Положение» 19 февраля 1861 г. обманули надежды крестьян на «полную волю», а потому и были встречены ими с «неудовольствием».

Отклики современников запечатлели повсеместно наблюдавшиеся ими картины всеобщего разочарования, горечи и возмущения народных масс. Почти сразу же возникли слухи о том, что помещики скрывают настоящую волю, дарованную «им царем», а на места разослали «поддельные документы». Продолжая уповать на «добраго царя», крестьяне никак не могли поверить в то, что от него «исходят такие законы, которые еще на два года оставляли их в «старом» подчинении помещиков, принуждали их по-прежнему «нести барщину» и платить оброки, лишали их значительной части земли, а предоставленные в пользование наделы объявляли помещичьей собственностью и заставляли выкупать «оние у помещиков». Все это и возбудило крестьян: во многих селах вспыхнули восстания. Согласно

официальной статистике, в январе-мае 1861 г. было зарегистрировано 1370 массовых крестьянских выступлений. По данным МВД, всего до июня 1861 г. волнения имели место в 42 губерниях. Многие из них носили массовый характер и отличались упорством и непримиримостью восставших.

Наибольшую известность приобрело выступление крестьян с. Бездна Спасского уезда Казанской губернии. Житель этого села Антон Петров «выискал» (после шестикратного знакомства с «Положениями») истинную «волю», о которой умалчивали «помещики, чиновники и попы». Он утверждал, что крестьянам отдается вся земля, причем отходит она им бесплатно, а не за плату, как твердят им помещики. Подобное толкование «Положений» имело огромный успех у крестьян и они толпами стекались в Бездну. Собравшихся здесь жителей 75 окрестных сел и деревень пытались «утихомирить» полицейский исправник и предводитель дворянства, но они были изгнаны крестьянами. Для усмирения последних в Бездну были направлены войска под командой генерала Апраксина. В результате усмирения сотни крестьян были убиты и ранены, а руководитель восстания Антон Петров расстрелян по приговору военно-полевого суда. В ответ на кровавую расправу над безднинцами, казанские студенты устроили политическую панихиду «по невинно убиенным крестьянам», на которой с яркой речью выступил профессор истории А. П. Щапов. «Вы первые, - сказал он, обращаясь к погибшим, - нарушили наш сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто наш народ не способен к инициативе политических движений... Мир праху вашему, и вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу».

Широкий размах и активность были присущи восстаниям крестьян Пензенской губернии (начало им положили жители сс. Черногая и Кандеевки), Подольской, Смоленской, Ковенской, Черниговской и других губерний, в которых приняли участие тысячи крестьян. Всего за 1861 г. произошло 1889 восстаний. Почти все они имели «ожесточенный» характер. Об этом свидетельствует тот факт, что 937 выступлений пришлось «усмирять» с помощью войск. Только применив массовые порки розгами «злоумышленников», аресты и ссылки в Сибирь участников восстаний, правительство смогло сбить к концу 1861 г. рост крестьянского движения. Однако весной 1862 г. оно вновь стало нарастать. Поводом к новой его вспышке послужило

«подписание уставных грамот». Большинство их крестьяне отказались подписывать. Попытка властей добиться этого принуждением вызвала волну восстаний. За год было зарегистрировано 844 таких выступлений. Более половины их (450) пришлось подавлять властям силой – путем посылки войск.

Значительная активность была присуща крестьянам и в 1863 г. По официальным данным в том году имели место 509 крестьянских выступлений. Наиболее массовый характер они носили в Литве, в Западной Украине и Белоруссии (во время восстания в Польше). После 1863 г. начался спад крестьянского движения: в 1864 г. было зарегистрировано 156 выступлений крестьян, в 1865 – 135, в 1866 г. – 91, в 1867 г. – 68, в 1868 г. – 60 и в 1869 г. – 65.

Таким образом, 1861 г. стал пиком в развитии крестьянского движения. Это был адекватный ответ крестьян на условия своего освобождения: они расценили реформу как грабительскую, а фразы царского Манифеста о «жертвах благородного дворянства» - как обман.

***Историческое
значение
освобождения
крестьян***

Крестьянская реформа 1861 г. ознаменовала собой начало нового этапа в развитии России. Это был переломный момент, «грань», отделившая феодальную эпоху от капиталистической. Освобождение крестьян от крепостной зависимости способствовало интенсивному росту рынка рабочей силы для развивавшегося капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Предоставление крестьянам не только имущественных, но и определенных гражданских прав благоприятствовало развитию сельскохозяйственного и промышленного предпринимательства крестьян, выделению из их среды торговой и промышленной буржуазии. Условия реформы 1861 г. обеспечивали и помещикам постепенный переход от феодальных форм ведения хозяйства к капиталистическим. Данный уклад к моменту реформы был в России достаточно развит. Сельское хозяйство достигло к 1861 г. довольно высокой степени товарности, промышленность же уже проходила стадию промышленного переворота, значительная часть ее рабочей силы также превратилась уже в товар, т. е. стала наемной.

До 1861 г. господствующими укладами в России были крепостнический (барщина), натурально-патриархальный и полунатуральный. Введенная реформа подорвала основные устои всех укладов. Иначе

говоря, ее историческое значение состояло в замене, как способа эксплуатации, так и в подрыве (тем самым) основ барщинного хозяйства. Однако до конца барщинная система не была уничтожена. Это дало возможность помещикам сохранить полубарщинную или отработочную систему хозяйства, основанную на «отрезках» и «недостаточных» наделах крестьян.

Нельзя не отметить и нравственное значение крестьянской реформы 1861 г. Покончив с крепостным рабством, она проложила дорогу и другим важнейшим преобразованиям, которые должны были ввести в стране современные формы самоуправления и суда, подтолкнуть развитие просвещения. Теперь, когда все россияне стали свободными, по-новому встал вопрос о конституции. Ее введение стало ближайшей целью на пути к правовому государству – такому государству, которым управляют граждане в соответствии с законом и где каждый гражданин имеет в нем надежную защиту.

Не ставя знака равенства между прогрессивными и реакционными оценками крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., отметим, что в целом она была прогрессивной, поскольку открывала простор развитию производительных сил, привела производственные отношения к определенному, хотя и не совсем оптимальному соответствию им. По своему влиянию на будущее развитие России, это, действительно, была «Великая Реформа».

ГЛАВА II. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ 60-70-Х ГГ. XIX В.

§ 1. Реформы местного самоуправления: земская и городская

Существовавшая в Российской империи с конца XVIII в. система местного самоуправления затрагивала только лишь дворянство и состоятельные слои городского общества. Общественные учреждения, ограниченные в правах, находились под жестокой опекой администрации, а потому и являли собой к 1861 г. заурядные «бюрократические инстанции». Работавшие в них «формально выборные» должностные лица, мало чем отличались от государственных чиновников. Иначе говоря, функционировавшие накануне отмены крепостного права органы местного самоуправления никак не соответствовали «остроте» и сложности «формирующихся новых социальных отношений», а потому на их основе не могли быть выстроены ни «хозяйственное управление», ни «общественный порядок».

Подготовка земской реформы

Отмена крепостного права в России вызвала необходимость проведения и других реформ. В ряду стояла и реорганизация органов местного самоуправления. Следу-

ет отметить, что этот вопрос поднимался задолго до отмены крепостного права. Так, правительственная программа по крестьянскому вопросу, утвержденная в декабре 1858 г., уже предусматривала «предоставление» помещичьим крестьянам «прав» свободного сельского сословия и установления (в силу этого) равноправных отношений помещика с «сельским миром». 29 января 1859 г. увидело свет новое повеление царя о новом правопорядке на местах, выведившее административно-полицейскую власть в уезде из подчинения дворянства. Отныне назначение должностных лиц в уезде, наделение их полномочиями составляло прерогативу только правительства. Усиление его власти в уезде было обусловлено опасениями центральной власти за судьбу готовящейся крестьянской реформы.

Реализуя свой давний замысел, правительство создает 27 марта 1859 г. (из представителей МВД, министерств государственных иму-

ществ и юстиции) комиссию для выработки положений «О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде». Создавая ее, верховная власть сразу же указала ей «ограничить» компетенцию самоуправления только хозяйственными функциями и раскладкой земских повинностей, изъяв все это из ведения полиции.

Рассмотрение проекта земской реформы, подготовленный возглавляемой Н. А. Милютиным комиссией, началось сразу же после подписания «Положений» 19 февраля 1861 г. Изложенные им (в специальной записке) предложения о создании бессловного, выборного земского самоуправления, понравились великой княгине Елене Павловне и великому князю Константину Николаевичу, которые даже ходатайствовали о назначении Милютина на пост министра внутренних дел вместо престарелого С. С. Ланского. Но оба «деятели» «снискали» ненависть крепостников за «свой либерализм», а потому и были отправлены в апреле 1861 г. в отставку. Пришедший на пост главы МВД П. А. Валуев исповедовал умеренно-консервативные взгляды и стоял на защите экономических прав дворянства. Возглавив комиссию по подготовке земской реформы, он кардинально переработал «милютинский проект», усилив его продворянскую направленность.

В феврале 1862 г. он представил «главные основания» будущего законопроекта царю, который передал их в Совет министров, а потом – на обсуждение Особого совещания (в его состав входили «ключевые» министры и главноуправляющие), которое возглавлял великий князь Константин Николаевич. Однако «антидворянские» оппоненты Валуева во главе с братом царя, выступили против создания при верховной власти «консервативного представительства» дворян и настаивали на признании за крестьянами-общинниками права участвовать в земских выборах в составе курии уездных землевладельцев, а также на назначении председателей земских собраний правительством, т. е. не передавать председательские функции предводителям дворянства. Но Валуеву удалось отстоять свои идеи. Иначе говоря, становление земских учреждений как органов общественного самоуправления оказалось под угрозой.

Завершив к началу марта 1863 г. подготовку проекта «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», в котором «смутно» просматривалась их компетенция, комиссия Валуева предоставила свое «детище» на рассмотрение Сената. Особенно резко выступил против «валуевского проекта» Главноуправляющий II отделением,

граф М. А. Корф, не так давно еще имевший репутацию «консерватора». В своем заключении по проекту он потребовал: а) «твердо обозначить круг деятельности земств; б) передать надзор за законностью действий властей и земства судебной власти; в) уравнивать избирательный ценз для дворян и недворян; г) сократить число городских избирателей и квоту их представителей в земстве; д) расширить круг участников в земских выборах от крестьянской курии, т. е. вручить сельским обществам право самим определять выборщиков и не распространять на них имущественный ценз; е) отказать дворянским предводителям в праве председательствовать в земских собраниях, а губернатору – утверждать в должности выборных лиц – председателя и членов земской управы. Высказанные М. А. Корфом замечания были отчасти учтены и в мае 1863 г. проект поступил в Государственный совет.

Определенный отпечаток на ход его обсуждения в нем наложили события, связанные с восстанием в Польше и западных губерниях. Здесь вновь «всплыл» проект Валуева об «учреждении нового Государственного совета», в котором принимали бы участие – в «Съезде государственных гласных» - выборные от земств. Предоставление им «некоторой доли» участия в делах законодательства должно было, по мнению Валуева, произвести «благоприятное впечатление на общественное мнение европейских держав» и дать «верноподданной России политическое первенство над крамольною Польшей». Однако предложения главы МВД встретили оппозицию со стороны министров. Колебался с принятием решения и царь. И лишь, когда основные силы польских мятежников были разгромлены (в декабре 1863 г.) и отпала также необходимость «завоевания европейских симпатий», он отклонил идею преобразования Государственного совета. Вместе с тем, правительство пошло на «учреждение земств», но только на губернском и уездном уровне. «Позаботилась» при этом самодержавная власть и о том, чтобы земства не превратились в рупор крестьянских «чаяний».

Определившись с их «существом», правительство продолжало (на разных уровнях) «уточнять» ключевые моменты реформы. Этот «процесс» консерваторы намерены были продолжить. Но Александр II повелел прекратить его, а в возникших разногласиях отдал предпочтение либеральным мнениям. Поступая таким образом, он, похоже, постоянно помнил слова брата о том, что земская реформа является,

«после освобождения крестьян, самой важной реформой в России,.. потому что от удачного образования земства зависит будущность политического строя и существования России».

Права и обязанности земских учреждений

Многолетняя подготовительная работа о «земствах» завершилась 1 января 1864 г. Именно в этот день Александр II «высочайше» утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». В соответствии с законом, к их компетенции были отнесены вопросы управления общественным хозяйством на местах: а) заведование имуществом, капиталами, земскими сборами и благотворительностью; б) продовольственное обеспечение населения; в) поддержка торговли, промышленности и сельского хозяйства; г) забота о народном образовании и здравоохранении. На земские же учреждения были возложены и фискальные функции: раскладка части налогов и контроль за исполнением некоторых повинностей.

Определил закон и систему подчинения земств властям. Должностные лица земских учреждений, превысившие свои полномочия, подлежали судебному «преследованию». Губернатор и глава МВД имели право приостановить любое решение земства, которое противоречило «законам и общим государственным пользам». Защитить земства мог только Сенат, где они могли обжаловать «противоправные действия властей».

Уездные и губернские земские учреждения имели распорядительные («земские собрания») и исполнительные («земские управы») органы. Члены земских собраний («гласные»), председатель и члены земских управ избирались на три года. В уездных и губернских земских собраниях состояло (в разных уездах и губерниях) от 10 до 100 гласных, в составах управ – от 3 до 7 человек.

Уездные земские собрания избирались всеми жителями уезда, соответствовавшими требованиям избирательного ценза. Выборы проводились на трех избирательных съездах (по куриям). Все избиратели делились на три курии: 1) уездных землевладельцев (преимущественно помещиков и богатых крестьян-землевладельцев); 2) городских избирателей (главным образом городской торговой и промышленной буржуазии) и 3) выборных от сельских обществ (преимущественно крестьян). Выборы по первым двум куриям были прямыми,

по третьей – трехстепенными: сначала сельский сход выбирал представителей на волостной сход, который выбирал выборщиков, а те – уже депутатов в уездное земство.

Определял закон и нормы представительства в уездных земских собраниях от каждой курии. Наименьшая квота отводилась представителям городов. Равное представительство (формально) предоставлялось куриям уездных землевладельцев и сельских обществ – один гласный от 3 тыс. усредненных душевых наделов (не менее 200 дес. земли). Данная норма, безоговорочно, обеспечивала преобладание помещиков в земстве. Их число повсеместно превышало квоту сельских обществ и составляло половину всех мест в уездных собраниях. Примерно такой же была (в первые годы проведения реформы) доля уездных гласных-дворян (более 40%). Немногим меньше была в них доля крестьян и совсем скромно было представлено купечество – всего 10%. Другая картина наблюдалась в земских управах: дворяне занимали в них более половины мест, крестьяне – менее трети. И откровенно дворянскими выглядели губернские земства: в губернских собраниях дворяне занимали 75% всех мест, а в управах – 90%. Доля крестьян в губернских земствах была ничтожной – 10% и 1,5% соответственно. А ведь в большинстве губерний соотношение крестьян и дворян было разительным: 80% крестьян и дворян – менее 1%.

Следует отметить, что уездные и губернские земские собрания не были постоянно действующими органами. Очередные их сессии созывались раз в год и продолжались несколько дней. Проводились и внеочередные сессии. Заседания собраний были открытыми для публики. Однако большинство гласных не имели заметного влияния на ход земских дел, их работа в земствах не оплачивалась. Исключение составляли те, кто работал в управах и в специальных земских комитетах и комиссиях.

Деятельность земских учреждений

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было распространено – после принятия – на 34 великорусские губернии. Оно не вводилось лишь там, где отсутствовало дворянство (Сибирь, Южное Поволжье, Урал, Оотзейский край (там имелось самоуправление немецкого дворянства), Польша, Литва, Западный край (здесь доминировало шляхстское землевладение), Кавказ, Средняя Азия и Казахстан).

Введение земств началось в 1865 г. В тот год они были учреждены в 19 губерниях (из 34, в которых предусматривалось их введение). Закон об учреждении земств не распространялся на Сибирь, Архангельскую и Астраханскую губернии, где не было помещичьего землевладения, а также на национальные окраины – Польшу, Прибалтику, Кавказ, Казахстан и Среднюю Азию. В 1866-1869 гг. земства появились еще в 12 губерниях, а к концу 70-х гг. и в остальных, предусмотренных законом. В земские учреждения было избрано почти 12 тыс. гласных, половину которых составили землевладельцы, главным образом, дворяне.

Несмотря на «высокие слова» «Положения», земства не имели никаких политических функций, а сфера их деятельности ограничивалась исключительно вопросами местного значения. В их ведение отдано было устройство и содержание местных путей сообщения, земской почты, земских школ, больниц, богаделен и приютов, «попечение» о местной торговле и промышленности, ветеринарная служба, взаимное страхование, местное продовольственное дело, постройка церквей, содержание местных тюрем и домов для умалишенных. Однако и в пределах этой компетенции, земства находились под контролем местной и центральной власти – губернатора (уездные земства) и главы МВД (губернские земства). Не обладали они и исполнительной властью: для выполнения своих постановлений земства вынуждены были обращаться услугами местной полиции, подчинявшейся губернской администрации.

Сложным было и «материальное» положение земств. Доходная часть их бюджета определялась, главным образом, поземельными сборами. Они шли на содержание земских должностных лиц и служащих, а также на исполнение возложенных на земство обязанностей. Но этих средств не хватало даже на удовлетворение минимальных потребностей. Правительство же не выделяло никаких субсидий на содержание земских учреждений. В этой ситуации их выручала частная инициатива, благотворительность, меценатство и др.

Но и в условиях дефицита средств земства находили возможность решать (причем успешно) стоявшие перед ними задачи. Усилиями созданной ими «службы» повышался год от году уровень медицинского и ветеринарного обслуживания на местах. Усилиями земских врачей и фельдшеров постепенно улучшались санитарные условия на

селе, вошли в практику прививки оспы, что способствовало предотвращению опасных эпидемий. Принятыми мерами удалось на четверть снизить уровень смертности среди крестьян.

Завидные успехи были достигнуты и на ниве образования. К концу 70-х гг. число земских школ возросло до 12 тыс., а к 1914 г. – до 28 тыс. За этот же период земства подготовили на свои средства 45 тыс. учителей, общественный престиж которых был очень высок. Земские школы, по общему признанию, стали лучшими в стране сельскими начальными учебными заведениями. Образование в них получили почти 2 млн. детей.

Всеобщее признание получила и земская «сельскохозяйственная служба». Ее работники заботились о повышении плодородия почв, предпринимали настойчивые попытки преодолеть бытовавшие на местах экстенсивный характер земледелия, вводя в него различные технические новшества и севообороты. Содействовала земская «сельхозслужба» и формированию системы мелкого сельскохозяйственного кредита, а также развитию страхового дела на селе. При поддержке земств на местах ширилось строительство железных и шоссейных дорог. Но особое признание (не только в России, но и в мире) получила земская статистика, всесторонне исследовавшая народное хозяйство страны, являющая собой ныне богатейший источник по истории социально-экономического и аграрного развития пореформенной России.

Разносторонняя деятельность земских учреждений с самого начала их деятельности была настороженно встречена бюрократической элитой, усматривавшая в провинциальном «парламентаризме» истоки конституционализма. Именно этого хотели видеть в земствах либерально настроенные круги российского общества, добивавшиеся ограничения самодержавной власти. Но их стремлениям препятствовали консерваторы. Однако царившая в стране атмосфера (после отмены крепостного права резко активизировалось крестьянское движение, активно проявляла себя либеральная оппозиция) сковывала им «руки». По этим же причинам и правительство не могло ужесточить свой внутривнутриполитический курс. Это стало возможным после покушения Д. В. Каракозова на царя (4 апреля 1866 г.). Отразилось оно и на положении земств: их введение в губерниях почти приостановилось. Катализировал «каракозовский выстрел» и появление «стеснительных мер» в отношении земств. Вышедшие в 1866 г. «циркуляры

МВД и «разъяснения» Сената к земскому «Положению», отдали на «откуп» губернскому начальству право утверждать или не утверждать выборных должностных лиц и служащих земских учреждений, что еще более усилило «подотчетность земств местному начальству. 13 июня 1867 г. появился закон («О порядке производства дел в условиях и общественных собраниях»), введший цензуру губернатора на все материалы, публикуемые земствами. Запрещал он им и взаимодействие меж собой, а также предписывал председателям земских собраний закрывать заседания, если на них ставилось обсуждение вопросов, выходящих за пределы компетенции земств.

После этого нормативные акты «запретительного» характера «посыпались как из рога изобилия: а) о расширении губернаторского надзора за земством и порядком его работы; б) об ограничении открытости и гласности земских заседаний; в) об «ущемлении» финансовой самостоятельности земств; г) об ограничении прав земств облагать сборами торговые и промышленные заведения и др. Но несмотря на все препоны, «искалеченные разъяснениями и поправками», всесословное земство продолжало существовать и решать, не без успеха, стоящие перед ним задачи.

Подготовка городской реформы

Заключительным аккордом в деле реформирования системы местного самоуправления стала городская реформа, проводившаяся на тех же началах, что и земская.

Сословные органы городского самоуправления существовали в России с 1785 г. Первая попытка их реформирования, правда, применительно к столичным петербургским учреждениям, была принята в 40-е гг. XIX в. Разработчиком того «Городового положения» был Н. А. Милютин (в ту пору начальник департамента МВД), пользовавшийся поддержкой умеренно-либерального министра внутренних дел Л. А. Перовского. Реформатором был сохранен сословный принцип формирования городского представительства, но круг избирателей был расширен, чем и было положено начало самоуправленческому принципу.

Через полтора десятилетия примеру Петербурга последовала Москва. В октябре 1859 г. комитетом под руководством генерал-губернатора и «общественности» был подготовлен проект, который в марте 1860 г. был направлен в правительство и после «доработки» утверж-

ден царем (20 марта 1862 г.). «Городовое положение Москвы» устанавливало формальное равноправие сословий (единный избирательный ценз, в решении городских дел должны были принимать участие представители разных групп населения). Однако в незыблемости остались замкнутость избирательных курий, широкие массы горожан, по-прежнему, не имели избирательных прав, а финансовые возможности «самоуправления», как и прежде, - ограничены.

Структура самоуправления первопрестольной состояла из общей городской думы (представительный орган) и распорядительной думы (исполнительный орган). Московская городская дума сразу же стала играть весьма значительную роль в общественной жизни города.

С принятием московского «положения» началась работа по подготовке основ будущей «всеобщей городской реформы». Ее повели городские комиссии, учрежденные в 509 городах на основе «повеления» царя от 20 июля 1862 г. На основе собранных ими материалов МВД разработало в 1864 г. проект «Городового положения», рассмотрение которого (из-за опасений правительства столкнуться с оппозицией – в лице «модных городских крикунов», требующих конституции – а также вследствие усиления консервативных начал во внутренней политике после покушения Д. В. Каракозова на царя) сильно затянулось. Прошедший «горнило» Кодификационной комиссии проект поступил в 1867 г. в Государственный совет. Но в 1868 г. во главе МВД встал консервативный генерал А. Е. Тимашев, коему и попал проект на заключение. Последний подверг «Городское положение» значительным «исправлениям» в «охранительном духе». Тимашевская редакция проекта, сильно урезавшая права городского самоуправления, не удовлетворила либерально настроенный департамент законов Государственного совета и работа по выработке «основных» начал «Городового положения» пошла по «второму кругу». Когда она закончилась, то проект был обсужден вначале на заседании трех департаментов (законов, государственной экономии и духовных дел) Государственного совета и уже потом – на его общем собрании. Благодаря активной позиции председателя Государственного совета, великого князя Константина Николаевича, были «погашены» разногласия по проекту и в дополненном, уточненном виде он был представлен в Сенат, а потом – царю.

Городовое положение 1870 г.

Новое «Городовое положение» было высочайше утверждено 16 июня 1870 г. В соответствии с ним, в 509 городах (из 1130)

вводилось городское выборное самоуправление – городские думы. Компетенция городского самоуправления была (как и земского) ограничена узкими рамками хозяйственных вопросов: благоустройство городов, устройство рынков и базаров, попечение о местной торговле и промышленности, о здравоохранении и образовании, принятие санитарных и противопожарных мер.

Выборы в городские думы были тайными и проводились каждые 4 года. Их проводили специально создававшиеся избирательные собрания. Избирательным правом пользовались все «городские жители мужского пола» - русские подданные, - достигшие 25 лет и являющиеся «собственниками или представителями коллективных владельцев (ведомств, учреждений, обществ, товариществ, церквей и монастырей) городской недвижимости и торгово-промышленных заведений. Обязательное условие участия всех избирателей в выборах – исправная уплата ими налогов («городских сборов»). Закон предусматривал (в подражание прусской системе) равные квоты представительства крупных, средних и мелких налогоплательщиков («избирателей первого, второго и третьего разрядов»), составляющих (в зависимости от размера уплачиваемых «городских сборов») три избирательных собрания. Избиратели каждого из них, уплатив «совокупно» одну треть от всей суммы налогов, избирали и одну треть гласных городской думы. Рабочие, мелкие ремесленники, служащие и лица «свободных профессий, не будучи собственниками, к участию в выборах не допускались. И этого права лишалось подавляющее большинство горожан. Так, в Москве в 1872 г. из 600 тыс. ее населения в выборах участвовало около 21 тыс. человек (3,4% от общего числа москвичей). Потому-то в городских думах преобладали крупная буржуазия и дворяне-домовладельцы. Число гласных в них колебалось от 30 до 72, а в Москве и Петербурге – от 150 до 250 человек. В компетенцию городской думы входило назначение (или «замещение») выборных должностных лиц города: городского головы, его заместителя и других членов «градской думы», определение им содержания и решение вопросов «общественного управления» (об устройстве и развитии городского хозяйства, о городских налогах, сборах и др.). Непосредственное «управление городскими делами» осуществляла городская управа, подотчетная городской думе.

Главным лицом городского самоуправления был городской голова, утверждавшийся в губернских городах главой МВД, в других городах - губернатором. Это был, как правило, авторитетный человек, который благодаря силе своего экономического могущества и общественной популярности, мог решать многие важные вопросы (при скромном городском бюджете). Но «налаживанию городских дел» мешали не только ограниченность бюджетных средств, но и «противодействие» со стороны конкурентов, «завистников и враждебных партий». Все выборные должностные лица города «не состояли на «государственной службе», а потому и не получали «никакой платы». Исключение составлял «городской секретарь» в губернских городах, выполнявший большой объем канцелярских работ.

Высшей инстанцией, разрешавшей возникавшие споры в «городских делах» был, в соответствии с законом, Сенат. Органов и лиц, не всегда содействовавших деятельности городского самоуправления, было немало. В их числе значились «местные» власти, и особенно губернатор. Последний имел, согласно «Положению», право «надзора за законностью» всех постановлений городских органов, контролировались они начальником местного полицейского управления. Замеченное «контролерами» превышение полномочий городской думой и управой, тут превращало их постановления в «недействительные».

Внушали опасения правительству и «оппозиционные» выступления гласных, поэтому оно и ограничивало свободу их деятельности. Чтобы решение думы было «законным», т. е. действительным, гласные обязаны были извещать городского голову о своих «предложениях» за три дня до заседания думы. Регламентировал закон и нормы представительства в органах городского самоуправления лиц некоторых национальностей и вероисповеданий. К примеру, число нехристиан в составе городской думы или управы не могло превысить его треть. Не допускал закон занятия лицами иудейской религии должности городского головы.

Самым существенным моментом в ограничении прав органов городского самоуправления являлась (как и у земств) скудность материальных средств. Основу городского бюджета составляли «сборы» с недвижимости и торгово-промышленных заведений (1% с их доходов), а также с аукционов и городского имущества, арендуемого «частными лицами» в хозяйственных, торговых и бытовых целях. Государственные субсидии были мизерны. А ведь большую часть городс-

кого бюджета «съедали» государственные «нужды» - содержание полиции, тюрем, воинских казарм и др. Не менее 30% его шла на благоустройство, народное образование и здравоохранение.

Введение городской реформы в стране заняло не одно десятилетие. В начале 70-х гг. городское самоуправление было введено в 509 русских городах, в середине 70-х гг. – в Закавказье, западных и прибалтийских губерниях. Впоследствии, оно было распространено на 707 российских городов. Вне действия «Городового положения» 1870 г. остались Привислинский край (Польша), Финляндия и среднеазиатские владения России.

Городское самоуправление, созданное на базе дифференцированного имущественного ценза, имело по общему признанию исследователей, «очень узкую социальную основу в лице наиболее богатой части собственников-домовладельцев и крупной буржуазии. Реальное и действенное функционирование новых органов общественного управления было немыслимо без «финансовой и силовой поддержки» со стороны местных властей. И тем не менее, деятельность новых городских учреждений – детище прямой заинтересованности состоятельных слоев «градского общества» в улучшении городского хозяйства – имела в целом положительное значение в последующем социально-экономическом и культурно-бытовом развитии российских городов.

§ 2. Судебная реформа

Подготовка реформы

В дореформенной России существовала достаточно разветвленная, но весьма запутанная система судебных учреждений, носивших сословный характер. Судопроизводство было тайным и закрытым, с присущей ему беспорядочной и продолжительной бумажной волокитой. При рассмотрении дел преимущество всегда имела «обвиняющая сторона». На ее материалах и основывалось, как правило, судебное разбирательство, заранее предreshавшее его исход. Наконец, предреформенный суд полностью зависел от администрации, которой и принадлежали, по существу, судебные функции. Попытки реформировать «такой» суд предпринимались и в первой половине XIX в. Но далее деклараций дело не пошло.

Настоятельная потребность изменить существующие в стране порядки была высказана Александром II 19 марта 1856 г. в манифесте по случаю окончания Крымской войны («да правда и милость царствуют в судах»). И надо сказать, эта фраза царя не стала пустой декларацией: за ней последовало несколько «повелений», направленных на утверждение в судах принципа – «презумпции невиновности» – до вынесения обвинительного судебного приговора никто не мог объявлять преступником обвиняемого в совершении уголовного преступления.

Подготовка судебной реформы началась в 1857 г. во II отделении, возглавлявшимся Д. Н. Блудовым. В подготовленном его учреждением проекте нового гражданского судоустройства предлагалось «учредить» принцип состязательности процесса, сократить число судебных инстанций и повысить «квалификационный» уровень судейского аппарата. Как и полагалось, вокруг проекта развернулась острая дискуссия, завершившаяся его «отклонением». После этого в работу над основами будущей судебной реформы «вмешалось» морское ведомство, возглавляемое великим князем Константином Николаевичем. Подготовленный в нем проект (главный разработчик юрист П. Н. Глебов) был представлен в 1860 г. на суд специалистов и общественности. Основанный на нормах европейского права (в частности, французской судебной системы), он предлагал следующие «начала» реформы: а) независимость судов; б) несменяемость судей; в) презумпция невиновности; г) публичное устное судопроизводство; д) состязательность и гласность уголовного процесса; и е) обеспечение права обвиняемого на защиту. Предусматривал «глебовский» проект также вынесение приговора большинством судейских голосов, невозможность его изменения никакой инстанцией, а при его обжаловании – привлекать другой состав суда или вынесение приговора вышестоящим судебным органом и др.

Проект П. Н. Глебова был обсужден в разных ведомствах и всюду он нашел понимание сущности реформы, которую рецензенты не стали сводить даже к «частным улучшениям».

Наряду с морским ведомством, разработкой основ судебной реформы занимались и высшие правительственные инстанции. Их усилиями были подготовлены проекты создания независимой адвокатуры («присяжных стряпчих»), структуры будущего судопроизводства (в котором особое внимание было уделено низшей его ступени – ми-

ровым судьям), уголовно-процессуального устава, института судебного следствия и др. Всего к началу 1861 г. в распоряжении правительства оказалось 14 проектов судебной реформы. Выработку «общих ее начал» царь поручил в октябре 1861 г. Государственной канцелярии, при которой была сформирована специальная комиссия, в состав которой вошли С. И. Зарудный, Д. А. Ровинский, К. Победоносцев и другие выдающиеся юристы.

Руководствуясь царским повелением «руководствоваться в работе началами, польза коих подтверждена наукою и опытом европейских государств», комиссия подготовила уже к весне 1862 г. основные положения закона. Согласно им, новая судебная система должна была функционировать независимо и от законодательной, и от исполнительной власти. Основополагающими ее моментами должны были стать принципы бессловесности – «равенства всех перед законом и общим для всех судов; несменяемости судей; самостоятельности адвокатуры и состязательности процесса». Уголовные дела, по замыслу авторов проекта, должны были рассматриваться судом присяжных.

Проект, разработанный комиссией Зарудного, поступил в апреле 1862 г. в Государственный совет, где и обсуждался до середины сентября месяца. 28 сентября 1862 г. «Основные положения преобразования судебной части в России» были утверждены царем и разосланы судебным учреждениям, университетам и известным иностранным юристам «для отзыва». В соответствии с «высочайшим повелением», при Государственной канцелярии была образована новая комиссия (из чиновников канцелярии, представителей Второго отделения и министерства юстиции, а также лучших юристов России) для составления «судебных уставов». Готовя их, комиссия, «душой» которой был С. И. Зарудный, постоянно обращалась «за содействием к общественным силам», что и предопределило успешный исход ее деятельности.

Новая судебная система России

В августе 1864 г. проекты новых судебных уставов были представлены комиссией в Государственный совет и одобрены им, а 20 ноября того же года утверждены Александром II и получили силу закона. Отныне деятельность новой судебной системы определялась четырьмя законами: «Учреждениями судебных постановлений», «Уставом уголовного судопроизводства», «Уставом гражданс-

кого судопроизводства» и «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». В соответствии с ними, в стране вводилась новая единая структура судебной власти – независимый суд. Отныне судебные учреждения отделялись от законодательной и исполнительной власти, действие суда одинаково распространялось «на лица всех сословий», т. е. вводилось равенство всех перед законом.

Особую (не входившую в общую судебную систему) инстанцию являл собой мировой суд. Мировые округа соответствовали уездам (а также частям столичных городов) и подразделялись на участки, каждый из которых «обслуживался» мировым судьей. Они были «участковыми» и «почетными». Участковый мировой судья исполнял свои обязанности только в пределах «вверенной ему местности». Совмещать свои полномочия с другой служебной и общественной деятельностью он не мог, поскольку труд его оплачивался из местного бюджета. К услугам почетного мирового судьи прибегали лишь в том случае, когда в его посредничестве была заинтересована одна из сторон (а иногда и обе). Труд его не оплачивался, а потому он мог состоять на государственной и общественной службе. Почетным мировым судьей мог стать и участковый судья, для этого ему нужно было отказаться от «положенного содержания».

Мировым судьей мог стать человек не моложе 25 лет, имевший высшее или среднее образование и «юридический опыт» и «отвечавший» требованиям имущественного ценза (в сельской местности – иметь 400 дес. земли или иметь недвижимость стоимостью 15 тыс. рублей; в городах – недвижимость стоимостью – 3 тыс., а в столицах – 6 тыс. рублей). Мировые судьи (участковые и почетные) избирались уездными земскими собраниями, а в столицах – городскими думами сроком на 3 года. Избранные судьи утверждались Правительствующим Сенатом, а их деятельность контролировалась его первым департаментом.

Участковые и мировые судьи всего мирового округа образовывали следующую ветвь новой судебной системы – съезд мировых судей во главе с выборным председателем. Эта структура принимала окончательное решение по рассматриваемым делам, а также пересматривала мелкие уголовные дела и административные правонарушения. Самыми строгими наказаниями за них были штраф (не более 300 руб.), общественные работы (для крестьян и мещан – «обязательные», для представителей других сословий – «по их просьбе»), арест – сроком до 3 месяцев и тюремное заключение (не более одного года).

Следующей ветвью новой системы был Общий или Коронный суд – решавший наиболее важные дела. Он был представлен: **окружными** судами, **судебными палатами** и **Сенатом**. Компетенция первых (состав – председатель и несколько членов) распространялось на несколько уездов (как правило, территория одной губернии). Их членами являлись **судебные следователи**, проводившие предварительное дознание по уголовным делам. Полиция проводила следствие лишь относительно самого факта совершения преступления, подозреваемых лиц и обязана была передать делопроизводство сразу же по прибытии судебного следователя. Уголовные дела, влекшие лишение или ограничение прав состояния, других прав, подлежали рассмотрению окружным судом при участии в нем **«присяжных заседателей»**. Ими могли быть русские подданные всех сословий в возрасте от 25 до 70 лет, соответствовавшие требованиям имущественного ценза и прожившие в данном уезде не менее двух лет. Из списков присяжных заседателей исключались полицейские чины, духовенство, военные и учителя народных школ. Общие их списки окончательно утверждались губернатором.

Избрание присяжных производилось в суде (по жребию). Из 30 человек предназначенных для исполнения данных обязанностей, «обвинение» (прокурор и частный обвинитель) могло отвести не более шести, а подсудимый (или подсудимые) – не более 12. Из оставшихся «претендентов» определялись 12 «компетентных» присяжных заседателей и 2 «запасных (для замещения выбывших)». После выбора присяжных, председатель суда приводил их к присяге. Приговор присяжных (о виновности или невиновности подсудимого) выносился или «единогласно», или большинством голосов. При их разделении в силу вступало решение «в пользу подсудимого». Обвинительный приговор присяжных мог быть отвергнут единогласным решением судей. В этом случае дело передавалось на рассмотрение нового состава присяжных заседателей. Если приговор выносился судом без участия присяжных заседателей, то он считался **неокончательным** и пересматривался **в апелляционном порядке** в судебных палатах.

Центром судебного округа (объединял несколько губерний и отдельных уездов) являлась **судебная палата**, состоявшая из нескольких департаментов во главе с их председателями. Общее собрание департаментов палаты возглавлял «старший» председатель. Палата имела право на апелляционный пересмотр «неокончательных» приговоров окружных судов по гражданским и уголовным делам, а так-

же дел о должностных (чиновников от 8 до 5 класса, выборных лиц уездного земства, присяжных заседателей окружного суда и самой палаты) и государственных преступлениях. Должностные преступления рассматривались в присутствии присяжных заседателей, государственные – вместе с **сословными представителями** (губернские и уездные предводители дворянства, городской голова, волостной старшина).

Высшим кассационным судом являлся Сенат, в котором имелось два кассационных департамента (для уголовных и гражданских дел), которые могли отменить **окончательный приговор** нижестоящей судебной инстанции (окружного суда, судебной палаты), в случае нарушения ей законодательства или установленного порядка судопроизводства. После отмены приговора дело вновь разбиралось в том же суде в новом составе «членов присутствия» или же в суде «равной с ним по степени».

Принимаемые Сенатом решения были окончательные и не подлежали обжалованию. Право же помилования принадлежало только императору.

В составе судебного ведомства находилась и **прокуратура**, которая осуществляла надзор за законностью действий судебных учреждений. Систему прокурорского надзора составляли **обер-прокуроры кассационных департаментов Сената, прокуроры судебных палат и окружных судов**. Прокуроры подчинялись министру юстиции, который являлся одновременно и генерал-прокурором, и располагали штатом помощников – «товарищей прокурора». Прокурорский надзор обеспечивал «единство» судебно правового устройства в стране и был подотчетен только императору. От него зависело назначение на должности (по представлению министра юстиции) председателей и членов судебных палат и окружных судов (в т. ч. и судебных следователей), обер-прокуроров Сената, прокуроров и заместителей прокуроров судебных палат и прокуроров окружных судов. Причинами их увольнения были только «неявка на службу после назначения», «тяжелая болезнь», а также «обвинительный приговор уголовного суда».

Непосредственное исполнение решений судебных инстанций (окружных судов, судебных палат и кассационных департаментов Сената) возлагалось на **судебных приставов**, назначавшихся председателями окружных судов и судебных палат, обер-прокурами кассаци-

онных департаментов Сената. Судебные приставы не зависели от полиции. Чины последней, привлекавшиеся к исполнению обязанностей судебных приставов, подчинялись в своей деятельности не полицейскому начальству, а главе судебного органа.

Согласно новым судебным уставам, учреждался в стране новый орган – **институт адвокатуры (присяжных поверенных**, состоявших при судебных местах и приписанных к судебным палатам, но бывшие самостоятельными в своих действиях и не подчинявшихся каким-либо казенным инстанциям и должностным лицам). Присяжными поверенными являлись профессиональные юристы. Они были ответственны только перед **Советом присяжных поверенных** и связаны взаимными обязательствами со своими доверителями и подзащитными.

Общий порядок функционирования новой судебной системы и судопроизводства не был распространен на наиболее важные уголовные дела – на особо опасные государственные преступления и преступления, совершенные высшими правительственными сановниками. Эти дела находились в ведении **Верховного уголовного суда**, который не был постоянно действующей судебной инстанцией. Его председателем становился (по учреждению Суда) председатель Государственного совета, а судьями председатели департаментов Госсовета и члены общего собрания кассационных департаментов Сената. Предварительное дознание поручалось одному из сенаторов, прокурорские обязанности возлагались на министра юстиции, а защита – только на присяжных поверенных.

Но подписание царем судебных уставов и их обнародование не были свидетельством того, что работа над судебной реформой завершена. Новые законы надо было «внедрить» в жизнь. Порядок их введения в действие и стал на первых порах предметом обсуждения. Консерваторы сразу же высказались за «постепенность» их введения. Их точку зрения поддержал Александр II, которая нашла свое отражение в «Положении о введении в действие судебных уставов», утвержденном им в октябре 1865 г. На его основании действие судебных уставов распространялось на 44 губернии. Но их введение шло очень медленно, а потому проведение судебной реформы в стране затянулось не на одно десятилетие. Так, судебные палаты в столицах были открыты в 1866 г., в Харькове – в 1867 г., в Одессе – в 1869 г., в Казани – в 1870 г., в Саратове – в 1871 г., в Киеве – в 1880 г., а в Вильне и того

позже – в 1883 г. К 1870 г. новые суды функционировали лишь в 23 губерниях, в других же губерниях и местностях введение новых судебных уставов завершилось в самом конце XIX в. Суд присяжных не был введен в Польше, на Кавказе, в Сибири и Туркестане. Не коснулась реформа также северных и юго-восточных окраин Европейской России – Олонецкой, Уфимской, Оренбургской и Астраханской губерний.

§ 3. Военные реформы

Необходимость военных реформ

Крымская война со всей определенностью показала (на фоне стремительного роста и модернизации военного потенциала западноевропейских держав) техническую отсталость русской армии и флота. Не выдерживала критики и система их комплектования: изжившие себя рекрутские наборы не позволяли, в случае военной опасности, мобилизовать (ни по количеству, ни по уровню военной подготовки) необходимые людские ресурсы. Так, в годы Крымской войны общая численность армии и флота составляла 2 миллиона человек или 3% от общей численности страны. В военных же действиях участвовало только 700 тыс. человек. Увеличить это число правительство не могло, так как в этом случае стране грозили хозяйственный упадок и народные волнения.

Страдала действующая армия и от беспорядка, а особенно от воровства. Обслуживавшая ее многочисленная и громоздкая администрация «работала» только на «себя», потребности армии и флота ее мало волновали. Вносили «разброд» и «шатания» в дело выучки солдат и матросов, в повышение боеготовности армии и флота, в обеспечении их всем необходимым территориальная и отраслевая децентрализованность. Поэтому после войны, одними из главных задач реформ армии и флота стали военно-техническая их модернизация и качественное улучшение боевой подготовки войск. Однако решение данных задач было невозможно без реорганизации и развития системы военных и морских учебных заведений (технических, артиллерийских, медицинских, юридических и др.), без воспитания высокообразованного командного состава. Препятствовали решению всего комплекса задач и феодально-сословные принципы военной организации.

Первые преобразования армии и флота

Вопрос о необходимости военных преобразований возник еще в правление Николая I. Впервые заговорил тогда об этом новый глава морского ведомства, великий князь Константин Николаевич. Благодаря инициативе генерал-адмирала русского флота и «всего морского сословия», был разработан и обсужден «Морской устав», который был «высочайше утвержден» в 1853 г. В условиях Крымской войны глава Морского министерства, используя частнопредпринимательскую инициативу и наемный труд, смог в течение 1854-1856 гг. создать «почти из ничего» морские силы, которые пришли на смену парусным судам, испытать и установить на подступах к Кронштадту новейшие морские мины, что способствовало отведению угрозы вражеского нападения на Кронштадт и Петербург.

Реорганизация морской промышленности показала главе русского флота преимущества работы по найму, поэтому в его ведомстве система подневольного труда была полностью ликвидирована. Подверглись изменению и принципы формирования флота: рекрутскому набору было противопоставлено «вольнораемное комплектование». Это нашло свое отражение в создании (с «высочайшего разрешения») в 1854 г. «вольнораемной канонерской флотилии» из 1 тыс. «охотников-крестьян» Петербургской, Новгородской и Олонецкой губерний для защиты «финляндских шхер». Удачный опыт «вольного» формирования флотилии убедил генерал-адмирала в правильности избранного пути и он выступил в 1859-1860 гг. за постепенную замену как на флоте, так и в армии «насильственных рекрутских наборов вольным наймом». Однако его инициатива не нашла поддержки. Вместе с тем (и это показала Крымская война), вопрос комплектования сухопутных и морских сил встал очень остро.

Несмотря на отказ, великий князь Константин Николаевич продолжил «модернизации» в своем ведомстве. В 1860 г. была проведена «реформа морской администрации». Главным принципом, определившим его цель, стал девиз генерал-адмирала: «Не флот существует для администрации, а администрация – для флота». Руководствуясь им, он упразднил многие должности и учреждения, передав широкие полномочия директорам департаментов морского министерства и местным начальникам, возложив на них одновременно и персональную ответственность за состояние дел. Благодаря реформе, численность чиновников морского ведомства сократилась на 600 чел.,

т. е. более чем на половину. Не без участия главы министерства было проведено в 1862 г. **преобразование морских учебных заведений**, налажена постройка «винтовых судов». К 1863 г. Балтийский флот уже имел 26 винтовых судов. Однако ведущие морские державы располагали большим их количеством, особенно броненосных судов. Это подвигло морского министра на решение данной задачи: в 1864 г. на вооружении русского флота стояло уже 16 броненосцев, а в 1869 г. – 23. Достижения кораблестроителей позволило морскому ведомству отказаться от размещения заказов за границей. Успешное реформирование дел в морском министерстве понудило Александра II «высочайше» повелеть «последовать» другим ведомствам «этому примеру».

Первым на призыв императора откликнулся военный министр Д. А. Милютин, знавший состояние русской армии не понаслышке. В январе 1862 г. он представил царю доклад, в котором была начертана программа реформ. В первую очередь, министр предложил сократить численность армии в мирное время до пределов, позволяющих ей сохранять военную готовность и многократно ее увеличивать во время войны. Для этого предлагалось максимально уменьшить численность нестроевых частей и создать вместо них обученный «боевой резерв» из лиц, прошедших военную подготовку во время прохождения «действительной службы» и досрочно отправленных (через 8-11 лет) в «отпуск».

Особое внимание в докладе уделялось подготовке офицерских кадров. Их замещение во время войны Милютин видел в «производстве младшего командного состава в офицеры», а также в «расширении системы специализированных военно-учебных заведений». Предусматривал министр и перевооружение армии нарезным стрелковым оружием, артиллерийской техникой, управление войсками и др. Доклад Милютина был одобрен Александром II, что и положило начало реформ в армии.

Первые преобразования в армии и министерстве

Первым шагом к переустройству армии стало введение в стране военных округов, осуществленное на основе «высочайшего повеления государя» в ответ на «Главные основания устройства военного управления», представленные ему военным ведомством

в мае 1862 г. В соответствии с ними, были тогда образованы первые (в виде опыта) четыре военных округа (Варшавский, Виленский, Киевский и Одесский), двухлетняя деятельность которых наглядно подтвердила целесообразность введения территориальной системы военного управления. Это и послужило основанием для утверждения 6 августа 1864 г. «Положения о военных округах». Военный округ (командующий войсками, совет, штаб, управления округа и местная военная структура) представлял собой уменьшенную копию военного ведомства. В 1864 г. были созданы Петербургский, Московский, Финляндский, Рижский, Харьковский и Казанский округа, а после 1864 г. – Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Туркестанский военный округа. Таким образом, вся территория России (кроме Области Войска Донского) была подразделена на 15 военных округов.

Децентрализация военного управления позволила устранить мешавшую делу местную волокиту, споры и несогласованность действий между начальниками разных ведомств и рангов. Отныне все «местные военные вопросы» (строевые и хозяйственные) решались не отдельными структурами, а военно-окружным управлением. В ведении военного министерства остались лишь вопросы управления, касавшиеся и имевшие значение для всей армии. Но и последнее оставалось уже не тем, что ранее: военное министерство тоже реорганизовывалось. Так, в 1863 г. в его составе появился единый военный центр – Главное управление Генерального штаба, - отвечавший за выработку общей военной стратегии и тактики. Раньше этими вопросами «ведали» департамент Генерального штаба и военно-топографический отдел, и, в какой-то мере, Николаевская академия Генштаба. Но и новая структура просуществовала недолго: в начале 1866 г. Главное управление Генерального штаба было объединено с инспекторским департаментом военного министерства. Новое учреждение, получившееся от этого «слияния» - Главный штаб – стало весть вопросами управления войсками (в мирное и военное время), состава и комплектования армии, мобилизации, дислокации войск, военного устройства, разведки, военно-учебной и военно-научной работы. Но на этом реформирование военного министерства не закончилось. Появившееся 1 января 1869 г. «Положение о военном министерстве» внесло новые штрихи в его структуру. Отныне оно состояло из Императорской главной квартиры, Военно-походной канцелярии его император-

ского величества (поскольку император являлся Верховным командующим сухопутными силами страны), Военного совета, Главного военного суда, Канцелярии военного министерства, Главного штаба, 7 главных управлений, Военно-учетного комитета и некоторых других частей. Расширяло «Положение» и полномочия военного министра. Теперь в его подчинение переходили все отрасли «военно-сухопутного управления», имевшие прежде самостоятельное значение и подчинявшиеся непосредственно царю (гвардия, артиллерия, инженерные войска и военно-учебные заведения).

Проведенные реформы позволили децентрализовать структуру управления войсками, оставив за центральной администрацией главным образом функции стратегического руководства, а также привели к значительному сокращению чиновников, к искоренению бюрократического бумаготворчества (штаты министерства уменьшились на 1000 чел., а канцелярская переписка сократилась почти на половину), что, в свою очередь, сказалось на повышении эффективности военного управления.

Реформирование военно-учебных заведений и отмена рекрутчины

В соответствии с «Главными основаниями устройства военного управления», с осени 1862 г. началась реорганизация военно-учебных заведений с целью придания им характера специальных. С этой

целью ликвидировались кадетские корпуса, не дававшие своим воспитанникам «целевого военного назначения», т. е. образования. В течение 1863-1866 гг. 12 кадетских корпусов были преобразованы в военные гимназии (сначала с 6-летним сроком обучения, а с 1874 г. с 7-летним). Они готовили своих воспитанников к поступлению в военные училища, численность которых росла с каждым годом. В 1864 г. появились юнкерские училища, готовившие пехотных, кавалерийских и казачьих офицеров.

Совершенствовалась и система высшего военного образования. Его давали Николаевская академия Генерального штаба, Николаевская инженерная, Михайловская артиллерийская и Медико-хирургическая академия. В 1867 г., в связи с введением новой военно-судебной системы, вошла в «строй» высших военных учебных заведений – Александровская военно-юридическая академия. Уровень преподавания в них был очень высок. Достаточно сказать, что в академии

работали тогда многие выдающиеся ученые: профессор баллистики Н. В. Маиевский, профессор технологии А. В. Гадолин, профессор математики П. Л. Чебышев, профессор хирургии П. А. Дубовицкий, выдающийся химик Н. Н. Зонин, терапевт С. П. Боткин, физиолог И. М. Сеченов и др.

В результате преобразований военное ведомство получило к концу 70-х гг. развитую систему учебных заведений, состоявшую из 6 военных академий, 6 военных училищ, 18 военных гимназий, 16 юнкерских училищ, 8 прогимназий, Пажеского и Финляндских корпусов, имевших специальные классы, и подготовительного пансиона Николаевского кавалерийского училища.

К вопросу об изменении принципов комплектования армии военное ведомство обратилось, как известно, еще в начале 60-х гг. XIX в. Рекрутские наборы, распространявшиеся только на крестьян и мещан уже давно изжили себя. Освободив 20% населения от воинской повинности, они «служили тормозом» обеспечения армии необходимыми ей людскими ресурсами. В европейских же странах все было по-иному: их армии стремительно перевооружались, наращивали (используя массовое обучение мужского населения военному делу) свою военную мощь, увеличивая для этого контингент призываемых в армию.

Эти «внутренние резервы» давно уже были на «примете» у Д. А. Милютин. В 1862 г. по его инициативе при Государственном совете была создана специальная комиссия (под председательством члена Совета Н. И. Бахтина), начавшая готовить «новые начала» призыва на военную службу. Идеи бессословной **всеобщей воинской повинности** были встречены аристократией «в штыки», а потому работа комиссии продвигалась медленно. Молниеносный разгром Франции в 1870-1871 гг. Пруссией, армия которой была укомплектована по принципу «всеобщей воинской повинности» и в силу этого была «великолепно отмотелизованной», «просветил», в известной степени, правительственных сановников в необходимости идти «по прусскому пути». Это помогло Милютину внести 19 января 1873 г. в Государственный совет проект «Устава о воинской повинности», провозглашавший бессословный принцип формирования армии и флота (призыву на военную службу подлежали лица мужского пола независимо от сословной принадлежности). Его обсуждение началось в Особом совещании в апреле и продолжалось до ноября 1873 г. Ос-

новными противниками проекта выступили представители «петербургской аристократической партии», защищавшие право дворян на «производство в офицерский чин». Однако великий князь Константин Николаевич, используя статус председателя, заставил оппонентов Д. А. Милютин (фельдмаршалов А. И. Барятинского и Ф. Ф. Берга, шефа жандармов П. А. Шувалова, наставника цесаревича Александра III – К. П. Победоносцева – и др.) отказаться от своих возражений. И когда они сделали это – закон был одобрен «единогласно». 1 января 1874 г. царь утвердил «Устав о воинской повинности».

С его подписанием в жизнь вводилась всеобщая воинская повинность. Отныне призывники лишались права нанимать «охотников» отбывать службу вместо себя или «откупаться от нее деньгами». Теперь призыву на военную службу подлежали все физически здоровые лица мужского пола «без различия званий и состояний», достигшие 21 года. На призывные пункты они должны были являться добровольно. Зачисление на службу производилось по жребию. Лица, «не попавшие на службу» (не вытянувшие «нужный для этого номер»), навсегда освобождались от воинской повинности.

Определял «Устав» и сроки военной службы: в мирное время, в сухопутных войсках полагалось служить «6 лет на действительной службе» и «9 лет пребывать в запасе», на флоте – 7 и 3 года соответственно. Все остальное мужское население (в возрасте от 21 до 40 лет), не состоящее на военной службе, но способное носить оружие, зачислялось, в соответствии с «Уставом» в «государственное ополчение», в т. ч. и лица, уволившиеся в запас. Он же предусматривал освобождение от военной службы народы Средней Азии, Кавказа, Крайнего Севера, Сибири, отдельных групп «колонистов», а также духовных лиц всех вероисповеданий, деятелей науки и искусства, преподавателей учебных заведений. Устанавливал «Устав» и другие льготы (по семейному положению, имущественному и образовательному «цензу» и др.). Так, не призывались на военную службу «единственные сыновья, единственные кормильцы семьи, младшие сыновья (у которых старший брат отбыл или отбывает действительную службу)». Отсрочку от нее (на 2 года) получали те, кто являлся «управляющим своего недвижимого имущества», также учащиеся высших учебных заведений (до окончания вуза). Закончившие их служили в армии всего 6 месяцев. По окончании службы они зачислялись в запас на 14,5 лет. Выпускники средних учебных заведений (реальных учи-

лиц, гимназий и др.) «состояли (в соответствии с «Уставом») 1,5 года на действительной службе и 13,5 лет в запасе», лица с неполным средним (специальным) образованием – «3 года и 12 лет», а те, кто имел начальное образование – «4 года и 11 лет» соответственно. Предусматривал «Устав» льготу для тех выпускников учебных заведений, которые изъявили служить в армии по разряду «вольноопределяющихся». Срок службы для них сокращался в два – три раза. Предусматривался для них и «ускоренный порядок» их производства (после успешной сдачи положенных экзаменов) в унтер-офицеров и офицеров.

Новая система формирования армии и флота показала, что в мирное время ими может быть «поглощено» только 25-30% призывников от их общего числа. Поэтому свыше 50% их освобождалось от службы по «семейным обстоятельствам», а 15-20% - «из-за физической непригодности».

Таким образом, новый «Устав» видел силу государства не только в численности армии, и в ее «умственных и нравственных свойствах». Он предписывал не только военные и физические упражнения солдат, но и обязательное обучение их грамоте (до 80% призываемых на службу были неграмотными). Важным следствием введения нового «Устава» в жизнь стало омоложение армии и быстрое вырастание численности обученного резерва, так необходимого для развертывания армии в военное время. Введением льготных правил для вольноопределяющихся армия давала понять, что нуждается в выходцах из числа образованной молодежи, добровольно избравших военную службу. Однако незавершенность военных реформ способствовала сохранению в армии протекционизма, кастовости офицерства и бесправия солдат, что тормозило ее выход на уровень вооруженных сил развитых европейских держав.

§ 4. Реформы в области просвещения

Значительные перемены социально-экономического и политического характера, происходившие в стране после отмены крепостного права и участие представителей всех сословий в разных сферах общественной жизни требовали и модернизации системы народного просвещения.

Подготовка реформы в области просвещения

Работа по реформированию народного просвещения началась почти сразу же после воцарения Александра II. Тогда были отменены многие ограничения, введенные в сфере образования Николаем I. Закон, появившийся 23 ноября 1855 г. «высочайше» разрешал университетам принимать «неограниченное число студентов на все факультеты». Спустя год, в министерстве народного просвещения был восстановлен «ученый комитет», в состав которого вошли видные ученые, профессора. В сфере его деятельности находились вопросы преподавания в учебных заведениях, составления новых учебных программ и методических рекомендаций. Он-то и приступил к подготовке **школьной реформы**. В разработке ее основных начал принимали активное участие многие выдающиеся русские писатели, общественные деятели и педагоги (Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский и др.).

Подключилась к выработке основ реформы и общественность. При ее участии рассматривались и обсуждались не только общие вопросы народного просвещения, но и создания массовых школ, таких как **воскресные**, появившиеся в стране в конце 60-х гг. Учились в них как дети, так и взрослые. Обучались те и другие чтению и письму, Закону Божьему и начальным правилам арифметики. Обучение в школах было бесплатным. Преподавателями в них работали студенты, учителя, литераторы, чиновники, офицеры и др. В начале 60-х гг. в стране насчитывалось около 300 воскресных школ (главным образом, мужские). В 1860 г. они были официально приравнены к начальным учебным заведениям. Однако после раскрытия Киево-Харьковского тайного общества, члены которого, в большинстве своем, были учителями воскресных школ, резко изменили отношение властей к ним. И в июне 1862 г. воскресные школы были закрыты.

Однако министерство народного просвещения, возглавляемое одним из идеологов либеральной бюрократии А. В. Головниным, настойчиво боролось за совершенствование системы начальных, средних и высших учебных заведений. Первой задачей, которую надо было решить, - это вывести начальные школы «из-под власти» министерств: государственных имуществ; уделов; внутренних дел; и Синода. И министр А. В. Головнин добился своего: вышедшее 18 января 1862 г. распоряжение царя «высочайше повелело» передать все «начальные общеобразовательные заведения» в ведение министерства народного

просвещения. После этого министр провел внутриведомственную «перестройку». Согласно новому «Учреждению министерства народного просвещения» (утверждено 18 июня 1863 г.), цензура от Головкина перешла в МВД; была сокращена численность чиновников, что позволило увеличить ассигнования на нужды образования.

После этих преобразований на повестку дня встал вопрос о реорганизации народных училищ. Такой план был разработан «ученым комитетом» министерства народного просвещения к началу 1863 г. Он до минимума сводил влияния государства на внутреннюю жизнь учебного заведения и в то же время предусматривал широкое распространение в стране частных школ. Согласно проекту, начальные училища делились на **образцовые** (учреждались министерством) и **народные** (создавались обществами и частными лицами). Руководство начальными училищами проект «вручал» **местным училищным советам** (из представителей разных ведомств).

14 июня 1864 г. царь утвердил «Положение о начальных народных училищах». В соответствии с ним, начальными народными училищами становились: а) приходские училища (содержались сельскими обществами и частично за счет казны и частных пожертвований); б) народные училища (создавались и содержались частными лицами). Право открывать свои «сельские школы» имели также министерства: государственных имуществ; внутренних дел; удельное и горное. Содержать эти школы обязаны были местные общества. Открывало свои школы (церковно-приходские училища) и Духовное ведомство. Вновь были возрождены воскресные школы, которые могли утверждаться правительством, городскими и сельскими обществами, а также частными лицами для обучения рабочих и ремесленников. При «устройстве» начальных школ первостепенное значение отводилось земским учреждениям, особенно в части их содержания.

Учебная программа народных училищ была для всех одинакова. В них изучались Закон Божий, чтение, письмо, четыре действия арифметики и церковное пение. Руководство учебной частью осуществляли **училищные советы**. В состав **уездного** училищного совета входили два представителя уездного земского собрания и по одному человеку от местных ведомств. Председателя совета избирали его члены. Наблюдение за религиозно-нравственной стороной жизнедеятельности училищ осуществляли местные приходские священники. Значительно «внушительнее» выглядел **губернский** училищный совет.

В его состав входили губернатор, архиерей, директора губернских училищ и два представителя губернского земского собрания. Председательствовал в совете архиерей.

Вслед за начальными, были реформированы и средние учебные заведения. Преодолев сопротивление сторонников классического и реального образования, 19 ноября 1864 г. увидел свет компромиссный «Устав гимназий и прогимназий министерства народного просвещения», формально закреплявший бессловный принцип приема и обучения детей, достигших десятилетнего возраста, в средних учебных заведениях. Единственным требованием для кандидатов на поступление в гимназию и прогимназию было «владение» ими навыками чтения, письма, арифметики и знание «главных молитв». Но, несмотря на провозглашенные в «Уставе» принципы, обучение в гимназии и прогимназии было платным (и достаточно высоким). Потому-то среди лиц, окончивших в 70-е гг. XIX в. средние учебные заведения были дети: дворян и чиновников (55%), городской буржуазии (30%), крестьян (6,5%) и прочих (8,5%).

В соответствии с «Уставом», в стране создавалось два типа семиклассных гимназий: **классические** и **реальные**, а также два типа четырехклассных прогимназий: **классические** и **реальные**, соответствовавшие первым четырем классам гимназии. Выпускники прогимназий могли переводиться в пятый класс гимназии соответствующего типа.

Выпускники классических гимназий получали чисто гуманитарное образование. Им преподавались: Закон Божий; русский и церковно-славянский языки; словесность; латинский и греческий языки (древние «классические» языки составляли основу классической системы образования); математика; физика и астрономия; история; география; естествознание; немецкий и французский языки (по выбору); чистописание; рисование и черчение.

В реальных гимназиях была та же программа, но с небольшой «корректировкой»: в ней не было древних языков, зато более углубленно изучались: математика; естествознание (к которому добавлялась химия); физика и астрономия; немецкий и французский языки (оба в обязательном порядке); рисование и черчение. Получали выпускники и необходимые познания о государственном строе, верховной власти, учреждениях, уголовном и гражданском законодательстве.

По окончании курса обучения выпускники классических гимназий поступали (без экзаменов) в университеты, а выпускники реальных – преимущественно в высшие технические учебные заведения. Могли они поступать и на соответствующие факультеты университетов, но, по «настоящему» оппонентов реального образования (из Госсовета), доступ их в университеты был сильно ограничен.

Была «модернизирована» и **университетская жизнь**. Сначала был снят запрет на проведение публичных диспутов, потом дано разрешение (формальное) на поступление в университет всем лицам (в т. ч. получившим домашнее образование, а также выходцам из низших сословий). В 1861 г. была отменена студенческая форма. Более кардинальные изменения университетских порядков начались после массовых студенческих волнений. Они понудили правительство создать в декабре 1861 г. специальную комиссию, в которую вошли попечители учебных округов и профессора. В начале 1862 г. ею был подготовлен новый (взамен николаевского 1835 г.) университетский устав, который был разослан для отзыва во все университеты, губернаторам, предводителям дворянства, церковным архиереям, а также иностранным ученым. После такого рассмотрения и многократных исправлений, он был «высочайше» утвержден (18 июня 1863 г.).

Это был, по общему признанию, самый либеральный закон эпохи «великих реформ», ибо, предоставив университетам широкую автономию, он превращал их в «особые учебные корпорации» преподавателей. Советы университетов вновь получили право самостоятельно решать учебные, научные, административно-финансовые и иные вопросы, присуждать ученые степени и звания, распределять государственные ассигнования по факультетам. Избранные вузами ректор, проректора, деканы и профессора утверждались потом в должности министром народного просвещения. Попечитель учебного округа мог отныне лишь наблюдать за законностью деятельности университета.

Обучение в вузах было платным. Ежегодная плата в столичных университетах составляла 50 руб., в других – 40 руб. Малообеспеченные студенты пользовались правом отсрочки платы. В некоторых случаях она уменьшалась им на половину, а иногда – и вовсе отменялась. Вместе с тем, студенты не получили былых корпоративных прав, а потому и рассматривались как отдельно взятые посетители, которые «подлежали дисциплинарному суду за нарушение университетских правил».

Действие «Университетского устава» распространялось (с момента введения) на шесть университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Киевский и Новороссийский (Одесский). Дерптский, Гельсингфорский и Варшавский руководствовались своими уставами.

Открыто заговорили во второй половине 50-х гг. XIX в. и о развитии женского образования. В 1858 г. по инициативе педагога Н. А. Вышнеградского (и под патронажем императрицы Марии Александровны) было открыто в Петербурге первое бессловное семиклассное женское училище – Мариинское. Этот «почин» узаконило «Положение о женских училищах ведомства народного просвещения», изданное 30 мая 1858 г. Создаваемые им женские училища, закон предписывал содержать на общественные, благотворительные и частные средства, выделение государственных субсидий на эти цели оговаривалось в каждом конкретном случае.

Модернизационные процессы, охватившие с начала 1862 г. народное «просвещение», коснулось и женских училищ. В соответствии с законом от 10 ноября 1862 г., они были преобразованы в **женские гимназии**. Предусматривались в нем и **прогимназии**. Женские гимназии имели сокращенную программу преподавания общеобразовательных дисциплин, но, как и мужские, были семилетними. К концу XIX в. в стране имелось 142 женских гимназии, в т. ч. 28 частных и 29 «мариинских».

В начале 60-х гг. начал обсуждаться вопрос и о женском высшем образовании. У его истоков, опять-таки, стоял Н. А. Вышнеградский. По его инициативе был открыт в петербургском Мариинском училище педагогический класс для подготовки учительниц. Начинание Вышнеградского закрепило «Положение» 1870 г.: оно разрешало создавать 8-й педагогический класс всем женским гимназиям. В 1863 г. на базе «Вышнеградского педагогического класса» были учреждены «педагогические женские курсы», ставшие первым высшим (правда, частным) учебным заведением.

В дальнейшем стал обсуждаться вопрос о разрешении женщинам обучаться в университетах и сдавать экзамены на ученые степени наравне с мужчинами. В противовес общему согласию выступили только Московский и Дерптский университеты. Однако студенческие волнения 1861 г. «закрыли» этот вопрос, что нашло свое закрепление в университетском уставе 1863 г. Поэтому русские женщины

вынуждены были ехать за границу для получения высшего образования. Этот массовый их отток обеспокоил власти и они пошли на уступки. В 1872 г. специально созданная правительством комиссия, обсудив, суть дела, приняла решение учредить в стране высшие женские учебные заведения – **высшие женские курсы**. На этом основании в Москве открылись Высшие женские курсы профессора В. И. Герье – первое в России высшее женское учебное заведение «общее-университетского типа». Новое учебное заведение имело гуманитарную направленность, однако, наряду с историей, литературой и иностранными языками, в нем изучались математика, география, физика, астрономия и другие естественные науки. По примеру В. И. Герье, высшие женские курсы появились в Петербурге, Казани, Киеве и Одессе, существовавшие за счет благотворительных пожертвований и платы курсисток за обучение.

Усиление консервативных начал в системе народного образования

Борясь с крестьянскими и студенческими волнениями, правительство постепенно притормаживало ход преобразований в стране, переходя на рельсы ужесточения своего внутривластного курса. Несомненную «помощь» властям в этом деле оказало покушение Д. Каракозова на царя в апреле

1866 г. Ответственность за «выстрел студента» целиком была возложена на министра народного просвещения А. В. Головнина. Обвинив его в «попустительстве разрушительным направлениям», царь уволил либерального министра с занимаемого поста. На смену ему пришел представитель «ретроградной партии», граф Д. А. Толстой, главный оппонент А. А. Головнина в деле централизации просвещения, противник автономии и самостоятельности учебных заведений. С его приходом «к власти» резко усилилась опека со стороны правительства и консервативных общественных институтов над начальной школой. Усилиями министра в 1869 г. была введена должность инспектора народных училищ, наделенного не только попечительскими, но и контрольными функциями. Широкие полномочия были предоставлены предводителям дворянства по «надзору» за самостоятельностью преподавателей и руководства начальной школы. По представлению Д. А. Толстого было утверждено (25 мая 1874 г.) **новое** «Положение о начальных народных училищах». В соответствии с ним, их

директора и инспекторы провозглашались «главными руководителями учебной части», а фактически «главными» надзирателями за земской школой и учительством. Предводители дворянства наделялись неограниченными правами и «ставились во главе училищных советов».

Кардинальным изменениям подвергся и гимназический устав 1864 г., «породивший» реальные гимназии, ставшие, по словам противников реформ в сфере народного просвещения, «рассадником нигилизма и несостоятельности реального образования». Еще более резко выступил против «головнинской системы просвещения» председатель следственной комиссии по делу Каракозова, граф М. Н. Муравьев. Он потребовал очистить учебные заведения от «ультрадемократизма, социализма и нигилизма», а также «пресечь» расширение «недоучившегося уродливого» разночинного слоя с антиправительственной направленностью. Подобные «аргументы» защитников государственных устоев, естественно, не могли быть не учтены царем. Вышедший 13 мая 1866 г. рескрипт «высочайше» возложил на школу всю «ответственность « за «распространение пагубных лжеучений», посягающих на «священные религиозно-нравственные и государственные устои России». Это стало исходным при принятии **нового** устава гимназий (утвержден царем 30 июля 1871 г.), вопреки мнению большинства (29 – «против», 19 – «за»). Согласно ему, теперь «свободный доступ» выпускникам реальных учебных заведений был закрыт (и, как покажет время, весьма надолго). Были сохранены только классические гимназии, срок обучения в которых увеличился до 8 лет. Увеличено было и время на изучение греческого и латинского языков (41% всего учебного времени), при одновременном его сокращении на изучение всех других дисциплин, предусмотренных программой. Основным методом обучений стала «зубрежка правил и текстов». В штатах гимназий появились должности «классных наставников» и «классных надзирателей», ведших воспитательную работу и следивших за благонадежностью учащихся.

Ранее бытовавшие семиклассные реальные гимназии были преобразованы в шестиклассные **реальные училища**. «Высочайшее повеление» об этом появилось 15 мая 1872 г. В их уставе подчеркивалось, что воспитанники реальных училищ получали техническое образование, необходимое «для занятий различными отраслями промышленности и торговли». Для этого увеличивался объем преподавания математики, физики и черчения; резко сокращалось число занятий по «второстепенным предметам»: истории, географии, есте-

ствознанию, немецкому и французскому языкам. Была повышена и плата за обучение.

Не обошел своим вниманием министр и жизнедеятельность университетов. Растущее «самовольство» обучающихся в них, а также «не патриотическое поведение» их преподавателей беспокоило не только Д. А. Толстого, но и правительство. С этой целью министерство просвещения предписало в 1867 г. университетскому начальству осуществлять – совместно с полицией – строгий надзор за политической благонадежностью студентов, которым было запрещено – отныне – проводить самовольные публичные собрания. Но последние проигнорировали распоряжение министра. В ответ на «непослушание», в коем он усмотрел следы «тайной революционной пропаганды», Д. А. Толстой пригрозил студентам применить силу для их усмирения. Когда и эта угроза не возымела действие, то власти пошли в 1878 г. на введение **новых** правил для студентов и временной инструкции для инспекции. Согласно им, были запрещены любые **коллективные действия**. Нарушившие правила подвергались наказанию: выговору, лишению стипендии, исключению из университета и аресту. Все эти нововведения графа Д. А. Толстого нашли свое отражение в проекте университетского устава, поступившего на обсуждение в Госсовет в феврале 1880 г. Однако консерватизм его содержания вызвал всеобщее недовольство не только либерального большинства Совета, но и тех, кто еще недавно поддерживал графа. Это и предрешило его судьбу. В апреле 1880 г. Д. А. Толстой был отправлен в отставку, а его место занял либерал А. А. Сабуров, не успевший сделать за год своего «начальствования» ничего путного. Поэтому старый университетский устав 1863 г. будет действующим до 1884 г. Вышедший в изменившихся политических условиях **новый** Университетский устав уничтожит университетскую автономию и поставит высшие учебные заведения страны под жесткий административный контроль.

Если говорить о реформах в области народного просвещения в целом, то следует подчеркнуть, что, несмотря на препоны административно-бюрократического характера, они все же способствовали широкому развитию образовательной системы в стране в пореформенное время. После отмены крепостного права стала расширяться сеть учебных заведений. Если в 1856 г. в России имелось 8,3 тыс. начальных и средних школ, училищ и гимназий и в них обучалось 450 тыс. человек, то, спустя 30 лет (в 1890 г.) число учебных заведе-

ний в стране увеличилось до 78,7 тыс., а число учащихся в них – до 3,8 млн. человек. Качественно изменилась за это время и сеть учебных заведений. На исходе XIX в. в ее составе функционировали 63 учебных заведения (в т. ч. 10 университетов), в которых обучалось почти 30 тыс. студентов. Но, несмотря на очевидные достижения, доступ «к образованию» (т. е. право поступления в учебные заведения) имели не все, главным образом, состоятельные слои населения. Потому-то его основная масса и к концу XIX в. оставалась неграмотной.

§ 5. Значение реформ 60-70 гг. XIX в.

Буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX в. явились естественным продолжением «эпохи перемен» - крестьянской реформы, ставшей катализатором процесса социально-экономического развития России в пореформенное время. Способствовали они и дальнейшему расцвету российской культуры.

В результате осуществленных мероприятий, сословный строй, базировавшийся на абсолютном господстве дворянства во всех сферах хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни, центральной и местной администрации, уступил после 1861 г. место всеобщему и бессословному началу формирующегося в России гражданского общества. Утверждавшееся в стране всеобщее и бессословное местное самоуправление, независимый и единый для всех суд, всеобщая воинская повинность, всеобщая и более доступная представителям разных слоев российского населения школа, прекращение «цензурного террора», расширение свободы слова и печати, гуманизация системы наказаний и другие нововведения способствовали обновлению государственного и общественного строя России, постепенному превращению русского самодержавия в **буржуазную монархию**.

Но, несмотря на эти преобразования, неравноправие сословий в российском обществе не было полностью устранено. Дворянство, по-прежнему, продолжало сохранять в нем свое привилегированное положение. Пользуясь «высоким доверием» у верховной власти, оно продолжало делегировать своих представителей во все органы местной и центральной администрации. И тем не менее, статус «благородного сословия» был все же поколеблен: социально-экономические позиции дворянства в целом постепенно слабели, падала и его материальная мощь.

Возросла и упрочилась в ходе реформ 60-70-х гг. XIX в. и роль чиновничества, прогрессивная часть которого – **либеральная бюрократия** – явилась главным двигателем «великих реформ». Несмотря на резкое сокращение штатов многих ведомств (из-за «сложности» финансирования, в связи с преобразованиями, децентрализации управления и т. д.), эффективность их работы заметно повысилась. Для координации деятельности всех ведомств в решении неотложных текущих вопросов, в 1857 г. был образован Совет министров. В соответствии с законом 12 ноября 1861 г., за ним были закреплены функции высшего правительственного органа. Его членами являлись не только министры, но и другие (по выбору царя) лица. Председательские функции в Совете принадлежали императору. Однако Совет не был постоянно действующим органом. Отсутствовала в нем и единая политическая программа правительства. В силу этого, каждый министр действовал «самостоятельно»: о своих «шагах» и вносимых им проектах он докладывал непосредственно Александру II, что постоянно приводило к неразберихе и межведомственным противоречиям.

С конца 50-х гг. XIX в. в стране стал настойчиво муссироваться «конституционный вопрос». Начало к его разрешению либерально-оппозиционные круги склонны были рассматривать в «открытии» земских учреждений и городских дум, а также в переходе к свободе слова и печати. Однако правительство имело на сей счет свое мнение. Проекты всесословного представительства, рождавшиеся в ведомственных кабинетах и предлагавшиеся высшими деятелями в своих записках, рассматривались им не как «парламентское устройство», а лишь как «созыв совещательного собрания» на правах департамента Государственного совета. Таким образом, правительственные «конституционные проекты» носили часто «практический характер» и «основывались» лишь на «положительном опыте» совещаний членов Редакционных комиссий по «крестьянскому делу» с депутатами губернских комитетов в 1859-1860 гг. и ни в коей мере не отвечали чаяниям либеральной оппозиции, связывавшей свои требования «представительного образа правления с радикализацией части российского общества, в основе которой лежал «насильственный» политический и социальный переворот. Против этого решительно выступило правительство Александра II. И как только действия оппозиции и особенно «социалистов» преступили грань «дозволенного» преобразования в стране были приостановлены.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В 60-90-Х ГГ. XIX В.

§ 1. Основные направления развития сельского хозяйства пореформенной России. Развитие крестьянского хозяйства.

Сельскохозяйственное развитие России в пореформенный период характеризовалось сложностью и противоречивостью. Ведущее место в экономике и социальных отношениях принадлежало капитализму, на что единодушно указывали представители всех направлений русской общественной и экономической мысли. Правда, оценка ими этого процесса и его перспектив была весьма различной. Если представители народнического направления, первыми поставившие проблему капитализма в России, акцентировали внимание на его «язвах» (рост имущественного неравенства, разорение и пролетаризацию деревни) и склонны были в силу этого рассматривать его как «регрессивное явление», то представители марксистского направления, наоборот, подчеркивали его прогрессивность и преувеличивали степень его развития в России.

Два пути развития капитализма в России

Во второй половине XIX в. производственная сфера сельского хозяйства все больше пронизывалась рыночными капиталистическими отношениями. Как и в других странах, капиталистическое производство в российской деревне развивалось в двух типах хозяйств: крупных помещичьих и мелких крестьянских. Их переход к рыночным отношениям имел свои особенности. Но главный критерий здесь был один и тот же: получение прибыли на вложенный капитал и труд (за счет продажи части продукции на рынке). Этот признак был обязательным для обоих типов хозяйств. В. И. Ленин, изучив исторический опыт развития капитализма в сельском хозяйстве в разных странах, пришел к выводу, что наиболее типичным развитие капитализма в мелких хозяйствах было в США, где приложение капитала и труда на землях шло «свободно». Эти два пути он назвал: **прусским типом аграрной буржуазной эволюции** (или помещичье-буржуазный, юнкерский путь) и **американским типом**

(или крестьянско-буржуазный, фермерский путь). Эти названия и были восприняты советской историографией. И хотя зарубежные историки и экономисты не пользуются «ленинской» терминологией, тем не менее при характеристике развития капитализма акцентируют свое внимание на состоянии мелких и крупных хозяйств при их переходе к рыночным отношениям.

Основная черта развития сельского хозяйства России состояла в том, что оно принимало все более торговый, предпринимательский характер. Содержанием и показателем этого процесса являлись: во-первых (главным образом), превращение земледелия в товарное производство (при этом товаром становились не только продукты земледелия, но и сама земля и рабочая сила); во-вторых, углубление наметившейся еще ранее (в крепостную эпоху) сельскохозяйственной специализации районов страны: специализировавшиеся на производстве товарного зерна, льна, мясной и молочной продукции, свеклы, винограда и пр. При торговом земледелии выделялся главный рыночный продукт в данном регионе, остальные отрасли сельского хозяйства подчинялись или приспособлялись к производству этого продукта. Специализация региона на каком-либо одном сельскохозяйственном продукте вызывала у его жителей спрос на другие виды сельскохозяйственной продукции и способствовала росту товарообмена между регионами.

Сельское население и крестьянское хозяйство

Утверждение капитализма в стране как господствующей социально-экономической системы негативно сказалось на состоянии сельского населения: рост его (за период с 1860 по 1900 гг.) заметно ускорился, но рождаемость в стране снижалась с каждым годом. Если за год до отмены крепостного права она составляла 51,5 чел. на 1000 жителей (или 51,5‰ - **промилле**), то к концу века этот показатель сократился до 50‰. Правда темпы смертности за это время уменьшились с 39 до 34‰. Иначе говоря «чистый прирост» населения увеличился за 1860-1900 гг. на 4,5‰ (11,5 – в 60-х гг. и 16 – к началу XX в.). Особенно высоким этот показатель был на окраинах империи: 22,3‰ - в Предкавказье и Западной Сибири и чуть ниже (21‰) в Новороссии и Южном Приуралье. Рождаемость и прирост в сельской местности были значительно выше, нежели в городах. Так, в центрально-земледельческом районе

прирост к концу века составил 18%, в то время как в центрально-промышленном всего 12,5%. Это был результат более высокого удельного веса городского населения в промышленном районе. Росту его способствовала и крестьянская реформа: «недостаточность» наделов в центральных губерниях «вытолкнула» массу крестьян в город и на окраины страны. Уход селян в город заметно снизил удельный вес крестьянства в стране (с 92,6 до 87,5%. «Способствовало» этому и переселение крестьян на окраины страны. К примеру, только в двух центральных регионах России (это 13 губерний), в Поволжье (6) и Южном Урале (2 губернии) накануне реформы проживало на селе 52% населения, после же отмены крепостного права (в 1897 г.) – только 44%.

В результате оттока крестьян, в селах стала расти прослойка не земледельческого населения, это особенно характерно было для малоземельных районов. Так, по переписи 1897 г., доходами от земледелия (как главного хозяйственного занятия) жило в России 88,3 млн. чел. и от животноводства – 4,5 млн., т. е. в общей сложности сельскохозяйственным трудом было занято в стране почти 93 млн. чел. или 91% сельского и 74% всего населения России. И этот показатель мог бы быть еще большим, если бы крестьяне (основные производители сельскохозяйственной продукции и поставщики ее на рынок) располагали после реформы «достаточными» наделами. К примеру, из 12,5 млн. дворов, имевших наделные земли, почти 3 млн. (или 23%) располагали наделами менее 5 дес. на двор. Это были хозяйства, которые даже в урожайные годы не в состоянии были свести концы с концами, а потому и вынуждены были искать источники существования вне земледелия. И таких хозяйств в Европейской России насчитывалось в 70-х гг. – 27%. Не весьма устойчивым было положение и тех, кто располагал наделами от 5 до 8 дес. на двор. Таковых насчитывалось в стране 3,3 млн. (или 26,4%). Отдельные из них могли получить в урожайные годы некоторый доход. Но он компенсировал только затраты труда членов семьи. И другая картина была в неурожайный год. Иначе говоря, обе вышеуказанные группы крестьянских хозяйств не получали прибыли от земледелия, а потому не были отнесены статистиками к капиталистическим.

Этим двум группам хозяйств противостояли 2,2 млн. домохозяев (18%), имевших в своем распоряжении по 15 дес. на двор, а 617 тыс.

из них (5%) – и того больше: по 30 дес. и более. Данной группе принадлежало почти 47% всей надельной земли. И большинство ее дворов получали солидную прибыль, использовавшуюся хозяевами для расширения своих хозяйств.

Малоземелье вынуждало крестьянские хозяйства (по разным районам от 30 до 50%) прибегать к аренде земли (помещичьей, надельной, или казенной). По приблизительным данным, арендный фонд в 70-х гг. составлял 24-26 млн. дес. пашни и 10-15 млн. дес. пастбищ. Возросшая продажа помещиками своих земель сократила к концу века размеры аренды почти на треть. По данным земской статистики, в 80-х гг. XIX в. крестьяне 183 уездов Европейской России сдавали в аренду в среднем от 5 до 15% своей земли (от 7 до 20 млн. дес.).

Главными арендаторами (повсеместно) были бедняки и середняки, т. е. та категория крестьян, которая больше всего нуждалась в земле. Однако в силу обстоятельств (главным образом, отсутствие денег) они арендовали небольшие участки. Первенство здесь, естественно, принадлежало зажиточным домохозяевам. В их руках сосредоточилось (по разным уездам) от 50 до 80% арендуемой земли. Если бедняки арендовали ее «из нужды», то зажиточные крестьяне – исключительно «для получения прибыли». Однако аренда и покупка земли не уравнивали землепользование крестьян, они лишь еще больше усиливали их расслоение. По данным земской статистики, к концу века в руках зажиточных хозяев оказалось почти 15 млн. дес. частной земли и 20 млн. дес. они арендовали.

В гораздо лучшем положении находилось крестьянство окраин страны. Так, на юго-востоке Европейской России (Ставропольская и Черноморская губернии, Донская, Кубанская и Терская области) приходилось на одно хозяйство (в среднем) земли в три раза больше, чем в земледельческом центре. «Достаточным» было и землепользование Сибири, где крестьяне «брали» столько земли, сколько могли обработать. Проведенное в конце XIX в. – частичное «обследование» их норм землепользования показало, что одни хозяйства имели в своем «распоряжении» от 3 до 6 дес. пашни, другие – по 100-300 и более десятин. И хотя группа бедняков была здесь гораздо меньше, чем в центре (по удельному весу), тем не менее, расслоение в сибирской деревне было значительным.

Сельская община в пореформенный период

Крестьянская реформа 1861 г. сохранила сельскую поземельную общину там, где она существовала ранее. Хотя в подготовке ее предлагалось устранить последнюю, поскольку она являла собой «тормоз» на пути обретения ее членами «жизненного благополучия». Согласно законоположению, наделная земля отводилась не подворно, а всей общине, а она уже распределяла ее по отдельным дворам, по числу наличных (ревизских) душ в них. Характерным для общины явлением было периодическое перераспределение (в связи с изменением состава семей и их платежеспособностью) земли. Перераспределению подлежала только пахотная земля, выгоны же и сенокосы оставались в общем пользовании, а усадьбы – в постоянном владении двора.

Переделы проводились таким образом: вся полевая земля разбивалась сначала на участки, а затем каждый из участков распределялся между домохозяевами. Это создавало громадную многополосность и чересполосность крестьянских наделов, состоявших порой из 40-50 узких и длинных полос в разных полях. Подобная практика «дележа» земли обуславливала (при одинаковом для всех дворов «трехпольном хозяйстве») принудительный севооборот, что сильно сковывало хозяйственную инициативу крестьян. Исправное отбывание повинностей обеспечивалось круговой порукой (за неисправного плательщика отвечала вся община).

Вмешивалась община и в семейные отношения крестьянского двора: наследование, опека, семейные разделы, назначение главы семьи («большака») и другие вопросы – все составляло ее прерогативу. Брали она на себя и функции органа «социального обеспечения» - «призрение» малолетних сирот, содержание одиноких калек и престарелых, оказание помощи крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий, а также при постройке дома и других срочных работах. Решала община и вопросы «непосильные» для отдельных домохозяев: улучшение дорог, устройство общественных колодцев, борьба с оврагами и др.

Земская реформа 1864 г. установила для крестьян (бывших помещичьих, удельных, государственных и иных) единое общественное самоуправление. Его низшим звеном у крестьянского общества было **сельское общество**, совпадавшее «в общинной деревне» с общиной. У бывших государственных, удельных крестьян и у «подворников»

оно состояло из домохозяев одного селения, у бывших помещичьих крестьян – «из домохозяев, водворенных на землях одного помещика» (т. е. сельское общество могло состоять и из одного, и из нескольких селений). Все текущие дела (хозяйственные, общественные и «полицейские») решал **сельский сход**. Он же выбирал сельского старосту, сборщика налогов, писаря (для ведения текущей работы), десятских и сотских, выполнявших полицейские функции.

Несколько сельских обществ («соединившись») составляли **волость**, границы которой обычно совпадали с церковным приходом (от 300 до 2000 душ м. п.). Все дела в ней решал **волостной сход**, состоявший из представителей сельских обществ, выбранных на сельских сходах. Он избирал волостное правление, волостной суд. Все текущие дела решали – выборные – волостной старшина и писарь. Крестьянское самоуправление функционировало под контролем мировых посредников, а позднее земских начальников (в Сибири – крестьянских начальников), которые назначались (4-5 на уезд) министром внутренних дел (и только из числа потомственных дворян и по представлению губернатора).

Но набиравшие силу в стране новые социально-экономические процессы подтачивали устои общины. Среди крестьян-общинников все больше углублялось имущественное неравенство, учащались семейные разделы, менялись традиционные общинные порядки: исчезал институт «совет старейшин», все чаще откупались от «несения» натуральных повинностей зажиточные двory, перекладывая их на плечи бедных общинников. Однако, несмотря на «неблагоприятность» ситуации, русская крестьянская община продолжала существовать, сохраняя свою «устойчивость» и «силу».

Землевладение и эволюция его форм после 1861 г.

Во все времена земельный вопрос в России был наиболее острым. Не изменилась ситуация в этом плане и после отмены крепостного права. Она еще более была усугублена «отрезкой» земли, последовавшей в ходе освобождения крестьян от крепостнической неволи. После 1861 г. в Европейской России стали преобладать три формы землевладения: а) частные земли; б) надельные; и в) казенные земли. Земельная перепись 1905 г. зафиксировала, что первых было тогда 101,7 млн. дес., вторых – 138,8 млн. и третьих – 154,7 млн. дес. В сельскохозяйствен-

ный оборот после 1861 г. были включены только частные и наделные земли. Казенные же, большая часть которых была занята на севере лесами (70%), болотами и тундрой, из него исключались. Пригодные же к нему (земли по долинам рек) были заняты государственными крестьянами и включены (по реформе 1866 г.) в разряд наделных земель. Иначе говоря, главную роль в развитии сельского хозяйства страны в пореформенное время играли частные и наделные земли. После «освобождения» крестьян у дворян-помещиков осталось 87 млн. дес. земли, в 1905 г. – только 53 млн. дес. Остальные – 34 млн. дес. – попали в руки новых хозяев (70,5% - крестьян, 28,2% - отдельных домохозяев и 1,3% - обществ и товариществ). Согласно официальным данным, владельцами частной земли в 1905 г. являлись дворяне-помещики (53%), крестьяне (24%), купцы (15%), мещане (4%), духовенство (0,4%) и «иные лица» (3,6%).

Имели место изменения (но не столь радикальные) и в наделном землевладении. Крестьяне, пользовавшиеся землей, могли передавать ее по наследству, сдавать в аренду, но не имели права (до полного выкупа) продавать ее. В частную собственность крестьянина (или общины) земля переходила только после полного выкупа (в течение «положенного законом срока», т. е. досрочный выкуп земли запрещался).

Как известно, наделы, получавшиеся крестьянами при своем «освобождении», имели существенные различия: у помещичьих крестьян они были значительно меньшими, нежели у государственных. Эти различия сохранились и в последующие годы. Так, в 1905 г. бывшие помещичьи крестьяне имели в среднем по 6,7 дес., бывшие государственные – по 12,5, бывшие удельные крестьяне – по 9,5, казаки – по 52 и «колонисты» - по 20 дес. земли.

Говоря об аграрном вопросе в стране после 1861 г., следует отметить, что к концу века он заметно обострился. Содействовали этому и семейные разделы, значительно уменьшавшие крестьянские наделы. Если в странах Западной Европы земля и основное имущество наследовались только старшим сыном, то в России наследниками их были все сыновья. В результате этого, уменьшение наделов шло очень быстро. В силу этого, правительство попыталось остановить «дробление» семей. В соответствии с законом 1886 г., для выделения нового надела требовалось получить «просителю» согласие главы семьи, а также «добро» двух третей сельского схода. Но и этот закон не при-

остановил дробления семей: с 1861 по 1882 г. в 46 губерниях Европейской России произошло 2,4 млн. семейных разделов, в т. ч. 12,8% - по разрешению сельских сходов, а 87,2 – самовольно. К началу XX в. этот процесс еще более усилился: если до 1882 г. происходило в среднем по 107 тыс. разделов в год, то, спустя два десятилетия их число возросло до 150 тыс. в год. Причин, способствовавших семейным разделам, было немало: тут и распространение грамотности среди молодых, и изменение социальной психологии крестьян, и усложнение хозяйственной жизни и др. В результате семейных разделов, существенно сокращались размеры дворов. Если в 70-х гг. двор в Европейской России насчитывал в среднем 7 чел., то в 1905 г. этот показатель сократился до 6 чел. Процесс деления дворов наиболее быстрыми темпами шел в центре страны. Так, в 1858 г. в Московской губернии на один двор приходилось 7,5 чел., а спустя 49 лет, - только 5,5 чел. В результате этого, средние размеры наделов постоянно сокращались, община же пыталась тормозить изменение агрокультуры, что вызывало обеднение значительной части крестьянства, особенно в центре страны, где доля бывших помещичьих крестьян была больше, а нормы наделов – значительно меньше.

§ 2. Помещичье хозяйство в пореформенный период

Организация помещичьего хозяйства

В первые два пореформенных десятилетия в сельском хозяйстве страны шел процесс перехода от феодальных его форм к капиталистическим. Этот процесс был характерен и развитию помещичьих хозяйств. Для этого, по общему утверждению ученых, они имели, казалось бы все условия: помещики получили после 1861 г. и землю, и деньги (помощь им оказывал Дворянский банк, выдававший под залог имений крупные ссуды в кредит), пользовались они и немалым влиянием в правительстве. Дополнительные возможности оказывал помещикам и Крестьянский банк, помогавший крестьянам покупать помещичьи земли. Эти деньги они также могли вложить в «улучшение своих хозяйств». Иначе говоря, помещики имели все возможности, чтобы вести свое хозяйство на совершенно «новых основаниях» - без крепостных крестьян, с помощью наемного труда и с применением машин. Но государство позаботилось, чтобы этот переход осуществлялся постепенно. С этой целью

и было введено им «временнообязанное положение». Предоставленными льготами воспользовалась лишь незначительная часть помещиков, организовавших крупные хозяйства – **экономии**. Большинство же помещиков применяли в своих хозяйствах отработки. Самой распространенной их формой была «издольщина» (или «испольщина») – работа за часть урожая. Но были отработки за натуральную плату (например, за взятый ранее мешок муки или картофеля). Иногда отработки выполнялись со своей лошадей и орудиями (пахота, боронование земли), иногда орудиями хозяина – косьба сена, уборка хлеба и др.

Отработки – это, бесспорно, был элемент кабалы. И в то же время – единственной возможностью крестьянина (при отсутствии денег для аренды земли за деньги) арендовать участок, без которого его семье грозил голод. Содержали отработки в себе и элемент кредита: участок крестьянин получал весной, а расплачивался за него уже осенью – после получения урожая. Такого рода отработки были выгодны и помещику, ибо они позволяли ему организовывать у себя большое хозяйство на «наемном» труде в условиях, когда еще не сложился достаточный «рынок рабочей силы», когда особенно трудно было найти квалифицированных рабочих для работы на машинах, механиков для их обслуживания, да и наличные деньги тратились очень быстро, а их у многих помещиков просто не хватало. К тому же, при отработках полная обработка десятины посева обходилась помещику в полтора раза дешевле, чем при вольном найме, к тому же они не требовали вложения капитала. Правда, при отработках помещик «проигрывал» в качестве выполненных крестьянином работ. Потому-то, к примеру, в одном из уездов Нижегородской губернии урожаи ржи **на экономических посевах** составляли 66 пудов с десятины, на наделных землях – 54 пуда, на издольщине – 50 и на отработочных – всего 45 пудов. Это значило, что при вольном найме помещик получал на своих землях урожай в полтора раза выше, чем при отработках и в 1,3 раза выше, чем при издольщине.

По мере развития товарного производства многие помещики переходили к созданию крупного хозяйства, базировавшегося на «наемной рабочей силе, усовершенствованных машинах, удобрениях и улучшенных севооборотах». К середине 90-х гг., свидетельствует земская статистика, улучшенные сельскохозяйственные орудия применяли 42% владельцев частных хозяйств. Она же зафиксировала,

что в 19 губерниях преобладала капиталистическая система в помещичьих хозяйствах, в 17 губерниях – отработочная и в 7 – смешанная. При этом в черноземных губерниях преобладала отработочная система, хотя в целом региону была присуща капиталистическая система.

Но были районы, где отработки полностью отсутствовали, как, например, в Прибалтике. Они имели место здесь только до конца 70-х гг., когда цены на хлеб упали. С ростом их помещики стали активно расширять свои запашки, используя для этого вольнонаемный труд. Широкое распространение имели помещичьи хозяйства, основанные на вольнонаемном труде, на Украине, где особенно выделялись «экономии» Терещенко, Бобринских, Мекленбург-Стрелицких, Энгельгардта (известного ученого химика) и др.

Если говорить в целом о состоянии помещичьих хозяйств в пореформенное время, то тенденция их развития состояла в постепенной замене сдачи земли в аренду за отработки к сдаче ее за деньги и увеличении собственного капиталистического хозяйства. Особенно заметно стала преобладать денежная аренда к началу XX в. Начало же этой тенденции положили 90-е гг. XIX в., когда цены на хлеб значительно выросли.

Появление предпринимательских хозяйств «кулаков»

Социальное расслоение крестьянства привело к появлению в деревне зажиточного слоя, названного советской историографией «сельской буржуазией» или «кулачеством». Будучи небольшой по численности группой (по данным земской статистики 20% от общего числа крестьян – 30% середняков и 50% бедняков), богатые крестьяне составили, тем не менее, серьезную конкуренцию помещикам. Для этого они «инициативнее», чем дворяне, применяли в своих хозяйствах наемный труд, улучшенные и новые сельскохозяйственные орудия, машины, удобрения, новые системы земледелия. Переход на рельсы капиталистического развития требовал немалых средств. И они были найдены «кулаками»-предпринимателями. Главным их кредитором стал образованный в 1882 г. правительством **Крестьянский банк**. Основной его задачей была выдача крестьянам ссуд в кредит в размере 80-90% стоимости покупаемой ими земли на срок от 13 до 51 года под 7,5%-8,5% годовых. Такая ссуда для бедняков (из-за первоначального и последующих годо-

вых взносов) была недоступной. В силу этого, согласно официальным данным, до 80% покупаемой земли оказалось в руках зажиточных крестьян. В их же руках оказались и надельные земли многих обедневших их односельчан, за которых «кулаки» обязывались выплачивать «миру» положенные на бедняков налоги и их выкупные платежи.

Содействовали росту «конкурентов» и укреплению их хозяйств и сами помещики. Не секрет, что для ведения сельского хозяйства по-капиталистически каждому из них требовались «новые орудия и машины», а также новые «земледельческие» технологии. Нужны были также значительные «капиталовложения, знания и опыт». Многие помещики всего этого не имели, а порой и не хотели иметь. Итоговый результат этого был закономерным. Значительная часть помещиков не смогла перестроить свое хозяйство на «капиталистический лад». Не вписавшись в «новую схему», многие дворяне вынуждены были ликвидировать свое хозяйство вообще и жить тем, что закладывали и перезакладывали свои имения в кредитных учреждениях. К 1870 г., в залоге оказалось свыше 2% помещичьих земель, а к 1895 г. итого больше – свыше 40%. В 1886 г. за долги было продано «с молотка» 166 помещичьих имений, а в 1893 г. – уже почти 2400. Они, в большинстве своем перешли к разбогатевшим крестьянам, иногда даже к крепостным прежних хозяев, подобных чеховскому Ермолаю Лопакину, купившему обширное имение у своей бывшей помещицы Раневской.

Рост торгового земледелия

Основной чертой развития пореформенного сельского хозяйства страны стало то, что в нем все более отчетливо просматривался его торговый, предпринимательский характер. Показателем этого было: во-первых, превращение земледелия в товарное производство, при котором товаром становились не только продукты земледелия, но и сама земля; во-вторых, стала четко просматриваться наметившаяся еще в дореформенную эпоху сельскохозяйственная специализация районов страны – на производстве товарного зерна, льна, мяса, молока и др.

Важнейшими факторами, обеспечившими рост торгового земледелия были: а) рост внутреннего и внешнего рынка; б) увеличение численности не земледельческого населения страны (в связи с ростом городов, промышленности, транспорта и торговли); в) интенсификация

ное строительство железных дорог, связавших земельные районы с промышленными центрами, морскими и речными портами. В свою очередь, углубление специализации первых способствовало развитию капиталистического рынка: оно усиливало обмен между этими регионами, поскольку специализация на каком-либо одном сельскохозяйственном продукте вызывала спрос на другие виды сельскохозяйственной продукции.

Определились в пореформенное время следующие специализированные районы торгового земледелия: центрально-черноземные губернии, Поволжье и Заволжье превратились в основные районы торгового зернового хозяйства; северные и центрально-промышленные губернии стали специализированными районами льноводства и мясомолочного хозяйства; для прибалтийских и западных губерний было характерно высокоразвитое животноводство. На Украине, Бессарабии, Новороссии, Степном Предкавказье возникли районы предпринимательского зерноводства, свекловодства, табаководства и виноградарства. Вокруг же крупных городов и промышленных центров сложилось высокоразвитое огородничество.

В 80-90-х гг. XIX в. происходит перемещение главных очагов зернового хозяйства из внутренних губерний с помещичьим землевладением и крестьянским малоземельем в интенсивно заселяемые южные и восточные окраины Европейской России с их еще слабо освоенными черноземными землями. В значительной степени этому способствовало строительство в данных районах железных дорог, создавших благоприятные условия для передвижения населения и сбыта сельскохозяйственной продукции. Крупные капиталистические латифундии (каждая в тысячу, десятки тысяч десятин посевной площади) возникли на юге России. В них широко применялись наемный труд и различная сельскохозяйственная техника (жнейки, паровые молотилки, сенокосилки, сеялки и др.).

Вместе с тем, несмотря на рост торгового земледелия, в стране продолжали бытовать (и в значительных масштабах) полунатуральные и натуральные его формы, особенно в крестьянском хозяйстве, в котором, как и в прежние десятилетия, продолжало господствовать «старое трехполье». На севере (в его лесной зоне) по-прежнему практиковалась подсечная система земледелия, а на юге – перелог. Новшества (многопольный севооборот, улучшенные орудия для обработки земли, дорогостоящие сельхозмашины) применяли в своих хозяй-

ствах только помещики-предприниматели и зажиточные крестьяне-«кулаки». Уделом же крестьян-бедняков были соха и деревянная борона при вспашке земли, коса и серп – при уборке урожая хлебов, лопата и решето – при веянии и сортировке зерна.

§ 3. Русская деревня после 1861 г.

Состояние сельскохозяйственного производства страны

Ведущим процессом в экономике и социальных отношениях пореформенной России явилось развитие капитализма. Его развитие привело в земледелии в целом к росту производительных сил.

Так, за 30 лет (с 1864 по 1894 г.) среднегодовые «чистые сборы» (т. е. валовые сборы за вычетом семян) хлебов и картофеля возросли по пятилетиям (по 50 губерниям Европейской России) с 152,8 млн. четвертей (четверть в XIX веке равнялась 210 литрам) до 265,2 млн. четвертей (рост в 1,7 раза), в т. ч. выросли и чистые сборы на душу населения (с 2,48 до 3,07 четверти).

За первые 20 лет после реформы посевы в стране увеличились на 6%, а за последующее десятилетие – еще на 10,5%. Это, и особенно чистые сборы, свидетельствовали о росте производительности труда в пореформенном сельском хозяйстве России. И это при том, что доля земледельческого населения за эти годы значительно уменьшилась. Увеличение посевов картофеля, с одной стороны, означали повышение в хозяйствах агротехники (введение в посев корнеплодов), а с другой, - ухудшение положения работников (увеличение в их рационе питания доли картофеля). Заметные изменения произошли за последние 20 лет и в структуре производимых хлебов – в них увеличилась доля пшеницы – основного товарного хлеба. Однако рост производства хлебов и многих других культур шел неравномерно. Резко падали сборы в неурожайные годы, когда голодали миллионы бедняков и середняков. Для помещиков и «кулаков» это были годы наживы. Цены на хлеб (из прежних запасов) резко возрастали. Особенно «гибельным» для бедноты был 1891 г., унесший (по данным 1892 г.) жизни многих селян (на 400 тыс. чел. больше, чем в обычные годы).

Свою негативную роль в колебаниях зернового производства сыграло и падение (с середины 70-х до начала 90-х гг.) мировых цен на

хлеб. Это был результат поступления (в большом количестве) дешевого североамериканского и австралийского хлебов на европейский рынок. С их поступлением экспортные цены резко упали: с 85 до 56 коп. на пшеницу и с 63 до 47 коп. – на рожь. Но, несмотря на это, Россия не только продолжала наращивать производство зерна и картофеля, но и увеличивала вывоз хлебов. Перед реформой она вывозила за границу лишь 5% чистого сбора хлебов, а в 70-х гг. – уже 10%, в 80-90-х гг. и того больше – 20%, причем пшеницы – 40% чистых сборов.

Важным фактором развития России в пореформенное время явилось складывание к 80-м гг. XIX в. в стране единого всероссийского рынка. В начале 90-х гг. он «потреблял» значительно большее количество хлебов, чем внешний рынок. Падение цен на хлеб на том и другом негативно отразилось на крестьянском хозяйстве. В этот период рынок наемной рабочей силы пополнили 3,5 млн. батраков, сроковых рабочих и поденщиков.

Усиливал развивающийся капитализм и специализацию регионов. Главный критерий выбора торговой культуры всецело зависел от спроса, природно-климатических условий, а также от развития транспорта и традиций местных земледельцев. Центр зернового производства перемещается в это время из черноземных губерний на южные и восточные окраины страны. К примеру, на юге страны возникли настоящие «пшеничные фабрики». Так, восемь губерний (Харьковская, Бессарабская, Таврическая, Донская, Екатеринославская и др.) давали более четверти сбора зерновых в стране. В 19 губерниях Нечерноземья и Севера быстро росли посевы льна. Прибалтийские, западные и северные губернии производили более 60% молока и масла. В юго-западных и южных губерниях росли из года в год посевы сахарной свеклы, выделялись здесь также районы табаководства, коноплеводства, бахчеводства, садоводства и др.

Подобное «расширенное» производство не могло существовать без «употребления машин». Увеличение их парка шло четырьмя путями: а) ввоз из-за границы; б) производство на крупных заводах; в) производство на мелких заводах и мастерских; и г) кустарное производство. Официальные данные свидетельствуют, что в середине 70-х гг. в России ежегодно производилось машин на 2,3 млн. руб. и на 1,6 млн. руб. ввозилось из-за границы. В середине 90-х гг. этот показатель составил 9,5 и 5,2 млн. руб. соответственно. Все эти ма-

шины, свидетельствует официальная статистика, находились у зажиточных крестьян и помещиков. Средняки «довольствовались» только дешевыми кустарными и полукустарными орудиями. Наиболее обеспеченной машинами была в начале 70-х гг. Прибалтика. С конца же 70-х гг. в «лидеры» вышли четыре степных губернии, где в середине 90-х гг. производилось машин в 20 раз больше, чем в трех прибалтийских губерниях. В Черноземном центре машины распространились значительно позднее, и их здесь было мало. В основном это были конные молотилки, веялки и железные плуги, тогда как на юге в ходу были паровые молотилки, жатвенные машины, сноповязалки и др. Применение таких машин давало их хозяевам – «кулакам» и помещикам – дополнительные прибыли, а беднякам – они несли ухудшение их положения, т. к. плата за ручную работу очень снизилась. Не замечался в их хозяйстве и «капиталистический прогресс»: в работе у бедняков по-прежнему господствовала «техника», знакомая еще их дедам. Потому-то основная масса сельских дворов «хозяйствовала» по старинке, а в «капиталистическом прогрессе» они участвовали только путем продажи своей рабочей силы.

Положение и быт крестьян

Социально-экономические процессы, зародившиеся в крепостническую эпоху, получили после реформы 1861 г. новый импульс в своем развитии. В результате этого, в пореформенное время более полярно стало просматриваться в деревне положение разных социальных групп крестьянства. Советская историография неизменно представляла последнее как «разоренную и нищую массу». На самом же деле многие из крестьян (по разным регионам от 5 до 25%) купили десятки, сотни и даже тысячи десятин земли, нанимали батраков и жили «безбедно». Не совсем верно характеризовали «марксисты» и середняков. Отнесение их к категории «разоряющихся» не всегда было оправданным. Достаточно сказать, что в «среднем хозяйстве» его хозяин имел возможность «сводить концы с концами». А потому положение его семьи было на порядок лучше, чем у городских рабочих. Потому-то крестьяне «не рвались» сильно в город. Каждый из них лелеял мечту: преодолеть нужду и выбиться «в середняки», а последние мечтали «разбогатеть». И все же противостояние «полюсов» в деревне имело место. Главной причиной обнищания бедноты в центральных великорусских губерниях была отнюдь не «ле-

ность», о которой живописали современники и дореволюционные исследователи, а малоземелье, отсутствие средств, тяжелые подати и кабальная эксплуатация.

Общеизвестно, что кроме выкупных платежей, крестьяне обязаны были платить подушные подати, земские и мирские сборы на содержание местной администрации, а также «нести» натуральные повинности (ремонт дорог, поставка («на разные нужды») подвод и др.). Отсутствие средств порождало недоимки, на уплату которых хозяин продавал скот и домашнее имущество, но это не уменьшало его задолженность. Не принесли облегчения крестьянам отмена в 1880 г. соляного налога, в 1881 г. – снижение выкупных платежей. Несколько улучшили им положение отмена в 1886 г. подушной подати и уменьшение (вдвое) государственного поземельного налога в 1896 г. (по случаю коронации Николая II). Однако со снижением «прямых» выплат выросли земские и мирские сборы, а также косвенные налоги на водку, сахар, табак и керосин. Теперь крестьянскому двору приходилось выплачивать в год (по разным губерниям) от 50 до 70 руб., две трети которых составляли косвенные налоги, т. е. подати и повинности у безлошадых и однолошадых, к примеру, воронежских крестьян, превышали их чистый доход на 15-18 руб. Высокие «платы» (68-86 руб.) были и у многолошадных крестьян, но эти суммы составляли примерно половину их дохода. Иначе говоря, бедняки и после отмены крепостного права продолжали, по сути дела, платить феодальную ренту, а «кулаки» - капиталистическую, ибо у них еще оставалась (после уплаты) чистая прибыль. Словом, бедняки, чтобы заплатить налоги, продавали даже самое необходимое, подрывая тем самым свое хозяйство.

Изменились в пореформенной деревне не только быт ее жителей, но и их социальная психология и нравы. Так, переход от работы на барина к работе на себя привел бывших помещичьих крестьян к изменению отношения к труду – к его большей интенсификации. К труду – «от зари до зари» - стали привлекаться не только женщины, но и дети. Члены больших семей неизменно выступали в качестве наемных рабочих главы хозяйства, не получая от него за свой труд ничего, только еду и одежду. Такая «кабальная» эксплуатация зачастую приводила к семейным разделам вопреки родительской воле. Еще более зависимым было положение женщины в семье, объяснявшееся тем, что она не имела никаких прав на землю.

Менялась в связи с развитием капитализма, мораль и социальная психология крестьян. После отмены крепостного права у каждого из них «непомерно» развились (от стремления разбогатеть любой ценой) страсть «к наживе, жадность, стяжательство и эгоизм». Эти черты появлялись во всех сферах материальной и духовной жизни и все больше и больше разъединяли обитателей русской пореформенной деревни.

ГЛАВА IV. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 60-90-Х ГГ. XIX В.

§ 1. Развитие промышленности в 60-80-х гг. XIX в.

Периодизация промышленного развития России

Развитие промышленности в России прошло (равно как и в свое время в Европе) три главных стадии: 1) мелкого товарного производства, представленного мелкими, преимущественно крестьянскими промыслами; 2) капиталистической мануфактуры; и 3) капиталистической фабрики – крупной машинной индустрии. Этот процесс, зародившийся еще задолго до отмены крепостного права, подразделяется исследователями (с учетом особенностей) на два этапа: а) с начала 60-х гг. до середины 80-х гг. и б) с середины 80-х до конца столетия.

На протяжении **первого этапа**, продолжавшегося почти четверть века, происходил переход большинства отраслей на рельсы капиталистического хозяйствования. В это время произошло формирование основных элементов отраслевых структур, утверждение фабрично-заводского производства, а также сложились предпосылки для динамичного индустриального развития страны. Одновременно с этим появились в России и новые производства: транспортное машиностроение (паровозо- и машиностроение), добыча каменного угля и производства кокса, химическая, нефтедобывающая и перерабатывающая промышленности, сталерельсовое и меднопрокатное производства и др. Словом, к началу 80-х гг. XIX в. в крупной промышленности России завершился промышленный переворот, изменивший не только суть «индустриального развития страны», но и ее «промышленную» географию. К ранее существовавшим промышленным районам – Московскому, Петербургскому, Прибалтийскому и Уралу – прибавились новые: южный угольно-металлургический (Донбасс и Криворожье) и Бакинский нефтедобывающий.

Завершившийся промышленный переворот положил начало **второму**, 15-летнему **периоду** «индустриального» развития страны, определяющим фактором которого стало интенсивное железнодорожное строительство. Именно его потребности стимулировали развитие отраслей тяжелой промышленности и энергоемких производств.

Так, выплавка чугуна в России возросла в пореформенное время почти в 5 раз, добыча угля – в 30 раз, а нефти – в 700 раз. Ведущая роль в производстве чугуна перешла на втором этапе «индустриализации» страны от Урала к Югу: удельный вес последнего в выплавке металла возрос с 27 до 53%. К 90-м гг. Донбасс давал 70% добываемого в стране угля, а Бакинский район – почти 95% нефти. Крупными центрами транспортного машиностроения (выпуска паровозов, вагонов и пароходов) стали Сормово (близ Нижнего Новгорода) и Коломна, а центрами сельскохозяйственного машиностроения – Харьков, Одесса и Бердянск.

Коренная перестройка промышленного производства, зарождение и дальнейшее развитие отраслей, связанных с научно-техническим прогрессом, потребовали новых видов «двигательной силы» – электрической энергии. Первая заводская электростанция – мощностью 493 квт – вступила в строй в 1890 г. на Пермском пушечном заводе. Но, наряду с новыми фабриками и заводами, продолжали свою производственную деятельность и старые предприятия (мануфактурного и ремесленного типа). Данный промышленный «симбиоз» – крупного и мелкого, кустарного производств – позволял решать (достаточно успешно) народнохозяйственные задачи. Если крупная промышленность функционировала в центре страны, то мелкая промышленность обслуживала окраины, способствуя, наряду с удовлетворением нужд местного населения, и возникновению в ранее «глухих» регионах России новых производств, фабрик и заводов.

***Развитие
промышленности
в первые
пореформенные
десятилетия
(в 60-нач. 80-х гг.)***

Отмена крепостного права существенным образом катализировала развитие промышленности в стране. В первые пореформенные десятилетия в ней отчетливо просматривалось «преобразование» старых ее отраслей (переход их на вольнонаемный труд и паровую энергетику) и появление новых производств. Процесс «преобразо-

вания» шел успешнее в тех отраслях, которые «приобщились» к наемному труду еще до отмены крепостного права. В числе таковых было, в первую очередь, хлопчатобумажное производство. В нем за 13 послереформенных лет (1866-1879 гг.) число паровых ткацких станков возросло в 1,6 раза. В 1879 г. на фабриках Европейской России

(без Польши) работало 50,5 тыс. таких станков, на которых производилось более половины (58,4%) товарной продукции.

И все же, если говорить в целом, «модернизация» старых отраслей шла медленно, что негативно сказывалось на общем положении промышленности: оно длительное время оставалось тяжелым. Даже в развитии «передовой» хлопчатобумажной промышленности качественные изменения просматривались слабо. Ее производство базировалось на старой технической и технологической основе. В частности, паровые котлы, использовавшиеся в ней, отапливались торфом или дровами, весьма ограниченным был и ассортимент пряжи. И как следствие последнего, в выпускаемых тканях преобладали непритязательные, рассчитанные на крестьянский спрос, крашенные миткали, бязи, плисы, «линючие», с простенькими узорами ситцы и др.

Более динамично развивалась пищевая промышленность. Особенно быстрыми темпами шло производство сахара, быстро перестроившееся с использования крепостнического на вольнонаемный труд. Внешним показателем успешной его деятельности стал не только рост выпускаемой продукции, но и рост ее потребления. Так, за период с 1860 по 1880 г. потребление сахара на душу населения возросло в 3 раза (с 2 до 6 фунтов).

В более сложном положении, нежели в легкой и пищевой промышленности, находилась в первые два послереформенные десятилетия тяжелая промышленность. В ней, по сравнению с легкой и пищевой, где производство росло сравнительно быстро, наблюдался упадок. Уральская черная металлургия, производившая до 80-х гг. до двух третей металла в стране, перестраивалось очень трудно. Механизация ее производственных процессов шла медленно. В доменном производстве отсутствовало, по сути дела, горячее дутье. Изготовленные из металла, полученного таким образом, рельсы изнашивались значительно быстрее. «Избитые машины», которыми были оснащены, по свидетельству современника, ученого-металлурга В. Е. Грум-Гржимайло, заводы в Нижнем Тагиле, Нижней и Верхней Сальде «работали точно из любезности и постоянно ломались». Такая картина была характерна не только для уральских заводов, но и для других чугунолитейных и железоделательных предприятий Алтайского, Мальцовского, Луганского, Олонцкого и Приокского металлургического районов. Потому-то выплавка чугуна на Уральских

заводах увеличилась с 1867 по 1877 г. всего на 10,6%. Не выше был прирост и на других заводах. Низкие темпы роста черной металлургии стали определяющим фактором развития российской тяжелой промышленности в целом в 1860-1880 гг. Ей в эти годы была присуща застойность.

Наряду с ростом крупной промышленности, переходом мануфактуры в фабрику, происходил в 60-70-х гг. бурный рост и мелкой промышленности. К ранее существовавшим районам домашних промыслов прибавлялись новые. Так, в Вятской губернии развивалось в это время производство предметов крестьянского быта и культуры, в Саратовской – ткачество сарпинки (тонкой полосатой или клетчатой хлопчатобумажной материи). Развивавшаяся на местах домашняя промышленность во многом была уже была капиталистической: она работала на скупщиков и фабрикантов, на ее «предприятиях» использовался наемный труд, т. е. мелкие промыслы создали в 60-70-х гг. XIX в. базу для роста крупной капиталистической промышленности: в это время фабрика все чаще «шла» к крестьянам, что способствовало превращению их сел и деревень в фабрично-заводские поселки. В 1890 г. в них уже проживало свыше 450 тыс. рабочих, или 52% общей их численности во всей крупной промышленности.

Зарождение новых промышленных районов

Важным показателем капиталистического развития России явилось появление в 60-80-х гг. зачатков отраслей, с которыми связывалась «индустриализация» страны. Этому способствовали и меры, принимаемые правительством и частная инициатива. Так, усилиями братьев А. Е. и Г. Е. Струве был основан в 1864 г. Коломенский машиностроительный завод, который выпустил в 1869 г. первый паровоз, а отмена в 1872 г. откупной системы положила начало развитию Бакинской нефтяной промышленности. В 1874 г. в стране было добыто 85,3 тыс. т. нефти, из которой вырабатывался главным образом керосин («осветительные масла»), большая часть которого пошла на экспорт. К 1890 г. удельный вес России в мировой керосинодобыче возрос до 38%. Мазут, получавшийся при переработке нефти, почти не вывозился и сжигался на месте как топливо. Спрос на нефть на мировом рынке способствовал росту ее добычи.

В 1880 г. Россия добывала 352 тыс. т., а спустя 10 лет (1890 г.) – уже 3,98 млн. т. Возросший за это время спрос на нефтяное топливо существенно снизил долю керосина в общем выпуске нефтепродуктов: с 49% в 1887 г. до 29,9% в 1900 г. Однако рост добычи нефти продолжался: к 1901 г. нефтедобыча увеличилась по сравнению с 1890 г. в 3 раза.

Новую страницу в своей истории открыл в первые пореформенные десятилетия и Донбасс. Хотя его полезные ископаемые были открыты еще в первой половине XIX в., их освоение началось только после отмены крепостного права. И оно было связано с «Южнорусским обществом каменноугольной промышленности» - крупнейшим предприятием этого региона, - которое возглавлял железнодорожный король С. Поляков.

Благодаря «Обществу», в Донбассе открылись сотни новых шахт, которые за 10 лет (1870-1880) увеличили добычу каменного угля и антрацита в Южнорусском горнопромышленном районе в 5,5 раз, а удельный вес последнего достиг в общероссийской угледобыче 42,5%.

Развивающаяся быстрыми темпами промышленность требовала соответствующего энергетического потенциала. Однако в России он в первые пореформенные десятилетия был крайне неудовлетворителен. Так, потребность предприятий в паровом энергоносителе удовлетворялась в среднем лишь на 63%. На большинстве предприятий использовалась энергия водяных колес, причем местного изготовления. Как правило, зимой (из-за недостатка воды) производство просто останавливалось. Архаика средневековых колес господствовала и в энергетическом хозяйстве Урала. Доля в нем паровых двигателей росла медленно: за 20 лет (1860-1879) их удельный вес в силовом оборудовании вырос с 7 до 23%. Для широкого применения новых энергоносителей нужна была соответствующая топливная база. Пока же ее (в первые десятилетия после отмены крепостного права) на Урале не было.

§ 2. Развитие промышленности в середине 80-90 гг. XIX в.

Развитие железнодорожного и водного транспорта

Конец 70-х гг. положил начало качественно новому этапу в развитии как новых, так и старых отраслей. Он был вызван, прежде всего, развертывавшимся в стране железнодорожным строительством. Для России, с ее огромными пространствами, железные дороги имели важное не только хозяйственное, но и стратегическое значение, что со всей определенностью доказала Крымская война. Их строительство началось сразу же после ее окончания. К имевшимся в 1861 г. 1,5 тыс. верст железных дорог прибавилась в 1862 г. новая линия Москва – Нижний Новгород, в 1869 г. – Москва – Рязань – Козлов – Воронеж и Москва – Курск – Харьков. В 70-е гг. появились стратегические магистрали Смоленск – Брест, Воронеж – Ростов, Царицын – Рига. В те же годы вошли в строй несколько коротких линий промышленного назначения для нужд регионов: уральского горнопромышленного (Екатеринбург – Пермь), Ивановского текстильного (Кинешма – Иваново – Новки) и др. За 30 лет – к 1891 г. – протяженность сети железных дорог достигла 28 тыс., а спустя десятилетие – уже 48 тыс. верст. К концу века центр страны был связан железными дорогами с Закавказьем, Средней Азией и Сибирью (в 90-х гг. была построена основная часть Транссибирской магистрали).

Железные дороги, связав самые отдаленные районы страны, способствовали углублению их специализации, развитию внутреннего и внешнего рынка, росту подвижности населения, процессу «развития капитализма вширь». Они дали сильный толчок развитию различных отраслей промышленности, которые не могли бы успешно развиваться без развитой транспортной сети, т. к. требовали металл, уголь, нефть и лес. Сами железные дороги способствовали интенсивному развитию горнодобывающей, металлургической и лесной промышленности. Достаточно сказать, что в 90-е гг. железные дороги потребляли до 36% добываемого в стране угля, 40% нефти, 40% металла. На железных дорогах было занято 470 тыс. рабочих, на них приходилось более 70% грузоперевозок, в которых преобладали сельскохозяйственные грузы. Зерно составляло 32% всех перевозок, металлы же и изделия из них – всего 2,4%.

Но, наряду с положительными моментами, строительство железных дорог имело и один негативный: их сооружение производилось в ущерб шоссежному строительству дорог магистрального типа. Потребность же в них остро ощущали и сельское хозяйство, и местная промышленность, но они почти не строились.

«Бум» железнодорожного строительства пришелся в России на 90-е гг. Тогда ежегодно вводилось в строй почти 2,5 тыс. верст. Это было в 4 раза больше, чем в 80 – начале 90-х гг. (600 верст в год) и 5 раз больше, по сравнению с 60-70-ми гг. К началу XX в. Россия по общей протяженности железнодорожной сети уступала только Северной Америке, однако плотность отечественных дорог на единицу территории, по-прежнему, оставалась низкой.

Существенно вырос в пореформенное время и паровой водный транспорт. Если в 1860 г. в России насчитывалось около 400 речных пароходов, то в 90-х гг. – уже 1,5 тыс. Численность же морских паровых судов увеличилась за это время в 10 раз, с 50 до 520 судов. Из Архангельска, балтийских и черноморских портов они везли на западные рынки хлеб, пеньку, лен, поташ, лес, масло, а в Россию – станки, машины, машиностроительное оборудование, «промышленные и экзотические товары».

Промышленный переворот в России

Процесс перехода от ремесленной мануфактуры к фабрике именуется в литературе **промышленным переворотом**. В каждой стране он протекает не один год.

Это длительный процесс. Показателем его завершения является наступление такого момента, когда в главных отраслях промышленности основная масса продукции производится предприятиями, оборудованными машинами, работающими на паровой или электрической тяге.

Промышленный переворот в России начался еще в середине XIX в. В разных регионах страны и в отраслях промышленности он протекал по-разному. Так, в хлопчатобумажной промышленности он начался раньше и закончился быстрее. В целом же по стране этот процесс начался в середине 80-х гг. и завершился к моменту начала экономического кризиса – 1900-1903 гг.

Переход от мануфактуры к крупному машинному производству во всех отраслях осуществлялся трудно. В каждой из них имелись

«узкие» места, которые осложняли этот переход. В тяжелой промышленности таковым оказалась ее слабая металлургическая база. А разворачивавшееся в стране железнодорожное строительство требовало огромного количества металла: на 1 версту железнодорожного пути шло (как показывала мировая практика) 100 т металла. Ввозить же его и железный лом из-за границы стоило дорого. Эта проблема была снята с повестки, когда были открыты в 80-х гг. богатейшие залежи железной руды в Кривом Роге.

Увеличившиеся объемы и темпы роста выплавки чугуна и стали в 1885-1899 гг. вызвали и технический переворот в самом производстве. На смену пудлингованию и кричным горкам пришли бессемеровские конверторы и мартеновские печи. Утвердившаяся на южных доменных заводах иностранная техника и технология добралась и до Урала. С 1882 г. здесь начинают механизироваться производство, вводиться новые агрегаты и техника. Это позволило повысить за 15 лет (с 1882 по 1896 г.) местное чугуно-плавильное производство на 218%, две трети продукции которого поглощало строительство Сибирской железной дороги, сооружение которой началось (одновременно из Челябинска и Владивостока) в 1891 г.

В крупнейший металлургический комбинат превратился реконструированный во второй половине 80 – начале 90-х гг. Новороссийский металлургический завод в Юзовке. Его производительность (в расчете на 1 рабочего) увеличилась (после реконструкции) в два с лишним раза. Кроме него, здесь работали и другие новые заводы. Энерговооруженность некоторых из них превосходила даже уровень Новороссийского. К числу таковых, в первую очередь, относился Петровский завод Русско-Бельгийского общества (был построен в 1897 г. близ станции Волынской Екатеринбургской железной дороги). Так, в результате промышленного переворота, лидерство по выплавке чугуна в России перешло с 1895 г. от Урала к Югу. Увеличение его производства способствовало, в свою очередь, росту потребления заводами каменного угля. Только металлургические заводы Юга потребляли больше половины (52,1%) коксующегося угля, добытого в Донбассе.

Интенсивное железнодорожное строительство наложило свой отпечаток на развитие многих отраслей, в частности, на машинострои-

тельную промышленность, приобретшей к концу столетия ярко выраженный **транспортный характер**. К примеру, два завода на Украине (Харьковский и Луганский) и восемь в Прибалтике, под Москвой и на Урале занимались исключительно производством подвижного состава.

Преобразилась за годы экономического подъема и Бакинская нефтяная промышленность. Постепенно она утратила свой «керосиновый» облик. Широкое применение «нобелевских форсунок», распылявших мазут тонкой струей, при строительстве паровозов, пароходов и фабрично-заводских котлов понудило ее перейти на производство топлива для «производственного потребления».

Качественные изменения произошли в 90-е гг. в промышленном строительстве и в химической промышленности. В первом заметно вырос спрос на современные строительные материалы: цемент, огнеупорный кирпич, черепицу и др. Это способствовало активизации их производства и вывело его (по темпам роста) на третье место после топливной и металлургической промышленности. Возраставшие потребности отраслей в кислотах и соде активизировали развитие химической промышленности. В 1890 г. на р. Каме (близ с. Бондюги) на базе Березняковских соляных промыслов появился завод, ставший производить соду по «способу Леблана», т. е. «с участием» серной и соляной кислот, хлорной извести и других компонентов. В том же году в Донбассе вступил в строй еще один такой же завод, ставший главным производителем соды в стране. На ее основе другие заводы наладили производство искусственных красящих веществ (ализарина, сернистых красителей и др.) для текстильной промышленности, заложив тем самым основу для рождения в будущем тонкой химической промышленности.

Поступательное развитие российской промышленности было несколько замедлено экономическими кризисами 1890-1892 и 1893 гг. Однако они носили неглубокий и кратковременный характер. После небольшой «заминки» все ее отрасли продолжили расширение своего производства. А главным итогом промышленного переворота второй половины 80-90-х гг. XIX в. стало то, что российская промышленность никогда не развивалась столь стремительно, как в указанное время.

Концентрация производства и начало его акционирования

Важнейшим показателем капиталистического развития промышленности являлась **концентрация производства**, т. е. его сосредоточение в небольшом числе мелких и крупных предприятий. Как известно, в 60-е и даже в 80-е гг. XIX в. последние в отраслях легкой промышленности являли собой маленькие островки в океане кустарных предприятий. Даже после четверти века после отмены крепостного права в хлопчатобумажной промышленности на одном полюсе находились 49 крупных фабрик (с производством продукции свыше 1 млн. руб.), а на другом – масса мелких заведений. Эта картина кардинально изменилась в 90-е гг. В условиях мирового экономического кризиса (1899-1903 гг.) господствовать во всех главных отраслях промышленности стали крупные и крупнейшие предприятия. Для новых отраслей тяжелой индустрии стали характерными крупные предприятия с тысячами рабочих.

Начавшаяся концентрация производства сочеталась с его комбинированием (т. е. соединением в одном предприятии разных отраслей промышленности). Так, на крупных текстильных фабриках выработывались, к примеру, практически все известные виды тканей. Многопрофильными были (в большинстве своем) заводы транспортного машиностроения, выпускавшие продукцию, начиная от паровозов и судов для военно-морского флота и кончая топорами и лопатами. Такого рода **концентрация**, а в большей степени **комбинирование** были продиктованы **узостью внутреннего рынка** на полуфабрикаты и отдельные виды готовой продукции.

Размеры предприятий росли и за счет их вспомогательных производств (разнообразных мастерских, кирпичных заводов, сельскохозяйственных хуторов, животноводческих ферм, мельниц и т. д.). Такого рода «комбинирование» свидетельствовало о недостатках развития рыночных отношений в стране. Большой размер фабрично-заводских предприятий приводил к нехватке текущей прибыли капиталиста не только для развития производства, но и для ведения его в старых масштабах. Поэтому единоличные капиталистические фирмы России все чаще стали преобразовываться в **акционерно-паевые компании** с более широким, чем прежде, составом участников. В 1861 г. в стране имелось уже 128 акционерных обществ с капиталом в 256 млн. руб. Более половины его приходилось на долю 8 же-

лезнодорожных обществ. Промышленных компаний было 53 (или всего 13,5% в общем капитале). К 1900 г. количество акционерных обществ выросло до 1,5 тыс. Их капитал, не считая железнодорожных предприятий, составил 2,5 млрд. руб. На долю промышленных фирм приходилось уже 61,9% общего капитала.

Деятельность акционерных обществ носила публичный характер: в соответствии с законом, они обязаны были публиковать в периодической печати отчеты о финансовых результатах своих главных операций. Акционерная форма ведения предприятия облегчала получение кредитов в коммерческих банках. Без них, как известно, ведение крупного предприятия в эпоху капитализма практически невозможно.

Российская промышленность и иностранный капитал

Бурная «перестройка» промышленности в 80-90-х гг. требовала немалых денежных средств, которых в стране явно не хватало. Поэтому неудивительно, что с 80-х гг. отчетливо просматривается активное вторжение иностранного капитала в российскую экономику. Сначала он внедрялся (в 60-70 гг.) - преимущественно в виде займов – главным образом в железнодорожное строительство. Его привлечению в это время содействовала проводившаяся российским правительством экономическая политика, предоставлявшая иностранным банкирам целый ряд льгот. Широкий размах приобрела в те годы на Западе реализация облигаций российских железнодорожных акционерных обществ. В 1861 г. они составляли (вместе с акциями) 50 млн. рублей.

С 80-х гг. иностранный капитал вторгается и в другие сферы русской промышленности, но особенно в горнодобывающие и химическую отрасли и в машиностроение. По объему капиталовложений в российскую экономику первенствовали в это время Франция, Англия и Германия. В тесном сотрудничестве с французским капиталом взаимодействовал бельгийский. Французские и бельгийские капиталисты проявляли особый интерес к российской металлургии и металлообработке, машиностроению и банковскому делу, английские – к угольной промышленности и металлургии юга России, германские - преимущественно к машиностроению, городскому хозяйству, электротехнической и химической промышленности.

Что же влекло в Россию иностранный капитал? Во-первых, Россия привлекала его как выгодный рынок сбыта, а, во-вторых, - своей

дешевой рабочей силой, обеспечивавшей ему высокие прибыли. Способствовали его притоку в Россию и достаточно высокие таможенные пошлины, установленные на ввоз в страну иностранных товаров. В силу этих обстоятельств и рассматривали иностранцы импорт капитала в Россию как перспективную форму финансирования национальной промышленности своих стран. Немецкие финансисты, к примеру, полагали, что финансовую силу своей страны следует направлять в бедные капиталом государства (к таким они относили и Россию), на который они будут приобретать германские промышленные товары. В таком же духе «укрепляли» экономические связи с Россией и представители «делового мира» других стран. Но как бы там ни было имена многих иностранных предпринимателей тесно связаны с промышленным «подъемом» российской промышленности 80-90-х гг. XIX в.: англичанина Д. Юза – с развитием угледобычи и металлургии на юге России; семейного клана шведов Нобелей – с нефтедобычей в Бакинском районе, француза Ю. Гужона – с крупными металлообрабатывающими заводами в Москве и др. Почти повсеместно в России знали швейные машины, производимые германской фирмой «Зингер», как и шведскую фирму «Эрикссон», монополю господствовавшей в набиравшей силу российской телефонной сети.

Предприниматели-иммигранты не были (в большинстве своем) носителями иностранных инвестиций. Как правило, они начинали «свое дело» в России с «нуля»: создавали на месте «необходимые накопления», а затем создавали на их основе промышленные предприятия и развивали их в последующем. Так, к примеру, были созданы в Москве многие крупные текстильные и парфюмерные фабрики. Россия, обладая мощными ассимиляционными возможностями, не препятствовала действиям иностранных предпринимателей, наоборот, она даже содействовала им в «стремлении сделать карьеру», которую они были не в состоянии сделать «дома».

Иначе говоря, иностранный капитал, и это вне сомнения, способствовал промышленной «модернизации» России, но за это приходилось платить дорогую цену (высокие проценты за предоставленные кредиты, нещадная эксплуатация труда русских рабочих и т. д.). Но этот «размеренный» ход деятельности иностранного капитала в России был несколько нарушен кризисом 1899-1903 гг. Он вынудил его искать новые объекты и новые организационные формы своего «приложения». Более «перспективными» для него на данном этапе стали

«смешанные» компании, в которых не последнюю роль стали играть русские предприниматели. С конца же XIX в. начинается наступление иностранного капитала и на русскую банковскую систему.

§ 3. Русский город в пореформенное время

Численность и удельный вес городского населения

Важным показателем социально-экономического развития России в пореформенное время стало увеличение численного и удельного веса городского населения. За три с лишним десятилетия (с 1863 по 1897 г.) оно увеличилось почти в 3 раза (с 6 до 17 млн. чел.), в то время как общая численность населения страны выросло лишь в полтора раза. Подавляющая масса населения, как явствует из официальной статистики – более 415, - проживала в сельской местности. Однако на деле, промышленное население страны превышало городское почти в 1,5 раза, поскольку в его число не было включено не только население промышленных сел, но и фабрично-заводских поселков. К примеру, не считались официально городами такие крупные фабрично-заводские поселки, как Юзовка (с населением 20 тыс. жителей), Орехово-Зуево (25 тыс.), Ижевск (41 тыс. чел.) и др.

Состав же населения официально зарегистрированных городов был в 1897 г. таков: крупная буржуазия, помещики и высшие чиновники составляли в них 11%, зажиточные мелкие предприниматели и торговцы – 13%, мелкие ремесленники и лавочники – 24% и «рабочий люд» - 52%. На самом «социальном дне» находился «люмпен-пролетариат» - люди без дома, без паспорта, часто даже «без имени», готовые выполнить любую, самую черную работу.

«Рос» же пореформенный город за счет развития промышленности, транспорта и торговли, т. е. прежде всего как торгово-промышленный центр, а численность его населения возросла не только за счет естественного прироста, а главным образом – за счет притока в него «пришлого люда», преимущественно из деревни. Характерной чертой было то, что, чем крупнее был город, тем быстрее были и темпы его роста, т. е. происходил процесс концентрации городского населения в наиболее крупных городах. Менялся и облик самого города: в прошлое уходила полусельская жизнь дворянских городских усадеб, он все больше застраивался многоэтажными «доходны-

ми домами», а на окраинах - заводскими корпусами. Его трудовое население, жившее раньше в небольших деревянных домиках, «скупивалось» отныне в каменных громадах. В наиболее крупных городах, таких как Москва, Петербург, Киев, Одесса и других, появились в 80-90 гг. электрическое освещение, трамвай и другие технические «новинки». Еще более резким стал контраст между центром города, где проживало состоятельное население, и неблагоустроенными рабочими окраинами.

Социальный состав населения страны Изменило пореформенное время не только хозяйственно-экономический облик страны, но и социальный состав ее населения. Всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала, что в России (без Финляндии) проживало 125,6 млн. чел., в т. ч. в Европейской части страны – 103 млн. и в Азиатской – около 23 млн. чел. В социальном плане российское население распределилось так: крестьяне составляли 71,1%, мещане – 10,7%, «иногородцы» (население национальных окраин) – 6,6%, казаки – 2,3%, дворяне – 1,5%, купцы и почетные граждане – 0,5%, духовенство – 0,5% и «прочие» - 4,8%. Согласно переписи, в сельском хозяйстве было занято 77,2%, в торговле и промышленности – 17,3%, в «непроизводительных отраслях» (т. е. армия, чиновники, учащиеся, духовенство и пр.) – 5,5%. Она же удостоверила, что главным привилегированным сословием в стране, по-прежнему, остается дворянство, сохранившее и свои сословные преимущества перед другими группами российского населения (при получении образования; при занятии гражданских и военных должностей и др.). На рубеже XIX-XX вв. дворяне составляли 75% чиновничества и 90% офицерства в армии и на флоте, занимали – практически все – высшие государственные посты. Втягивало дворянство в свою орбиту и капиталистическое развитие страны. Это выражалось не только в росте дворянского предпринимательства в сфере сельского дворянства, но и в промышленности, железнодорожном и банковском делах.

Важным социальным фактором пореформенного развития России стало формирование в стране промышленного пролетариата и промышленной буржуазии. Первый существенно отличался от «предпролетариата» крепостной эпохи, представленного либо крепостными рабочими вотчинных и посессионных мануфактур, либо ухажившими на заработки крестьянами, полностью находившимися во

власти своего помещика. Рабочий капиталистической эпохи – это уже свободный продавец своей рабочей силы. В пореформенную эпоху происходило формирование кадров постоянных рабочих, проживавших вместе со своими семьями в крупных промышленных центрах. Увеличивался в пореформенное время и удельный вес потомственных рабочих (т. е. отцы и деды которых уже работали на фабрике или заводе). Но, несмотря на это, и в пореформенное время была прослойка рабочих (и весьма значительная), которая продолжала сохранять связи с землей, с деревней, к которой они были «приписаны» и где у них находились их семьи и хозяйство. С другой стороны, обычным явлением и в 80-90-е гг. был уход рабочих московских фабрик и заводов в деревню, особенно в разгар летних сельскохозяйственных работ.

Зафиксировала перепись 1897 г. и рост числа наемных рабочих. Основным его источником (в разных отраслях промышленности, сельского хозяйства, на транспорте и в сфере услуг) был «промышленный и сельскохозяйственный отход» крестьян. Если в начале 60-х гг. им ежегодно выдавали около 1,3 млн. паспортов на «отход», то в 90-х гг. XIX в. этот показатель составил более 7 млн.

Процесс формирования промышленной буржуазии тоже начался еще в дореформенную эпоху. Социальной базой ее формирования стало купечество, отчасти мещанство, а главным образом – представители разбогатевшего крестьянства. Известные, к примеру, династии русских фабрикантов (Гучковых, Коноваловых, Гарелиных, Кокушкиных, Кондрашевых, Морозовых, Прохоровых, Рябушинских и др.) вышли именно из числа последнего российского сословия.

Особенности социально-экономического развития России в 80-90 гг. XIX в.

Характер и направление социально-экономического развития России в пореформенное время определяются ныне однозначно: они были капиталистическими. Однако, если говорить о темпах и степени этого развития в различных отраслях экономики и в разных регионах, то они были далеко не одинаковыми. Быстрее и интенсивнее капитализм развивался в промышленности, медленнее – в сельском хозяйстве, в котором вплоть до 1917 г. продолжали сохраняться (в значительной мере) докапиталистические, а кое-где – даже «патриархально-натуральные формы». Да и о полном утвержде-

дении капитализма в промышленной сфере можно говорить утвердительно только лишь применительно к средней и крупной промышленности. Наряду с капитализмом, не только сохранились, но в некоторых случаях получили и дальнейшее развитие многие виды докапиталистической промышленности: домашние промыслы, ремесла и мелкотоварное производство. Быстрее происходило капиталистическое развитие, естественно, в центре страны и слабее – на ее окраинах.

Даже в пореформенное время экономика России продолжала оставаться многоукладной: наряду с капитализмом сосуществовали мелкотоварное и патриархально-натуральное производства. Долгое существование в России крепостного права и непоследовательность проводимых в 60-70 гг. реформ стали причиной сохранения в стране в пореформенное время многочисленных пережитков прошлого в ее экономике, политическом строе и социальных отношениях. Господство помещичьего землевладения существенно ограничивали, к примеру, возможности развития капитализма в сельском хозяйстве. В этой ситуации и в промышленной сфере действовал предприниматель не только «чисто» капиталистическими методами, но не чурался применять и старые, докапиталистические приемы эксплуатации, связанные с кабалой и принуждением.

Россия, как известно, вступила на путь капиталистического развития значительно позже европейских стран, но проходила его в более сжатые сроки. Относительно быстрое развитие капитализма в пореформенной России шло под сильным влиянием капиталистических стран Запада, с использованием их технических достижений и усовершенствований, а также инвестиций иностранного капитала в российскую экономику. Но сохранившиеся пережитки прошлого и своеобразие регионов огромной России обусловили неравномерность развития капитализма в стране, многоукладность ее экономики, переплетение старых и новых форм, сложность социальной структуры.

ГЛАВА V. ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 60-80-Х ГГ. XIX В.

§ 1. Революционно-демократическое движение начала 60-х гг.

Русское общество в 50 – начале 60-х гг. Поражение революций 1848-1849 гг. в западноевропейских странах произвело глубокое впечатление на русское общество. Умеренно либеральные группировки тут же не замедлили заявить о своих верноподданнических чувствах. Для многих россиян «печальный исход революций» на Западе стал «громовым ударом» и «разочарованием» в жизненной силе «европейской демократии и европейского социализма». Подобный «шок» пережил и А. И. Герцен, обосновавшийся с 1847 г. в Лондоне. Сопоставляя особенности развития России и западноевропейских стран, он пришел к выводу о том, что в будущем социализм должен утвердиться в России и основной его «ячейкой» станет крестьянская поземельная община. Крестьянское общинное землевладение, крестьянская идея права на землю и мирское самоуправление станут, утверждал он, главными условиями построения социалистического общества в России. Так родился и вышел на политическую арену «русский» или «общинный» социализм Герцена, исходивший из идеи «самобытного» пути развития России, которая через крестьянскую общину (минуя капитализм) придет к социализму. Эти положения Герцена были впоследствии восприняты народниками и развиты ими. Пока же – на исходе 50-х гг. – он обличал в своем «Колоколе» самодержавие, активно пропагандируя при этом социалистические идеи, Герцен требовал освобождения крестьян с земель.

И его пропаганда нашла свой отклик в России, особенно у разночинной молодежи, вышедшей на политическую арену в конце 50-х гг. Под влиянием массовых крестьянских волнений весной и летом 1861 г. она поверила в возможность и близость народной революции и стала готовить себя к ней, надеясь возглавить ее. Характерной чертой общественного движения этого периода стало выдвигание на первое место студенчества. Разносословное по своему происхождению, демократическое по настроениям, оно стало наиболее восприимчивой и отзывчивой частью российского общества. Выступления пере-

дового студенчества в защиту своих прав быстро переросли узкие корпоративные рамки и стали своеобразным проявлением солидарности с крестьянским движением. Наиболее яркую политическую окраску приобрела демонстрация-панихида, устроенная в апреле 1861 г. казанскими студентами, по «невинно убиенным» крестьянам села Бездны. С пламенной речью на ней выступил профессор истории А. П. Щапов, уверенно предсказавший, что «Бездненская трагедия воззовет народ к восстанию и свободе». Закончил же он свое выступление требованием демократической конституции.

Учитывая «антиправительственную» активность студентов, власти предприняли ответные меры. В середине 1861 г. они принимают новые временные правила, призванные ограничить доступ в университеты студентам-разночинцам. Для этого правительство лишило их «льгот»: была введена плата за обучение (даже для «нуждающихся студентов»), были запрещены студенческие сходки, депутации и т. д. В ответ на эти «драконовские меры» властей студенты Петербурга, Москвы и Казани провели массовые выступления. На митингах и демонстрациях произносились антиправительственные речи, распространялись воззвания в защиту своих попранных прав. Арестами студенческих вожakov, уличными избиениями демонстрантов, массовыми исключениями из университетов, а также отправками в отставку наиболее «ненавистных» студентам чиновников Министерства просвещения правительству удалось справиться со студенческими волнениями. Однако репрессиями ему все же не удалось приостановить процесс вовлечения в активную политическую борьбу новых слоев демократической молодежи. Студенческие выступления 1861 г. наглядно показали, что разночинная интеллигенция стремительно превращалась в ведущую силу российского освободительного движения.

«Прокламационная война» в России

Накануне 1861 г. и в первые пореформенные годы большим влиянием в России продолжал пользоваться «Герценовский Коллокол». Клеймя самодержавие, он призывал к сплочению сил для его ниспровержения и установления «нового государственного строя» и даже ставил вопросы создания единой революционной организации в России. Его пропаганда и агитация, конечно же, не могли не отражаться на революционном движении в стране в первые послереформенные годы. Новым фактором в его развитии стали на данном

этапе прокламации, листки и воззвания, начавшиеся активно распространяться со второй половины 1861 г. в Петербурге, Москве и других городах России. Адресованные разным слоям населения, они содержали в себе как умеренные требования политических перемен, так и призывы к активным революционным действиям. Начало этой кампании, получившей в исторической литературе название «прокламационная война (или эпоха)», положило общеизвестное воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В нем (составленном якобы Н. Г. Чернышевским) в популярной форме разъяснялся грабительский смысл реформы 1861 г. и давались советы, как готовиться к организованному выступлению против «угнетателей». Однако прокламация была перехвачена властями, а потому и не получила широкого распространения среди населения.

В июне-октябре 1861 г. появились три номера листка «Великорусс», органа одноименного комитета. Его авторы обращались к «обществу», к «просвещенным людям». Они резко критиковали проведенную самодержавием крестьянскую реформу и требовали от правительства передачи крестьянам всей земли, которой они пользовались до реформы, и с выкупом ее «за счет нации». Политическая программа «Великорусса» предусматривала «введение» в стране «конституции, свободы слова и печати, суда присяжных, местного самоуправления и устранения сословных привилегий». В случае, если правительство не выполнит этих требований, «Великорусс» предсказывал неизбежное народное восстание, предотвратить которое «патриоты уже будут не в силах», а потому они «будут тогда заботиться только о том, чтобы оно направилось благотворным для нации образом».

Идеи «Великорусса» получили большое распространение. Но содержащаяся в листках мысль об объединении всех оппозиционных самодержавию сил не была принята русскими либералами. Не увенчались успехом и попытки «Великорусса» образовать тайное революционное общество. Его участие в общественной борьбе ограничилось только составлением прокламаций. Но и эта деятельность членов комитета и авторов прокламаций не была оставлена правительством без «внимания»: большая их часть понесла «наказание».

Осенью 1861 г. в Петербурге была распространена прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым и отпечатанная в лондонской типографии Герцена. Ее автор, подобно колле-

гам из «Великорусса», критиковал крестьянскую реформу и убеждал царя пойти на глубокие преобразования, ибо в противном случае, утверждал он, «вспыхнет всеобщее восстание» и восставшие «придут к крайним мерам». Одновременно с этим в прокламации содержался призыв к молодежи бороться с самодержавием, «составлять кружки единомыслящих людей», искать союза с народом и солдатами. Будущее России автор прокламации видел в развитии начал общинного землевладения и народного самоуправления. Прокламация «К молодому поколению» (вину за ее написание возьмет на себя поэт М. Л. Михайлов) всецело отражала настроения революционной части разночинной молодежи, которую вели «на великое дело, и если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря».

Большое впечатление на современников произвела прокламация «Молодая Россия», появившаяся в мае 1862 г. Ее автором был московский студент П. Г. Заичневский. Он предрекал неизбежность революции – «кровавой и неумолимой», - которая «должна изменить радикально все... без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Будущее социально-политическое устройство России виделось Заичневскому в виде республиканского союза областей, состоявших из самоуправляющихся общин. За Польшей и Литвой он признавал право на независимость. Экономической основой будущего строя должны были стать, по его мнению, земледельческая община и общественная фабрика. Претворение своих планов в жизнь автор прокламации возлагал на революционную молодежь и армию, отводя при этом народу весьма пассивную роль. Тактика заговора, предложенная Заичневским, была осуждена Н. Г. Чернышевским и его единомышленниками, поскольку она вводила революционеров от организаторской работы в народных массах.

Общество «Земля и воля» (1861-1864)

Крестьянское движение, студенческие волнения 1861 г. посеяли определенную неуверенность в действиях властей. «Масла в огонь» подливали упорно распространявшиеся по России слухи о том, что к 19 февраля 1863 г. (к окончанию двухлетнего срока введения в действия «Положений» 19 февраля 1861 г.) наступит «полная воля», под которой крестьяне подразумевали предоставление им «неурезанного» («царского») надела и сокращение повинностей. Револу-

люционеры справедливо полагали, что непредоставление крестьянам «сих благ» вызовет новое, более грозное, чем в 1861 г. крестьянское восстание. Помещики и правительство тоже допускали возможность такого.

Однако надежды революционной демократии и страхи верхов не оправдались. Преодолев «растерянность», последние переходят с весны 1862 г. к планомерному «наступлению» на революционеров. В июле 1862 г. властям удалось (по доносу провокатора) «расправиться» с Н. Г. Чернышевским: хотя суд не имел прямых доказательств его виновности, он был приговорен к 14-летней каторге. Репрессиям подверглись публицисты Д. И. Писарев, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов, а несколько ранее – профессор А. П. Щапов, поэт М. Л. Михайлов и др.

Но правительственные репрессии не сломили революционеров: они продолжали начатую осенью 1861 г. в Петербурге братьями Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами, А. А. Слепцовым, Н. Н. Обручевым и другими работу по выявлению и объединению разрозненных столичных и провинциальных кружков. Центром этой деятельности и организации, комитеты и группы которой появились в Москве (до 400 членов), Казани, Нижнем Новгороде и в некоторых городах Украины, стал Петербург. Образовавшееся общество, девизом которого стали слова Н. П. Огарева: «Земля и воля», установило контакты с редакцией «Колокола».

После ареста Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича и эмиграции А. А. Серно-Соловьевича, общество возглавили Н. И. Утин и Г. Е. Благовестов. Осенью 1862 г. руководящий центр «Земли и воли» был преобразован в Русский центральный комитет. После этого в общество «влились» комитет «Великорусса» и некоторые другие организации. В конце 1862 г. к нему присоединилась русская «военно-революционная организация» («Комитет русских офицеров»), созданная подпоручиком А. А. Потебней в Польше.

«Собрание» революционных сил в единое тайное общество отвечало главной задаче революционеров-шестидесятников: быть готовым к крестьянскому восстанию, которое ожидалось весной 1863 г. Для пропаганды своих взглядов «Земля и воля» организовала свою (нелегальную) типографию в России, а также – в Берне. Пользовалось общество и услугами Герценовской типографии. Их усилиями был издан ряд прокламаций к народу, к войску, к «образованным классам», было также выпущено два номера листка «Свобода».

По мере приближения срока ожидаемого восстания, в деятельности общества все более видную роль стали играть Герцен и Огарев. В частности, последним был разработан подробный план действий революционеров в 1863 г. В нем было предусмотрено предъявление правительству требования созвать Земский собор, а в случае отказа – поднятие всеобщего восстания. В соответствии с планом, бессловный Земский собор, созданный после свержения самодержавия, должен был (по убеждению деятелей «Земли и воли») установить в России новый общественно-политический строй. Правда, основы будущего общественного устройства понимались землевладельцами весьма «различно». Эти «идейные» и «иные разногласия» и станут впоследствии причиной «самоуничтожения» общества.

Руководители «Земли и воли» пытались координировать действия русских и польских революционеров. Осенью 1862 г. представители Польского Центрального национального комитета З. Падлевский и А. Гиллер вели переговоры в Лондоне и Петербурге о возможности совместного выступления. В ходе их выяснилось, что «Земля и воля» не готова к открытому выступлению, в то время как развитие событий в Польше быстро вело к восстанию. Однако попытки связать дело освобождения Польши с общерусской революцией успеха не имели. Более того, ожидавшееся к весне 1863 г. общее крестьянское восстание не произошло. Утрата надежд на крестьянскую революцию заметно подорвала силы общества. Отдельные его члены (А. А. Потебня и члены его офицерской организации) приняли непосредственное участие в польском восстании. Идейный «разброд» и «шатания» подорвали «Землю и волю» изнутри и к весне 1864 г. она, так и не раскрытая правительством, самораспустилась.

§ 2. Общественное движение в 60-70-х гг. XIX в.

Развитие демократической журналистики

Правительственные репрессии, обрушившиеся на революционное движение в 1861-1863 гг., вырвали из его рядов многих активнейших его деятелей. Ограничили они и возможности ведения в России революционной работы. Главной ареной общественной борьбы стала в это время периодическая печать. Ведущим органом демократической печати – и после ареста

Н. Г. Чернышевского – продолжал оставаться «Современник», который с 1863 г. начали редактировать Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. Пропаганда им «общинного социализма» и «артельных начал» сочеталась и с высказываниями в пользу «мирной просветительской работы».

Большое влияние на демократическую молодежь оказало опубликование им романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Благодаря ему, повсеместно появляются кружки и артели подобные тем, о которых писал Чернышевский. Увлекла читателей-разночинцев и вера автора в победу революции, его идеал социалистического общества будущего.

Весьма популярным среди разночинской молодежи был журнал Г. Е. Благодетель «Русское слово». Публиковавшиеся им программные выступления адресовались в первую очередь учащейся молодежи, которая рассматривалась журналом как главная сила демократического движения. Этой точки зрения придерживались ведущие сотрудники «Русского слова» Д. И. Писарев и В. А. Зайцев, скептически относившиеся к созидательным возможностям народа и не верившим в «близость революции». Главное их внимание было уделено отрицанию существовавшего в стране политического строя и сопутствующих ему социально-экономических отношений. Однако антиправительственная направленность того и другого журнала не содействовала их сближению. Более того, в середине 60-х гг. между ними вспыхнула полемика (по поводу «раскола в нигилистах»), ставшая своеобразным отражением идейного кризиса, «поразившего революционно-демократическое движение». Противостояние двух лидеров демократической печати было умело использовано властями: после покушения «нигилиста» Каракозова на Александра II оба журнала были закрыты.

В этой «драматической» для демократической печати ситуации на политическую арену выдвинулись демократически настроенные публицисты. Видное место среди них занимал талантливый журналист и критик Д. И. Писарев, работавший с 1860 г. в «Русском слове». В 1862 г. им была написана прокламация, в которой он восхищался деятельностью Герцена и одновременно с этим утверждал, что «династия Романовых, а вместе с нею петербургская бюрократия должны погибнуть». За подобное «пророчество» публицист был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл до 1866 г. Выйдя из заключения, Д. И. Писарев активно занялся литературной

деятельностью и стал в середине 60-х гг., по выражению современников, «главным выразителем настроений демократической молодежи». Конечная цель деятельности каждого честного человека, утверждал он, должна состоять в «разрешении вопроса о голодных и раздетых людях». Он резко обличал все проявления крепостничества в жизни России и «создавал» идеал разумного строя, свободного от эксплуатации. Главной силой «общественного переустройства» Писарев считал «передовых людей, мыслящих реалистов», вооруженных последними достижениями науки. Важную роль отводил он просвещению народных масс. В своих статьях он постоянно популяризировал материализм и естествознание. Благодаря этому, русская молодежь увлеченно занималась в те годы естественными науками, активно распространяла в народе грамотность и элементарные знания о мире. Среди последователей Д. И. Писарева, часто называвших себя «нигилистами» («нигилизм» - отрицание общепринятых ценностей (идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни), абсолютизация индивидуального начала), были сторонники как революционных, так и мирных, просветительных методов борьбы с самодержавием.

Либерально- оппозиционное и консервативное движения

Демократический подъем начала 60-х гг. привел к резкому размежеванию революционного и либерального направлений русской общественной мысли. Либералы пореформенного периода, будучи в оппозиции к правительству, в то же время боялись «революционных потрясений», а потому неизменно выступали с пожеланиями ограничить самодержавие и проводить и дальше буржуазные реформы. Лишь незначительная их часть выступала за глубокие политические и экономические преобразования, в частности, на этом настаивали тверские либералы во главе с губернским предводителем дворянства А. М. Унковским. Собранный в декабре 1861 г. съезд тверских мировых посредников заявил, что «законоположение 19 февраля не удовлетворило народные потребности» и высказался за немедленный обязательный выкуп крестьянских наделов при содействии государства, за упразднение сословных привилегий дворянства и «слияние сословий», введение независимого суда и гласности в управлении, за преобразование финансовой системы. «Всепогоднейший адрес», подписанный

112 предводителями дворянства и мировыми посредниками Тверской губернии, был направлен в феврале 1862 г. Александру II. Содержание «Адреса», его дух вызвали сильное недовольство императора. 13 инициаторов его составления были арестованы по приказанию царя и заключены в Петропавловскую крепость. По суду Сената их приговорили к двухгодичному тюремному заключению, но вскоре они были освобождены. Выступление тверских либералов нашло широкий отклик среди их «коллег» калужского, московского, воронежского, рязанского и тульского дворянства. Тверской «Адрес» 1862 г. стал, по общему признанию, высшей точкой либеральной оппозиционности.

Но российские либералы не были последовательными в отстаивании своих убеждений (весьма умеренных и противоречивых). Так, либерал А. И. Кошелев (славянофил, помещик, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., издатель-редактор журналов «Русская беседа» и «Сельское благоустройство») высказывался в своих брошюрах («Какой исход для России из нынешнего ее положения?») и «Конституция, самодержавие и Земская дума»), увидевших свет в 1862 г. в Лейпциге, за созыв Земской думы, совместимой на его взгляд с самодержавием, и одновременно с этим доказывал необходимость решительной борьбы с революционным и крестьянским движением, соединение которых он считал – и не без оснований – особенно опасным для самодержавия, т. е. «благомыслящая» оппозиция А. И. Кошелева и его единомышленников (К. Д. Кавелина и др.) превращалась на деле в поддержку «правительственной расправы» над революционным движением. Еще более определенно проявили себя российские либералы в период польского восстания 1863-1864 гг.: большая их часть, скатившись на позиции национализма и шовинизма, открыто перешла в лагерь реакции. Особенно показательна в этом плане «эволюция» М. Н. Каткова. Умеренный либерал в 50-х гг., издатель журнала «Русский вестник» (с 1856 г.) и газеты «Московские ведомости» (1850-1855, 1863-1887 гг.) перешел с началом польского восстания на консервативные позиции и на долгие годы стал одним из главных идеологов реакционного течения русской общественной мысли.

Подобного рода «метаморфоза» произошла и в некоторых консервативных кругах крупного поместного дворянства. Мечтая в первые пореформенные годы «исправить ошибки 19 февраля 1861 г.», они «породили» в последующем течение, выступившее за «узкосос-

ловную, олигархическую дворянскую конституцию». Его органом стала газета «Весть», начавшая выходить с 1863 г. Вожди «олигархического дворянства» Н. А. Безобразов, В. П. Орлов-Давыдов и А. П. Платонов стремились конституционно закрепить главенствующую роль дворянства в политической и экономической жизни страны. В 1862-1865 гг. их планы не раз обсуждались на собраниях петербургского и московского дворянства, а также на собраниях дворян других губерний. Однако «настоятельные требования» дворянской конституции не пугали правительство и оно «терпело» их, правда, только до «каракозовского выстрела в царя».

Революционные кружки второй половины 60-х гг.

Правительственные репрессии 1862-1863 гг. не остановили, как уже упоминалось выше, поступательного развития революционного движения в России. Оно продолжалось, изменив лишь в новой ситуации свои формы и методы. В 1863 г. на базе землячества студентов-пензенцев в Москве возник нелегальный кружок, который возглавил студент Н. А. Ишутин. Его члены считали себя учениками и последователями Чернышевского. По примеру героев его романа «Что делать?», они создавали разного рода мастерские-артели и производственные ассоциации, члены которых, наряду с работой в них, занимались и пропагандой «социалистических идей». Однако все их легальные начинания терпели неудачу. Начиная с 1865 г. среди кружковцев зреет мысль о необходимости активной революционной деятельности, приведшая их к разработке планов создания революционной организации. Для этого они устанавливают связи с петербургскими «революционерами», которых возглавлял И. А. Худяков. Однако развернутую ишутинцами работу «перечеркнул» выстрел члена кружка Д. Каракозова (4 апреля 1866 г.) в царя. Начавшаяся после этого полоса «белого террора» нанесла ощутимый удар революционному движению: сам Каракозов был казнен, а ишутинский кружок был разгромлен.

Но правительственная реакция не прервала революционную традицию. В 1867 г. на политической арене появился кружок Г. А. Лопатина. Его члены (Н. Ф. Даниельсон, Н. Н. Любавин и др.) изучали западноевропейскую социалистическую литературу. Совместно с Ф. В. Волховским, Лопатин приступил к созданию общества, названного по размеру вступительного взноса «Рублевым». Члены об-

щества кочевали по России и «просвещали» крестьян с помощью написанных революционерами учебников и книг. Сближение с народом должно было, по мнению кружковцев, дать им ясное представление о его нуждах, целях и средствах борьбы. Активная деятельность лопатинцев была замечена властями. В начале 1868 г. «Рублево общество» были ими раскрыты, а его члены (в большинстве своем) сосланы. Но, несмотря на разгром, многие идеи общества остались «жить» и были востребованы революционерами 70-х гг.

С осени 1868 г. начинается некоторое оживление революционного движения. Способствовали этому и студенческие волнения, происшедшие в Петербурге весной 1869 г. Однако большая часть активных участников этих выступлений была арестована. Спасти удалось лишь единицам. Избежал ареста и один из руководителей студентов С. Г. Нечаев. Бежав за границу, он познакомился с Н. П. Огаревым и М. А. Бакуниным, «отрекомендовавшись» им «руководителем» революционного комитета, якобы существующего в России. Неприятие самодержавия, большая энергия сочетались в этом человеке с политическим авантюризмом, склонностью ко лжи и провокациям. Составленный им «Катехизис революционера» оправдывал все действия борца за свободу, в т. ч. и «нечистые» средства борьбы.

Совместно с Бакуниным, Нечаев развернул весной и летом 1869 г. активную издательскую деятельность. В частности, им был напечатан в то время (от имени организации «Народная расправа») ряд воззваний и листовок для их распространения среди студенчества. Вернувшись осенью 1869 г. в Москву, Нечаев попытался создать здесь и в Петербурге ячейки «Народной расправы». Создавая их, он требовал от своих «единомышленников» слепого подчинения ему, как руководителю. Благодаря этому, Нечаеву удалось понудить московскую ячейку на убийство студента И. И. Иванова, проявившего недовольство нечаевскими методами руководства. Смерть студента способствовала раскрытию кружка, однако Нечаеву удалось скрыться за границей. Но вскоре он был арестован швейцарскими властями и выдан в 1872 г. царскому правительству. Устроенный им «показательный» процесс (главным образом для дискредитации революционного движения) широко освещался правительственной прессой. После суда Нечаев был заточен в Петропавловскую крепость, где и умер в 1882 г. Вместе с тем, несмотря на усилия властей, нечаевское «дело» показало, что «нечаевщина» органически чужда русской демократической молодежи, что и было ею доказано в последующие годы.

Представители революционного подполья (в большинстве своем) осудили методы «нечаевщины», хотя в стране были и ее сторонники. С целью «противодействовать» им и появился в Петербурге (еще в 1869 г.) кружок студента Медико-хирургической академии М. А. Натонсона, носившего пропагандистско-просветительский характер. Его отделения появились в Москве, Киеве и Одессе. В перспективе они намеревались создать «единую организацию».

Русская секция I Интернационала

Кружки русской демократической молодежи возникали не только в России. В конце 60-х гг. они стали появляться и за границей.

В 1868 г. таковой появился в Женеве, объединивший в своем составе представителей русской эмиграции, главным образом из числа бывших членов «Земли и воли» 60-х гг. (Н. И. Утин, В. Н. Бартнев, А. Д. Трусова и др.). Кружок, находившийся на первых порах под влиянием М. А. Бакунина, начал издавать свой журнал «Народное дело». Первый его номер был (почти весь) написан М. А. Бакуниным. Но его анархистская программа вызвала недовольство среди участников журнала. Это вынудило «великого анархиста» уйти из редакции. Руководство журналом перешло к Н. И. Утину.

С этого момента кружок и его печатный орган стали уделять много внимания борьбе против Бакунина и Нечаева. В марте 1870 г. группа «Народное дело» создала в Женеве Русскую секцию Интернационала и обратилась к К. Марксу с просьбой быть их представителем в Генеральном совете Интернационала. Маркс дал такое согласие, хотя программа Русской секции заметно расходилась с его теорией научного социализма. Так, члены Секции признавали общность условий жизни и революционных задач России и Европы, заявляли о своей солидарности с борьбой западноевропейского пролетариата. Одновременно с этим, они писали о необходимости революционной борьбы за некапиталистический путь развития России на базе крестьянской общины, которую они принимали за ячейку социализма. Главной революционной силой в России, в силу этого, они признавали крестьянство, что в корне противоречило «марксовской теории». Но несмотря на это, ее идеолог считал необходимым помочь молодым революционерам преодолеть «ошибки» и выработать им правильный научный взгляд на задачи революционного движения.

Русская секция Интернационала и ее печатный орган – «Народное дело» - сыграли, по общему признанию, заметную роль в крити-

ке взглядов и раскольнической деятельности Бакунина. Некоторые ее издания попадали в Россию и знакомили русского читателя с деятельностью Интернационала, хотя устойчивых связей с русским революционным подпольем членам секции не удалось установить. Но деятельность последней была недолгой. Уже после сентября 1870 г. перестало выходить «Народное дело», ибо большинство членов Русской секции покинуло Женеву. Некоторые из них (А. В. Корвин-Круковская, Е. Л. Дмитриева-Томановская и др.) приняли активное участие в 1871 г. в Парижской Коммуне.

§ 3. Русское народничество 70-80-х гг.

Ведущим направлением в российском освободительном движении в пореформенное время стало **народничество**, основывавшееся на системе взглядов об особом, «самобытном» пути развития России, минуя капитализм и опираясь на русскую крестьянскую общину. Как направление в демократическом движении, оно было характерно не только для России, но и для других стран со слабо развитым капитализмом и наличием крестьянской общины (например, Китая и Индии).

Идеология русского народничества Основы российского народничества были изложены в работах А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, написанных в 50-х гг. и после отмены в 1861 г. крепостного права в России. Главными теоретиками революционно-демократического народничества 70-х гг. стали М. А. Бакунин, П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев.

Михаил Александрович Бакунин (1814-1876) вышел из просвещенной семьи тверских дворян, получил блестящее образование. Увлёкся революционными идеями еще в 30-х гг. XIX в. Принимал активное участие в революции 1848 г. в Германии, за что был арестован и выдан затем царским властям. Провел несколько лет в крепости, а затем был сослан в Сибирь. В 1861 г. бежал оттуда за границу. Появившись в Лондоне, сотрудничал с Герценом и Огаревым. Вступив в 1864 г. в I Интернационал, Бакунин создал в нем анархический «Альянс социалистической демократии», за что в 1872 г. был исключен из Интернационала.

Будучи видным теоретиком анархизма, он утверждал в главном своем труде – «Государственность и анархия» (1873 г.), - что источни-

ком всех «зол» является «государство». Любая государственная власть (будь то монархия или республика, даже самая демократическая) рассматривалась им как «источник эксплуатации и деспотизма». Являясь противником идеи политических свобод (которые «выгодны только одной буржуазии»), он призывал только к «борьбе за социальные свободы». Отсюда и его «аполитизм» - отказ от политической борьбы. Любой форме государства Бакунин противопоставлял «федерацию самоуправляющихся общин и производственных ассоциаций». От военной опасности извне такая федерация, по его мысли, может защитить себя «всеобщим вооружением народа». Бакунин доказывал, что русский мужик – «социалист по инстинкту» и его не надо агитировать, а надо «бунтовать». «Учить народ, - писал он, - это глупо. Народ сам и лучше на знает, что ему надо». Революционеры, по Бакунину, должны сыграть роль искры, которая сможет зажечь пламя народного восстания, а для этого надо объединить локальные крестьянские волнения во «всеобщий бунт».

Бакунинская программа социальной революции от начала и до конца была утопична, но его призыв «идти в народ» нашел самый широкий отклик в кругах демократической молодежи и до конца 70-х гг. являл собой влиятельное направление в русском революционно-демократическом движении.

«Пропагандистское» течение русского революционного народничества связано с именем **Петра Лавровича Лаврова** (1823-1900) – сыном богатого псковского помещика, разносторонним ученым, профессором Артиллерийской академии. В революционное движение «пришел» в 60-х гг. За активное участие в студенческом движении и за «причастность» к ишутинскому кружку был арестован в 1866 г. и сослан в Вологодскую губернию, откуда, спустя четыре года, бежал (с помощью Г. А. Лопатина) за границу.

Впервые свои взгляды им были изложены в «Исторических письмах», печатавшихся в 1868-1869 гг. на страницах нелегальной газеты «Неделя», вышедшие затем в 1870 г. отдельной книгой. В них нашла отражение его знаменитая формула прогресса: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости». Двигателем исторического прогресса он считал «критически мыслящую личность», готовую «беззаветно» бороться за интересы поработенного народа. Демократическая молодежь зачитывалась «Письмами». Народник

Н. С. Русанов вспоминал, что «многие из нас... не расставались с... небольшой,.. исчисленной... в конец книжкой,.. охватившей нас безмерно жаждою жить для благородных целей и умереть для них».

В 1873-1876 гг. Лавров руководил заграничным русским журналом и газетой «Вперед». В своих программных выступлениях он доказывал, что русский народ еще не готов к социальной революции. Задачу революционеров Петр Лаврович видел в развертывании пропагандистской работы в народе. Подготовку будущей революции следовало, по его мнению, начинать с просвещения народа, с пробуждения в нем сознательного сочувствия к деятельности революционеров. Преувеличивал Лавров и роль интеллигенции, ее «долг» перед народом. Но, несмотря на отдельные «ошибки» и «просчеты», его неустанная проповедь о необходимости кропотливой подготовки революционеров и народа к революции оказала сильное воздействие на русское революционное движение, хотя «лавристы» и составляли в нем незначительное меньшинство.

Идеологом тактики заговора в русском революционном движении был **Петр Никитич Ткачев** (1844-1885) – последователь французского коммуниста-утописта Огюста Бланки. Выходец из небогатых дворян Псковской губернии рано примкнул к студенческому движению и уже в 1871 г. он был осужден по «делу Нечаева». Спустя два года, ему удалось бежать за границу, где с 1875 г. он начал издавать свой журнал «Набат».

Ткачев полагал, что переворот в России может быть осуществлен, но не путем крестьянской революции, а путем захвата власти группой революционеров-заговорщиков, поскольку при «диком невежестве» крестьянства, его «рабских и консервативных инстинктах», ни пропаганда, ни агитация не в состоянии вызвать народное восстание, а власти легко «переловят пропагандистов». В России, доказывал он, легче захватить власть путем заговора, ибо «самодержавие» в данный момент не имеет опоры – оно висит в воздухе». Надо именно сейчас нанести удар по «всеми покинутому правительству», от которого отвернулись и крестьяне, и помещики, недовольные реформой 1861 г. «Революцию надо не готовить, а делать ее», — утверждал Ткачев. Для этого, по его убеждению, требовалась «крепко сплоченная и строго законспирированная организация». Идеи Ткачева не канули в Лету: они нашли свое воплощение в тактике и деятельности «Народной воли».

«Хождение в народ» Программы «переустройства» России, предложенные М. А. Бакуниным, П. Л. Лавровым и П. Н. Ткачевым, нашли своих сторонников. Но идеологические выкладки «политических эмигрантов» нуждались в «апробации» в условиях российской действительности. Первой крупной акцией демократической молодежи в этом плане стало массовое – уникальное в мировой истории – «хождение в народ» летом 1874 г. Это было стихийное движение, в котором приняло участие свыше 30000 пропагандистов. В основном это была учащаяся молодежь, вдохновленная идеей Бакунина о возможности поднять народ на «всеобщий бунт». Толчком к походу в «народ» послужил тяжелый голод 1873-1874 гг. в Среднем Поволжье. Именно туда и были устремлены значительные силы пропагандистов. К тому же, как полагали народники, здесь были живы традиции Разина и Пугачева, крупных крестьянских волнений 1861 г.

Народническая пропаганда (стремление одних донести до народа «свет социализма», других – поднять его на «немедленное восстание», третьих - ознакомиться с основами «народной правды») велась в 37 губерниях России. Но этот показатель не свидетельствовал об успехе революционеров. Более того, их почти повсеместно ждало «жестокое разочарование», вытекавшее из незнания ими психологии и настроений мужика, из отсутствия опыта пропагандистской работы и навыков конспирации. Как показала практика, крестьяне весьма настороженно отнеслись к «бродячим» проповедникам, толковавшим о какой-то «непонятной социалистической республике». Более внимательными становились селяне, когда пришельцы заводили разговор о снижении податей и разделе помещичьей земли. Но они сразу замыкались как только речь заходила о свержении самодержавия или борьбе с ним. Царь для крестьян, вынуждены были признать пропагандисты, и в пореформенное время продолжал оставаться для них единственным защитником народа и единственной их надеждой на лучшую жизнь.

Полиция, быстро прознавшая о народнической пропаганде, стала вылавливать тех, кто ею занимался. Ею, согласно официальным данным, было арестовано около 4000 чел. Многие из них более трех лет томились в тюрьмах в ожидании суда. В 1877 г. по «делу пропагандистов» было привлечено 193 чел. В соответствии с приговором, 99 из них были приговорены к каторге, тюремному заключению

и ссылке, остальные – оправданы «за отсутствием состава преступления».

Но неудача «хождения в народ» не остановила революционеров в их стремлении «воздействовать на крестьянство», она понудила демократическую молодежь искать новые формы «просвещения народа».

«Земля и воля» (1876-1879 гг.)

Неудача «хождений в народ» убедила ее и в необходимости создания централизованной революционной организации, имевшей бы четкую структуру и программу целей и своих действий. И такая организация появилась в России к концу 1876 г. Первоначально она именовалась **«Северно-революционной народнической группой»**, а с 1878 г. она стала называться **«Земля и воля»**. Это была уже вторая «Земля и воля», в отличие от первой, родившейся в начале 60-х гг.

Новая революционная организация заявила о своем рождении политической демонстрацией 6 декабря 1876 г. в Петербурге, на площади у Казанского собора («Казанская демонстрация»), на которую собралось свыше 400 чел. Перед ее началом в соборе был отслужен торжественный молебен «во здравие» находившегося в ссылке Чернышевского, а затем выступил перед собравшимися со «странной речью» студент-технолог Георгий Плеханов, призвавший демонстрантов, над которыми развевалось знамя с надписью «Земля и воля», к борьбе с «деспотизмом». Полиция разогнала собравшихся, не преминув и жестоко избить их. Досталось при этом и переодетым под демонстрантов шпиикам. Десятки участников демонстрации были арестованы, преданы суду и отправлены на каторгу и в ссылку. Главному же «возбудителю спокойствия» – Плеханову – удалось скрыться.

Членами – учредителями новой организации стали братья Александр и Адриан Михайловы, Георгий Плеханов, Марк и Ольга Натансоны, Осип Аптекман и другие профессиональные революционеры. Позднее ее членами стали Вера Фигнер, Софья Перовская, Николай Морозов, Дмитрий Клеменц, Сергей Кравчинский (Степняк-Кравчинский), Лев Тихомиров и др. Вместе с филиалами «Земля и воля» насчитывала почти 150 членов. Руководил ею «Центр» («Администрация»), избравшийся «основным кружком» - ядром организации в количестве 30 чел. Остальные ее члены подразделялись (по характеру деятельности) на несколько групп. Наиболее многочисленными

группами были «деревенщики» (ведшие работу в деревне), «рабочая группа», (ведшие пропаганду среди рабочих) и «интеллигентная группа», работавшая среди студентов. Особое место в организации занимала «дезорганизаторская группа», занимавшаяся разведкой, добытием сведений из карательных учреждений, привлечением на свою сторону чиновников и военных, а позднее – совершением террористических актов, а также изготовлением в «небесной канцелярии» (такое название носила эта группа) поддельных паспортов, видов на жительство и др. Вся организация состояла из пятерок. Каждый ее член знал только своих «товарищей». В провинциях существовали территориальные общины, которые действовали автономно. Главная их задача состояла в подготовке предстоящего крестьянского восстания и руководства им на месте. Создала «Земля и воля» и свой печатный орган, носивший такое же название, что и организация.

Много внимания уделяли ее деятели разработке программы и тактики «Земли и воли». Первоначально их программные требования ограничивались передачей всей земли крестьянским общинам, разделением Российской империи на части, «соответственно местным желанием», развитием самоуправления общин. Осуществление этих требований они справедливо полагали возможным «только посредством насильственного переворота». Подготовку его они надеялись осуществить путем агитации, направленной на «возбуждение народа к бунтам и стачкам» и дезорганизации власти. В последнем уточненном варианте программы (май 1878 г.) конечным идеалом землевольцев признавались анархия и коллективизм, особенно конкретизировались задачи организаторской и дезорганизаторской деятельности (объединение революционеров из среды интеллигенции, так и из рабочих, устройство постоянных поселений в деревнях, привлечение на свою сторону «разбойничьих шаек типа понизовой вольницы»). Подчеркивалась также и необходимость издания собственного органа и распространения «листочков зажигательного характера и возможно в большем количестве». Для дезорганизации правительства революционеры обязаны были вести активную работу в войсках, прежде всего в офицерской среде, привлекать на свою сторону правительственных чиновников и «систематически истреблять наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства». Программа «Земли и воли» исходила, таким образом, из идей Бакунина, кардинально переработанных землевольцами с учетом накопленного ими опыта борьбы.

Особое значение придавали деятели «Земли и воли» созданию боевой централизованной организации. Они последовательно проводили в жизнь уставные требования централизма, конспирации, дисциплины, взаимного товарищеского контроля, подчинения меньшинства большинству. Душой организации, вне сомнения, был А. Михайлов. «Если у нас, - постоянно напоминал он своим единомышленникам, - не будет единства взглядов на наши взаимные отношения – это будет невыносимо и пагубно. Я первый постараюсь разрушить такой шаткий, жалкий и бессильный союз».

Главным в деятельности «Земли и воли» была организация поселений в деревне. Таковые возникли в 70-х гг. в Саратовской, Самарской, Воронежской, Тамбовской и других губерниях. Проводимая землевольцами работа в деревне отнимала у них почти все силы, но ощутимого успеха она не приносила. Крестьянские массы оставались глухи к революционной пропаганде. Попытки создания в деревне «боевых» революционных организаций также терпели неудачу. «Провокационная» же попытка «революционеров Я. В. Стефановича и Л. Г. Дейча (путем обмана) поднять в 1877 г. бунт среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии принесла только вред революционному движению. В силу всего этого, на первое место в деятельности землевольцев начинает выходить дезорганизаторская работа. Часть их, покончив с «аполитизмом», переходит на путь целенаправленной политической борьбы с самодержавием.

Первые дезорганизаторские акты землевольцев носили характер мести и самообороны. В январе 1878 г. В. И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, приказавшего подвергнуть находящегося в тюрьме политического заключенного телесному наказанию. Суд присяжных оправдал ее. После освобождения из под стражи, она бежала за границу. «Героический пример» Засулич «воодушевил» часть землевольцев, поскольку пропагандистская работа проигрывала по своей «эффективности» террористической деятельности. Потому-то весной 1879 г. внутри «Земли и воли» появилась группа («Свобода или смерть»), горячо проповедовавшая террористические методы воздействия на правительство. 2 апреля 1879 г. одним из ее членов (А. Соловьевым) было совершено – неудачное – покушение на царя, закончившееся повешением «террориста». Однако сторонники активной политической борьбы и методов террора (Михайлов, Морозов, Тихомиров, Ошанина и др.) настаивали на ак-

тивизации «боевых действий» и призывали к индивидуальному террору. Созданный ими **Исполнительный комитет** приступил к организации боевых террористических групп. Противники террора «деревенщики» (Попов, Плеханов, Аптекман и др.) настаивали на продолжении пропагандистской работы в деревне. Возникшие в «Земле и воле» разногласия вызвали необходимость созыва для их разрешения съезда. Он состоялся в июне 1879 г. в Воронеже. Но накануне его, сторонники политической борьбы и тактики террора собрались в Липецке, где приняли решение «до конца отстаивать необходимость с оружием в руках» бороться с существующим строем. Однако съезд не решил возникших проблем, приняв компромиссное решение «о совместной борьбе». Это означало, что дни «Земли и воли» сочтены.

«Черный передел» и **«Народная воля»** И это, действительно, оказалось так. Осознав, что «худой мир хуже хорошей ссоры», землевольцы собрались 15 августа 1879 г. в Петербурге на очередной съезд, на котором «Земля и воля» распалась (после острой дискуссии) на две организации: **«Черный передел»** (сторонники пропаганды) и **«Народную волю»** (сторонники политических методов борьбы).

Как показало время, чернопередельцы, чья идейная платформа не отличалась в принципе от землевольческой, не сыграли заметной роли в революционном движении пореформенной России. В издаваемом ими печатном органе – «Черный передел» - они продолжали предостерегать своих последователей от увлечения вопросами «чисто политического свойства». А их попытки вести пропаганду в деревне окончились (в условиях массовых правительственных репрессий) полной неудачей. Многие видные деятели «Черного передела» (Плеханов, Засулич, Аксельрод, Дейч, Попов, Аптекман и др.), опасаясь ареста, вынуждены были уехать за границу, другие же – перешли в «Народную волю» или были арестованы.

Более жизнеспособной и действенной оказалась «Народная воля», умело использовавшая новый революционный подъем (активизация крестьянских выступлений, в связи с распространившимися слухами о переделе земли, подъем рабочего движения, студенческое «возбуждение», оживление либерального движения и т. д.), начавшийся в стране в конце 70-х гг. Ее основатели и руководители (А. Михайлов, А. Желябов, Н. Морозов, С. Перовская, В. Фигнер, М. Фроленко

и др.), закрепив и далее развивая организационные принципы «Земли и воли», создали строго централизованную и хорошо законспирированную организацию. Ее ядро составили профессиональные революционеры, вошедшие в Исполнительный комитет. Он направлял деятельность местных кружков и групп, действовавших более чем в 50 городах. В составе «Народной воли» насчитывалось несколько сот членов, которым помогало почти 2000 чел. Но, отказавшись от нигилистического бакунинского взгляда на политическую борьбу, народовольцы впали в другую, не менее опасную крайность – они преувеличили роль политической надстройки – самодержавия. Они полагали, что оно стоит над классами, что оно само создает привилегированные классы и насаждает «сверху» капитализм. Такой, далеко идущий вывод они делали, исходя из активной роли самодержавия в экономической жизни страны. Поэтому, считали народовольцы, достаточно его «свалить» и социальный переворот будет обеспечен. Так возникла идея царевубийства, которое поможет дезорганизовать центральное правительство и послужит сигналом к «выступлению народа». Свои программные и тактические принципы народовольцы пропагандировали в печатных органах – «Народной воле», «Листке Народной воли», «Рабочей газете» и в прокламациях.

25 августа 1879 г. Исполком «Народной воли» вынес смертный приговор Александру II. С этого момента началась настоящая «охота» на царя. После нескольких неудачных покушений (попыток взорвать императорский поезд, взрыва С. Халтуриным царской столовой в Зимнем дворце и т. д.) 1 марта 1881 г. Александр II был убит. После этого Исполнительный комитет обратился к новому царю с письмом, в котором требовал от него созыва «представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни».

На действия народовольцев царизм ответил беспощадной расправой. А. Желябов, С. Перовская, Н. Кабальчич и другие участники «первомартовского покушения» были повешены. Гонениям и репрессиям подверглись и члены «Народной воли» и сочувствовавшие им. Сохранить и возродить организацию предприняли попытку В. Фигнер и Г. Лопатин, но неудачно. В 1882 г. провокатор С. Дегаев выдал властям «военную организацию партию». После ареста Лопатина «Народная воля» прекратила практически свое существование.

Рабочее движение 70-80-х гг. XIX в.

Новым явлением социальной жизни пореформенной России стало рабочее движение. Наиболее значительными выступлениями рабочих тех лет явились стачки на Невской бумагопрядильне в мае 1870 г., на Кренгольмской мануфактуре в Нарве в 1872 г. и особенно – на Никольской мануфактуре фабриканта Т. С. Морозова в Орехово-Зуево в январе 1885 г. Во всех случаях было проведено публичное судебное расследование. На Невской бумагопрядильне оно выявило столь чудовищную эксплуатацию рабочих (которая и вызвала стачку), что участники стачки были оправданы и лишь ее руководители были приговорены к аресту от 3 до 7 дней. Мягкий приговор «бунтовщикам» вызвал недовольство Александра II. Широкий резонанс получила стачка в Нарве. Она была подавлена лишь с помощью военной силы (в усмирении рабочих приняли участие два полка). Над 27 руководителями ее была учинена судебная расправа. Одни из них были приговорены к каторжным работам, другие – к ссылке в арестантские роты, третьи – к разным срокам тюремного заключения. На выступления рабочих живо откликнулась либеральная печать, писавшая о стачках как о «новом для России явлении, доселе небывалом». Много внимания уделила она Морозовской стачке (была вызвана высокими и необоснованными штрафами), завершившейся победой рабочих – удовлетворением их требований. 33 активных ее участника, преданные суду, были полностью оправданы.

Рост стачечного движения понудил правительство «вплотную» заняться разработкой «рабочего законодательства» и издать серию законов, регламентировавших отношения между рабочими и фабрикантами. Была введена рабочая инспекция, запрещена ночная работа для подростков и женщин. Под непосредственным влиянием Морозовской стачки был издан закон, согласно которому штраф не мог быть выше трети заработной платы, а «штрафные деньги» должны были использоваться только на «рабочие нужды».

Новым явлением в истории пореформенной России явилось и «рождение» рабочих организаций. Первой из них стал «Южнороссийский союз русских рабочих», появившийся в Одессе в 1875 г., созданный бывшим студентом, а к тому времени – профессиональным революционером Евгением Заславским. Его ядро составили 50-60 рабочих, разделенных на 6-7 кружков. К ним примыкало 200 (по другим данным 300) «распропагандированных рабочих». Союз имел ус-

тав, который предусматривал «пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов, говорилось в нем и о необходимости «объединения рабочих Южно-Российского края», а также о том, что «достигнуть своих прав рабочие могут только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества». «Союз Заславского» просуществовал недолго: в декабре того же года он был выявлен полицией. 15 его руководителей предстали перед судом. В 1878 г. Заславский был приговорен к 10 годам каторги, но через год он умер в Петербургской тюрьме.

Второй организацией рабочих стал «Северный союз русских рабочих», возникший в 1878 г. в Петербурге путем объединения разрозненных кружков. Во главе его стояли Виктор Обнорский и Степан Халтурин. Кружок насчитывал в своих рядах около 200 членов. В январе 1879 г. им был напечатан программный документ «К русским рабочим». В нем была подчеркнута важность «завоевания политической свободы для пролетариев». Конечной целью борьбы провозглашалось «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как строя крайне несправедливого». В число «непосредственных требований» союза входили свобода слова, печати, собраний, уничтожение сословных различий, обязательное бесплатное обучение, ограничение рабочего времени и запрещение детского труда. Предусматривала программа и «учреждение свободной народной федерации общин на началах русского обычного права», а также замену земельной собственности общинным землевладением. В 1880 г. «Северный союз» выпустил единственный номер своей нелегальной газеты «Рабочая заря». Обнаружение полицией тайной типографии, где была напечатана газета, повлекло арест участников рабочей организации и прекращение ее существования.

Хотя в пореформенное время в России и появились рабочие кружки и союзы, но в них был вовлечен еще узкий круг рабочих. Стачечное же движение не выходило еще за рамки требований экономического характера. Однако и правительство, и предприниматели уже вынуждены были считаться с этим новым социальным явлением в истории пореформенной России.

ГЛАВА VI. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 80-90-Х ГГ. XIX В.

§ 1. Кризиса самодержавия на рубеже 70-80-х гг. XIX в.

Активность «низов» и кризиса «верхов» К концу 70-х гг. положение российского крестьянства заметно ухудшилось. Это был результат тяжелых последствий грабительской крестьянской реформы 1861 г. За 20 лет после нее в два раза выросли недоимки бывших помещичьих крестьян по выкупным платежам. Особенно тяжелым было положение временнообязанных крестьян, не перешедших до сих пор на выкуп и продолжавших в принудительном порядке отбывать старые феодальные повинности (барщину и оброк). Существенно усугубилось положение народных масс разорительными последствиями русско-турецкой войны 1877-1878 гг., неурожаем и голодом 1879-1880 гг., а также мировым экономическим кризисом конца 70-80-х гг., захватившим и Россию.

Все это вместе взятое заметно «возбудило» деревню. За пятилетие (1875-1879 гг.) в ней произошло свыше 150 крестьянских волнений. Но рост их численности был не единственным показателем обострения классовой борьбы в деревне. Об этом свидетельствовали и «открытые» и «скрытые» формы крестьянского протеста: плохая работа на «помещичьем поле», саботаж, жалобы и т. д. В эти годы почти повсеместно «ходили слухи» о «черном переделе» земли, возбуждавшие крестьян, связывавших «отнятие» ее у помещиков и передачу всей земли крестьянам. Будоражили их слухи и об «освобождении» бывших помещичьих крестьян от «подушной подати и вообще от всех платежей». Даже несмотря на выход в 1879 г. специального циркуляра МВД, опровергавшим «неосновательность» надежд крестьян «на передел земли», слухи о нем «упорно держались». С опровержением их вынужден был выступить 21 мая 1883 г. даже сам Александр III.

Хотя крестьянское движение конца 70 – начала 80-х гг. и не достигло размаха и силы первых послереформенных лет, тем не менее, оно явилось существенным фактором активности «низов» и составило серьезную опасность для правительства, понудив его пойти на некоторые уступки. В частности, оно вынуждено было отказаться от «переобработки» (пересмотра по истечении 20 лет после реформы

19 февраля 1861 г. норм оброка в сторону их повышения). Был также наложен временный запрет на продажу крестьянского скота за недоимки, приостановлены принудительные меры взыскания с крестьян податей, издано в конце декабря 1881 г. «Положение» об отмене с 1 января 1883 г. «временнообязанного» состояния и об обязательном переводе бывших помещичьих крестьян на выкуп (к 1881 г. на временнообязанном положении оставалось почти 15% бывших помещичьих крестьян, в некоторых губерниях – до 30%). Одновременно с ним вышел указ и о понижении на 1 руб. выкупных платежей с каждого крестьянского надела в год (до этого ежегодно взимались с одной ревизской души 7 руб. 20 коп. выкупных платежей). И хотя эти и другие правительственные меры носили «покровительственный характер», они, тем не менее, свидетельствовали о колебаниях «верхов», вынужденных в силу «обстоятельств» пойти на уступки в «аграрно-крестьянском вопросе», «низам» в целом.

Важным показателем активности последних (наряду с крестьянскими волнениями) стало рабочее движение. На рубеже 70-80-х гг., оно охватило Москву, Петербург, Владимир, Иваново-Вознесенск, Лодзь, Харьков, Одессу, Пермь и другие промышленные центры страны. Особое значение имели стачки 1878-1879 гг. в Петербурге и Орехово-Зуеве.

Оказала свое влияние на «верхи» и деятельность революционных народников, кульминационным моментом борьбы которых стало убийство ими Александра II.

Политика лабиринтов царизма

Кризис «верхов» на рубеже 70-80-х гг. отчетливо проявился в колебаниях правительства. С одной стороны, оно «обещало» реформы и шло на уступки, стремясь привлечь такими мерами либеральные круги на свою сторону и подключить их к борьбе против «крамолы», а с другой, - применяло жестокие репрессии к участникам революционного движения.

8 февраля 1880 г. после покушения на царя С. Халтурина, императором было созвано специальное совещание, выработавшее меры борьбы с революционным движением. 12 февраля была образована **Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия**. Возглавил ее харьковский генерал-губернатор, граф М. Т. Лорис-Меликов. Была отда-

на под его начало и Чрезвычайная следственная комиссия, занимавшаяся делом «о взрыве в Зимнем дворце». Это был хитрый и жесткий политик. Став во главе МВД, он многое обещал «благомыслящей» части общества, не забывая при этом проводить политику террора по отношению к революционерам, что дало им основание определить «меликовщину» как политику «лисыего хвоста» и «волчьей пасти».

«Верховная комиссия», в задачу которой входило «положить конец попыткам злоумышленников поколебать государственный и общественный порядок», а также привлечь на сторону власти умеренную часть общества, проработала до 1 мая 1880 г. 6 августа она и III Отделение были упразднены. Вместо последнего учреждался (при МВД) **Департамент государственной полиции**. 22 января 1881 г. Лорис-Меликов предложил царю проект создания двух временных комиссий (финансовой и административной) из представителей земств для выработки «начал» преобразования губернского управления и пересмотра земского и городского положений и др. Особое совещание, назначенное царем, одобрило эти меры. Это решение было утверждено Александром II 17 февраля, а на 4 марта 1881 г. – было назначено обсуждение «плана» Лорис-Меликова, названного его противниками «конституцией» Лорис-Меликова.

И обсуждение ее состоялось (8 марта 1881 г.), но уже под руководством Александра III. Проект Лорис-Меликова «раскритиковал» граф С. Г. Строганов, которого поддержал царь. Еще «дальше пошел» обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев: он подверг резкой критике все реформы 60-70-х гг. Словом, на «конституции» Лорис-Меликова был поставлен крест. 29 апреля 1881 г. был обнародован манифест (авторы К. П. Победоносцев и М. Н. Катков), провозгласивший «незыблемость самодержавия». После этого ушли в отставку Лорис-Меликов и слывшие «либералами» военный министр Д. А. Милютин и министр финансов А. А. Абаза. На смену им пришли более «умеренные» люди, опираясь на которых самодержавие стало укреплять свои позиции.

Порукой тому – «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», увидевшее свет 14 августа 1881 г. Согласно ему, любая местность могла быть объявлена на чрезвычайном положении, а каждый ее житель подвергнут аресту, сослан без суда на 5 лет в любое место империи или предан

военному суду. Руководствуясь «Положением», местные власти могли закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, приостанавливать деятельность земств и городских дум, закрывать органы печати. Это «Положение», изданное как временное (на 3 года), возобновлялось по истечении каждого трехлетия и действовало вплоть до 1917 г. Вместе с тем, правительство продолжало политику «заигрывания» с либеральным «обществом». Оно приглашало «сведущих лиц» для обсуждения вопроса о выкупных платежах, создало (в конце 1881 г.) Особую комиссию для составления проекта преобразования местного самоуправления. Но ее деятельность в условиях усиления реакции оказалась бесплодной и в 1885 «Кахановскую комиссию» (по фамилии ее председателя – статс-секретаря М. С. Каханова) упразднили.

22 мая 1882 г. в недрах МВД (Н. П. Игнатъев) родился проект созыва совещательного Земского собора к коронации Александра III в 1883 г. Однако под давлением К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова он был отвергнут, а глава МВД Игнатъев получил отставку, которая знаменовала собой переход самодержавия к прямой и неприкрытой реакции.

§ 2. Политическая реакция 80-90-х гг.

Цензура и просвещение

После отставки Н. П. Игнатъева Министерство внутренних дел возглавил (в 1882 г.) Д. А. Толстой, ставший одновременно и шефом жандармов. Два этих поста он занимал до 1889 г. Это был представитель «самой оголтелой» и «твердокаменной реакции». Будучи еще в 60-70 гг. министром народного просвещения и одновременно обер-прокурором Синода, он уже тогда стяжал себе славу «ярого реакционера и обскуранта». Став во главе МВД, он стал настойчиво проводить в жизнь реакционную программу, разработанную Победоносцевым и Катковым.

Первыми ее «жертвами» стали печать и школа. 27 августа 1882 г. появились новые «временные правила» о печати, устанавливавшие строгий административный надзор за газетами и журналами. Их редакции обязаны были по требованию МВД сообщать имена авторов статей, печатавшихся под псевдонимами. Усилили «Правила» и «ка-

рательную цензуру» - репрессивные меры против прогрессивной печати. Из-за них прекратили в 1883-1884 гг. свое «существование» все радикальные и многие либеральные периодические издания, в т. ч. «Отечественные записки» (ред. М. Е. Салтыков-Щедрин), «Дело» (ред. Н. В. Шелгунов), «Голос» и «Земство».

20 ноября 1882 г. вышел циркуляр министра народного просвещения И. Д. Делянова, усиливший дисциплинарные взыскания в средней школе, а 5 июня 1887 г. – циркуляр о «кухаркиных детях», открыто запрещающий принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Реальные училища были преобразованы в технические школы, окончание которых не давало права на поступление в высшие учебные заведения. 23 августа 1884 г. был введен новый университетский устав (автор М. Н. Катков), ликвидировавший фактически автономию университетов, «дарованную» им уставом 1863 г. Ректор, деканы, профессора отныне не избирались, а назначались, при этом главным аргументом являлись не «научные заслуги и качества» человека, а его «политическая благонадежность». Согласно новому уставу, полновластным хозяином университета стал попечитель учебного округа, представлявший на утверждение министра народного просвещения списки преподавателей университетов, а также организовавший надзор за «дисциплиной» студентов, облаченных с 1885 г. в форменную одежду. В том же году были введены «стеснительные» правила сдачи университетских экзаменов. Начиная с 1887 г., стали требовать при поступлении в университет характеристику о «благонадежности». Повысилась (с 10 до 50 руб. в год) плата за обучение.

Принятые правительством меры позволили ему уволить прогрессивных профессоров (социолога М. М. Ковалевского, историка В. И. Семевского, филолога Ф. Г. Мищенко, биолога Н. Н. Мечникова). Было ликвидировано в 80-х гг. высшее женское образование (путем закрытия высших курсов). Все перечисленные выше меры в области высшего образования породили в 1887-1893 гг. новую волну студенческих волнений.

Политика самодержавия в аграрном вопросе

Как и во всей политике царизма, в аграрно-крестьянском вопросе 80-90-х гг. заметно было сочетание «репрессивных мер» с некоторыми «уступками» крестьянскому сословию. 18 мая 1882 г., «уступая ему», пра-

вительство учреждает Крестьянский поземельный банк (он начал функционировать с 1883 г.), призванный выдавать как отдельным домохозяевам, так и сельским обществам и товариществам ссуды для покупки земли. Учреждение этого банка должно было – по замыслам правительства – смягчить остроту аграрного вопроса в стране, а главное – помочь помещикам сбыть (через Крестьянский банк) свои земли по выгодной для них цене (на 30% выше рыночных). За первые 12 лет ими было продано через банк 2,3 млн. десятин земли на общую сумму 98,3 млн. руб.

Законом от 18 мая 1886 г. отменялась с 1 января 1887 г. (а в Сибири – с 1899 г.) подушная подать с податных сословий, введенная еще Петром I. Однако с ее отменой, на 45% повысилась подать с государственных крестьян (путем перевода их с 1886 г. на выкуп).

Продолжая избранный курс, самодержавие издает в конце 80 – начале 90-х гг. серию законов, направленных на сохранение разрушавшихся под натиском капитализма патриархальных устоев в деревне, в первую очередь, крестьянской семьи и общины. Распад первой выражался в быстром росте семейных разделов. По данным МВД, в первые два пореформенных десятилетия ежегодно происходило в среднем по 116 тыс. семейных разделов. В начале 80-х гг. их численность возросла до 150 тыс. Чтобы «ослабить» этот процесс, 18 марта 1886 г. выходит закон, согласно которому семейный раздел был возможен только с согласия главы семьи («большака») и 2/3 домохозяев на сельском сходе. Но эти «ограничения» игнорировались крестьянами: они делились «самовольно» и не шли на насильственное «воссоединение» разделившихся семей.

Ограничивало правительство и право общины на периодические переделы. Вышедший 8 июня 1893 г. закон санкционировал делить «полевую» землю через 12 лет. При этом на «дележ» требовалось согласие 2/3 голосов на сельском сходе. Изданный 14 декабря закон («О некоторых мерах к предупреждению отчуждаемости крестьянских надельных земель») запретил крестьянам закладывать свои надельные земли, а сдачу надела в аренду ограничил пределами только своей общины. Указанные законы были направлены против участвовавших залогов и продажи крестьянских надельных земель, в которых правительство видело гарантию платежеспособности крестьянского двора. Таким путем власти надеялись прикрепить крестьянина к наделу, ограничить свободу его передвижения. Но предпринимаемые

ими усилия оказались тщетными: платежеспособность крестьян падала с каждым годом. Так, в 1891 г. крестьянское имущество было описано в 48 губерниях: в 18 тыс. сел, из которых в 2,7 тыс. оно было продано для погашения недоимок. Спустя пять лет, этой «операции» подверглись 15 тыс. крестьян, многие должники были арестованы, десятки тысяч отданы в «принудительные работы», а многие – «выпороты» за недоимки.

Наряду с этим, провело самодержавие и меры, направленные на поддержку дворянства и его землевладения. С этой целью был учрежден 21 апреля 1885 г. Дворянский банк, дававший ссуды помещикам под залог их имений на льготных условиях. Об интересах помещиков «пеклось» и «Положение о найме на сельские работы», появившееся 12 июня 1886 г. и расширявшее права нанимателя, который мог возратить (согласно закону) ушедших рабочих досрочно, производить вычеты из их заработной платы «за грубость», неповиновение, а также подвергать «провинившихся» аресту и телесному наказанию. Проявило правительство «заботу» и об обеспечении помещиков «дешевыми» рабочими руками. Эту задачу «решал» закон 13 июля 1889 г., существенно ограничивший переселение крестьян. Согласно ему, местные власти должны были выслать «самовольного» переселенца (по этапу) на старое место жительства. Но, несмотря на «суровость», закон 13 июля «не сработал»: за 10 лет его существования численность переселенцев не только не снизилась, а наоборот, возросла. И 85% среди них были переселенцы – «самовольщики».

Закон о земских начальниках

Продолжая политику «укрепления» местного самоуправления, правительство рассматривает в феврале 1887 г. проект закона о земских начальниках, а в январе 1888 г. – о земстве. Тот и другой встретили многочисленные возражения. Но, несмотря на это, 12 июля 1889 г. царь утвердил «Положение о земских участковых начальниках». В соответствии с ним, в 40 губерниях страны (на которые распространялось «Положение» - на губернии с помещичьим землевладением) создавалось 2200 земских участков (примерно 4-5 на уезд) во главе с земскими начальниками. Санкционировал закон и учреждение уездного съезда земских начальников, состоявшего из административного и судебного присутствий. Земские начальники назначались

главой МВД (по представлению губернаторов и предводителя губернского дворянства из числа местных потомственных дворян). Земский начальник должен был обладать имущественным цензом (иметь свыше 200 дес. земли или другим недвижимым имуществом на 7500 руб.), иметь высшее образование, трехлетний стаж службы в должности или мирового посредника, или мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При отсутствии должной кандидатуры (отвечающей требованиям закона) земскими начальниками могли назначаться местные потомственные дворяне со средним, а иногда и с начальным образованием, состоявшие в военных или гражданских чинах, независимо от стажа службы, однако имущественный ценз для них повышался вдвое. «В особых случаях» министр внутренних дел мог (в обход указанных условий) назначать земским начальником любого местного дворянина.

Введение института земских начальников – одна из самых реакционных контрреформ 80-90-х гг., яркое проявление продворянской политики российского самодержавия. Этот акт преследовал цель восстановить власть помещиков над крестьянством, утраченную ими в результате реформы 1861 г. В функции земского начальника (во вверенном ему участке) входили: надзор и контроль за деятельностью крестьянских сельских и волостных учреждений, всесторонняя опека не только крестьянского, но и всего податного населения других непривилегированных сословий, живущего в сельской местности. Власть его распространялась на мещан, ремесленников и местную интеллигенцию. Прерогативы земского начальника, осуществлявшего административные и судебно-полицейские функции на селе, были очень широки. Он мог подвергать телесным наказаниям, аресту до 3 дней и штрафу (крестьянских должностных лиц до 5 руб. и аресту – до 7 дней) до 6 руб., отстранять от должности членов крестьянских сельских учреждений, отменять любое постановление сельского и волостного схода, навязывать им свое решение.

Подотчетными земским начальникам стали и волостные суды, избиравшиеся ранее крестьянами. Теперь они назначались ими из предложенных сельским обществом кандидатов. Земский начальник не только отменял теперь любое постановление волостного суда, но и мог в любой момент отстранить судью от должности и подвергнуть его аресту или телесному наказанию. Его решения считались окончательными и обжалованию не подлежали. Местные власти никак не

вмешивались в действия земских начальников. Это попустительство и бесконтрольность с их стороны за деятельностью последних породили нескрываемое взяточничество, воровство, вымогательство, «кулачные расправы!» и другие, ставшие повседневными, «методы управления деревней» земскими начальниками. Расширение их прерогатив воспринималось крестьянами, всей прогрессивной Россией как «возвращение крепостного права».

§ 3. Контрреформы 80-90-х гг.

Земская и городская контрреформы Временное поражение революционных сил в стране положило начало проведению самодержавием ряда мер, именуемых в исторической литературе «контрреформами», поскольку они были направлены на «ограничение» действия реформ 60-70-х гг. Идейними вдохновителями этого политического курса стали бывший наставник Александра III, а ныне обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков.

Как известно, с самого начала введения земств самодержавие стремилось обеспечить в них преобладание дворянства. Однако под воздействием объективных условий капиталистического развития страны, его позиции в земствах постепенно ослабевали. Поэтому правительство поставило перед собой задачу: усилить их и роль дворянства в земстве, ограничив вместе с этим представительство и права «буржуазных элементов», в особенности крестьянства, в местном самоуправлении, а также ликвидировать (по требованию дворян) бессловность и выборность земств. На ее решение и был направлен проект «преобразования земских учреждений, разработанный директором канцелярии МВД А. Д. Пазухиным. После «жарких» споров в Госсовете, правительство издало 12 июля 1890 г. «компромиссный» закон – новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Формально оно сохраняло принципы бессловности и выборности земств, однако они были сильно «урезаны» (в этом и заключался смысл земской контрреформы). Так, земледельческая курия (по ней раньше баллотировались землевладельцы всех сословий) стала теперь курией только дворян-землевладельцев. Ценз для них был уменьшен вдвое, а число гласных земледельческой курии существен-

но увеличилось, тогда как по остальным куриям (городской и сельской) их число уменьшилось соответственно увеличению.

Лишил закон крестьян и «выборного представительства». Отныне они выбирали кандидатов только в земские гласные, список которых рассматривал уездный съезд земских начальников. Утверждал же гласных (по представлению съезда) губернатор. Лишилось избирательных прав и духовенство, для городской же курии был значительно увеличен избирательный ценз, что оставило «за бортом» выборов более половины избирателей. В результате всех этих «преобразований», удельный вес дворян возрос в уездных земских собраниях с 42 до 55%, а в губернских – с 82 до 90%, в уездных земских управах – с 55 до 72%, а в губернских – с 90 до 94%. В противовес этому, число гласных от крестьян заметно снизилось: в уездных земских собраниях с 37 до 31%, в губернских собраниях – с 7 до 2%, от буржуазии – с 17 до 14% и в губернских – с 11 до 8% соответственно.

Отныне на местах (в соответствии с законом) главным действующим лицом на местах становился губернатор (полностью контролировал деятельность земских учреждений, отменял любое постановление земства, ставил на обсуждение земских собраний любой вопрос и т. д.). Действенным его «орудием» стало нововведенное административное звено – «губернское по земским делам присутствие» - инстанция, посредствовавшая между земством и губернатором, проверявшая «законность» и «целесообразность» постановлений земских собраний.

И хотя земская контрреформа и затормозила развитие объективного процесса «обуржуазивания» земств, однако остановить его она была не в состоянии. Не смогло этим шагом правительство «заглушить» и земское либеральное движение. Несмотря на принимаемые властями меры, оно продолжало нарастать.

Те же цели, что и в отношении земств, преследовало самодержавие и при проведении городской контрреформы. Новое «Городовое положение» было введено 11 июня 1892 г. В противовес старому, оно сильно урезало избирательные права городского населения. Теперь от участия в городском самоуправлении были устранены не только трудящиеся массы города, но и «мелкая буржуазия» - мелкие торговцы, приказчики и др. Это достигалось путем значительного «поднятия» имущественного ценза. Теперь преимущество было отдано дворянам – домовладельцам и крупной торговой, промышленной и фи-

нансовой буржуазии. Эти и другие «преобразования» резко сократили число избирателей в городские думы. Так, в Петербурге их число сократилось с 21 тыс. до 8 тыс., в Москве – с 20 тыс. до 7 тыс. избирателей. Таким образом, даже в двух «столицах» правом участия в выборах не пользовалось почти 99% горожан. Если взять другие города, то в них число избирателей сократилось в 5-10 раз, так что число гласных в них нередко равнялось числу горожан, участвовавших в выборах. Надо помнить при этом, что больше половины российских городов вообще не имели выборного городского самоуправления.

Существенно усилило новое «Положение» систему опеки и административного вмешательства в дела городского самоуправления. Губернатор здесь не только контролировал, но и направлял всю деятельность городских дум и городских управ. Теперь городские думы и шаг не могли сделать без «надлежащего соизволения, разрешения и утверждения» губернатора. Отныне и городские головы, и члены городских управ рассматривались как чиновники, состоящие на государственной службе, а не как «избранные» представители городского населения.

Однако, говоря о городской контрреформе 1892 г., следует подчеркнуть, что она (как и остальные контрреформы 80-90-х гг.) полностью не была реализована, поскольку объективные социально-экономические процессы развития русского пореформенного города оказались сильнее попыток самодержавия усилить сословно-дворянский элемент в городе.

Контрреформа судебной системы

Политический курс, набиравший силу после мартовских событий 1881 г., никак не согласовывался с судебной-правовой системой, рожденной отменой крепостного права в России. Первые шаги в этом направлении были сделаны правительством 14 августа 1881 г., когда оно ввело меры, сильно ограничившие гласность в судопроизводстве по политическим делам, в частности была прекращена публикация отчетов по ним. Еще более решительный шаг сделали власти, спустя шесть лет. 12 февраля 1887 г. царский указ предоставил право министру юстиции запрещать (если он сочтет необходимым «в видах ограждения достоинства государственной власти») публичное рассмотрение в суде любого дела. Тогда же стал «более системно» нарушаться принцип несменяемости судей. Делать это – несколько раньше –

позволил указ от 20 мая 1885 г., учредивший «Высшее дисциплинарное присутствие Сената», правомочное (по представлению министра юстиции) «перемещать» и даже смещать судей. Была ограничена и роль присяжных заседателей в суде (путем изъятия из их юрисдикции ряда дел). Это было санкционировано указом от 7 июля 1889 г.

Приход Н. В. Муравьева на пост министра юстиции (вместо либерального Д. Н. Набокова) в 1894 г. «открыл» эру коренного «пересмотра судебных уставов 1864 г. – мер, всецело согласованных с царем. Однако на полную отмену преобразований, осуществленных отцом в сфере судопроизводства, Александр III все же не решился. Свою роль сыграла здесь и память об «Отце - Освободителе России». Но главной причиной, воспрепятствовавшей провести широкую судебную контрреформу, явилось активное сопротивление различных общественных кругов контрреформам самодержавия, внутривнутриполитическому курсу Александра III в целом.

Итоги и значение контрреформ 80-90-х гг.

Переход самодержавия в начале 80-х гг. к прямой и неприкрытой реакции оказался, по мнению большинства исследователей, возможным в результате поражения «революционеров» в 1881 г., слабости крестьянского и рабочего движения, бессилия либеральной оппозиции. Используя сложившуюся ситуацию, самодержавие предприняло попытки провести серию контрреформ в сословном вопросе, в области просвещения и печати, в сфере судопроизводства и местного самоуправления. Главная задача, которую оно ставило себе на этом этапе, заключалась в укреплении своей социальной базы – класса помещиков, позиции которого были – к этому времени – серьезно подорваны объективными условиями социально-экономического развития пореформенной России. Другой социальной базы, на которую могло бы опереться самодержавие, в этом время в стране не было.

Но, как показала жизнь, реакции не удалось осуществить намеченную программу контрреформ в том объеме, в каком она планировалась. Попытка сторонников «дальнейшего исправления роковых ошибок 60-х гг.» (т. е. буржуазных реформ тех лет) была сорвана начавшимся с середины 90-х гг. новым подъемом революционного движения в стране, важную роль в котом стал играть нарождавшийся в России пролетариат, поднимавший народные массы на сознатель-

ную политическую борьбу с существующим в стране государственным строем и его порядками. Определенному ее успеху способствовало отсутствие в то время в рядах «верхов» элементарного единства: наряду с реакционным направлением, требовавшим решительного «пересмотра» реформ 60-70-х гг., в них сосуществовало и оппозиционное, требовавшее (в соответствии с духом времени) «мирных и благоразумных уступок». Кстати, и среди консерваторов имелись люди, которые отчетливо понимали, что восстановление старых порядков в стране, попросту говоря, невозможно.

Словом, в начале 90-х гг. в стране стала складываться социально-политическая обстановка, при которой новые (утвержденные и задуманные) контрреформы (например, судебная, проект которой был уже готов в 1886 г., или проект пересмотра общего законодательства о крестьянах, с которым высшие правительственные органы ознакомились в 1892 г. и др.) контрреформы не могли быть претворены в жизнь. Более того, в условиях нараставшего революционного подъема 90-х гг. правительству не удалось – на практике – реализовать в полном объеме те реакционные меры, которые были изложены в принятых в 80-90-х гг. законах. Даже объединенным силам реакции оказалось не под силу повергнуть вспять исторический процесс.

Национальная политика самодержавия в 80-90-х гг.

Первая всероссийская перепись населения, проведенная в 1897 г., зафиксировала в России (за исключением Финляндии) 125,6 млн. чел. По социальному положению население страны распределялось таким образом: более 71% его составляли крестьяне, около 11% - мещане, 7% - так называемые «инородцы» (население национальных окраин), 3% - казаки, 1,5% - дворяне, 0,5% - купцы и почетные граждане, 0,5% - духовенство и 0,8% - «прочие». Если говорить о национальном составе населения Российской империи, то оно было многонациональным. Это обстоятельство находило свое отражение и в политике, проводимой российским правительством - национальной политике. Но, прежде чем вести разговор о ней, следует отметить одно обстоятельство: в целом ряде учебников и специальной литературе, посвященной характеристике национальной политики самодержавия в 80-90-х гг. XIX в., бытует утверждение, что ее «стрежнем» был лозунг «Россия для русских». Следует подчеркнуть, что такая фраза отсутствует

в документах той эпохи. Вне сомнения, Александр III высоко «цтил и ценил» историческую Россию, русские традиции и обычаи. Достаточно сказать, что при нем все делопроизводство в Министерстве иностранных дел повели на русском языке (до этого вели на французском), а военная форма обрела, наконец-то, «отечественный вид». Однако царя в данном случае, никак нельзя обвинить в «грубом национализме». Следует иметь ввиду и то, что термин «русские» употреблялся тогда как синоним «подданные царя». Наконец, целью национальной политики самодержавия в то время являлось не создание режима «исключительного благоприятствования для этических русских», а обеспечение **единства и неделимости Российской империи**. Этому вопросу особое внимание уделяло Министерство внутренних дел.

Много сил и энергии укреплению единства империи отдавал, как ни странно, «главный российский реакционер» К. П. Победоносцев. Огромную («и наиглавнейшую») опасность для России он видел в «тихом наступлении» российского еврейства, постепенно устанавливавшего свой контроль над все большим числом сфер общественной жизни. Чтобы приостановить его, в 1883 г. была создана межведомственная комиссия (под председательством графа К. Н. Палена), для подготовки закона о евреях, который был призван заменить «Временные правила» 1882 г. Большинство ее членов единодушно высказались за постепенное «снятие всех ограничений и уравнивание всех евреев в правах с остальным населением». На такое решение «еврейского вопроса» не устроило руководство МВД. В 1888 г. главой комиссии был назначен В. К. Плеве, разработавший к 1890 г. проект закона, весьма ужесточившего «Временные правила». Последнее обстоятельство понудило МВД не представлять данный проект закона на обсуждение в Госсовет, а потому законодательство о евреях «развивалось» поэтапно. В частности, в 1887 г., с одобрения главы МВД Д. А. Толстого, его «товарищ» (заместитель) И. Д. Делянов издает циркуляр, установивший «процентную» норму для евреев в средних и высших учебных заведениях. Последний шаг МВД в этом направлении состоял в «преграждении» (в 1889-1892 гг.) лицам «иудейского вероисповедования» пути в адвокатуру, а также в «отстранении их» от участия в выборах органов местного самоуправления. В 1891 г. вышел (на основании доклада главы МВД) закон о «воспрещении ремесленникам иудейского вероисповедания» проживать в Москве и о «выселении» таковых из города.

«Коснулись» меры «национального характера» Польши, прибалтийских губерний и Украины. Усилиями МВД здесь было введено делопроизводство в государственных учреждениях, на железных дорогах на русском языке, на нем стало вестись преподавание в вузах и школах, использовался он на афишах, вывесках, этикетках и т. д. Провело МВД в 1888 и 1889 гг. в прибалтийских губерниях реформы, подчинившие местную полицию и суд общеимператорским законам. Была в начале 90-х гг. ограничена и автономия Великого княжества Финляндского: было подчинено МВД финское почтовое ведомство, введен обязательный прием русской монеты, ослаблена роль местного Сената, а также создано Особое совещание для обсуждения вопроса о конституции Финляндии.

ГЛАВА VII. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 60-90-Х ГГ. XIX В.

§ 1. Борьба России за отмену ограничительных условий Парижского мирного договора 1856 г.

Внешинеполитический курс России после Парижского мира Поражение России в Крымской войне серьезно подорвало ее позиции на международной арене: она потеряла свое преобладающее влияние в делах европейской политики и прежде всего на Балканах и на Черном море. Поэтому первоочередной ее задачей в сфере внешней политики стала **отмена статей Парижского мирного трактата 1856 г.**, запрещавших России держать военный флот на Черном море, а также военные крепости и арсеналы на Черноморском побережье, что ставило под угрозу безопасность ее южных границ. Решение этой сложной внешнеполитической задачи связано с именем А. М. Горчакова – выдающегося русского дипломата, назначенного в апреле 1856 г. министром иностранных дел.

Приступая к «развязыванию» этого сложного внешнеполитического «узла», Горчаков понимал, что сделать это необходимо, не начиная войны, а лишь используя «противоречия», имевшиеся в межгосударственных отношениях участников «крымской системы», т. е. англо-австро-французского блока. В первую очередь, необходимо было выйти из созданной им «изоляции». И тут русская дипломатия весьма умело использовала менявшуюся международную обстановку. Так, назревший к концу 50-х гг. военный конфликт между Францией и Австрией по «итальянскому вопросу» понудил Наполеона III искать «поддержку» у России. Последняя «охотно» пошла «навстречу» французскому императору. В начале 1859 г. между Францией и Россией был подписан секретный протокол о сотрудничестве. Вспыхнувшая в апреле 1859 г. австро-французская война, в ходе которой Наполеон III попытался (но безуспешно) втянуть в нее Россию, а затем начавшееся в 1863 г. польское восстание (восставших поддержали Франция и Англия, но не оказали им практической помощи) вновь осложнили франко-русские отношения. Вместе с тем события в Польше способствовали сближению России с Австрией и Пруссии.

ей, боявшихся, как бы пожар польского восстания не распространился на их земли, населенные поляками.

В сложившейся ситуации, особенно важна была для России поддержка Пруссии, роль которой в европейских делах весьма существенно возросла в 60-х гг. Ее канцлер, начавший в середине 60-х гг. борьбу за воссоединение Германии, очень рассчитывал на невмешательство России в германские дела, обещая, в свою очередь, поддержку русской дипломатии в решении вопроса об отмене унижительных для России статей Парижского трактата 1856 г. Когда в 1870 г. началась франко-прусская война, Россия заняла позицию нейтралитета, что обезопасило восточный тыл Пруссии. Поражение Франции в войне вывело ее из антирусского блока. Россия тут же воспользовалась этим обстоятельством. В октябре 1870 г. она направила всем державам, подписавшим Парижский трактат, циркуляр, в котором заявила, что Россия не считает себя больше связанной обязательствами, предусмотренными этим трактатом. Англия, Австрия и Турция заявили свой протест «российской акции». Но Пруссия не поддержала его и предложила провести в Лондоне конференции держав, подписавших Парижский мир. На ней Россия добилась (с помощью Пруссии) отмены ограничительных статей Парижского трактата. Это была большая победа российской дипломатии.

Новая международная обстановка, сложившаяся в Европе после франко-прусской войны, способствовала временному сближению Германии, Австро-Венгрии и России. Это было обусловлено общностью интересов трех держав в Европе и на Ближнем Востоке, а также усилением их антагонизма с Англией. Весной 1870 г. между Россией и Германией была подписана военная конвенция о взаимной помощи в случае нападения на одну из них третьей державы. Вскоре была заключена политическая конвенция (без военных обязательств) между Россией и Австро-Венгрией. Осенью того же года к ней присоединилась и Германия. Так оформился «Союз трех императоров». Однако в силу сохранившихся между этими державами противоречий, он был и не прочным, и не долговечным. Но это не мешало «Союзу» играть существенную роль в международных делах. Именно он помог России выйти из международной изоляции и восстановить свое влияние на европейскую политику.

***Балканский кризис
70-х гг. и русско-
турецкая война
1877-1879 гг.***

Рост национально-освободительного движения народов Балканского полуострова против османского ига и вмешательство европейских держав в балканские дела вызвали в середине 70-х гг. «балканский кризис».

В 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание, поводом к которому послужило усиление налогового гнета. Вскоре началось восстание в Болгарии. Оба выступления были быстро подавлены турецкими войсками. Россия, Германия и Австро-Венгрия потребовали от султана проведения ряда реформ для балканских народов (отмены откупной системы при взимании налогов, уравнивания в правах христиан с мусульманами, введения свободы вероисповедания, облегчения податного гнета). Однако турецкое правительство отвергло предлагаемые реформы. Кстати, они не удовлетворяли и балканские народы, стремившиеся к независимости. В апреле 1876 г. в Болгарии вспыхнуло новое, мощное восстание. Жестокое подавление его вызвало возмущение европейской общественности, особенно в России, где развернулось широкое движение в поддержку болгар. В июле 1876 г. Сербия и Черногория, столкнувшись с отказом Турции прекратить расправу в Боснии и Герцеговине, объявили ей войну. Главнокомандующим сербской армии стал ранее приехавший в Сербию (несмотря на запрет русского правительства) отставной русский генерал М. Г. Черняев. В числе добровольцев сербской армии сражались и 500 русских добровольцев. Но, несмотря на мужество и стойкость воинов, сербская армия потерпела поражение.

Россия принимала все меры, чтобы решить балканский конфликт мирными средствами. По ее настоянию была созвана в конце 1876 г. в Константинополе конференция европейских держав, потребовавшая от Турции предоставления автономии Болгарии, Боснии и Герцеговине. На ней султан объявил о формальном равенстве христиан и мусульман, но отказался его гарантировать, требования же предоставить автономию указанным «областям» он отказался сразу. Такая позиция объяснялась поддержкой его Англией. Весной 1877 г. русское правительство предприняло новую попытку урегулировать балканский кризис мирным путем. По его инициативе шестью европейскими державами был подписан протокол о требовании к султану провести реформы в христианских областях на Балканах. Но султан, поддерживаемый Англией, вновь ответил отказом.

Исчерпав мирные возможности, Россия объявила 12 апреля 1877 г. войну Турции. Этому акту предшествовало заключение ею конвенции с Австро-Венгрией о соблюдении ею «благожелательного нейтралитета», а также соглашения с Румынией о разрешении «прохода русскими войсками через свою территорию» и о «предоставлении в распоряжение русского командования» части «своих воинских сил». В день объявления войны 250-тысячная русская армия перешла р. Прут и двинулась к Дунаю. К ней присоединились румынский корпус и 70 тыс. болгарских ополченцев под командованием русского генерала А. Г. Столетова. Одновременно с «дунайскими», военные действия начались и в Закавказье, которые повела 55-тысячная русская армия с примкнувшими к ней грузинскими частями.

Наступление русской армии развернулось в трех направлениях. В центре – по направлению Тырново-Филиппополь (Пловдив) двигался передовой отряд генерала И. В. Гурко, на Никополь – Плевну наступал западный отряд генерала Н. П. Криденера. Самыми значительными силами располагал восточный (Рушукский) отряд, которым командовал наследник престола Александр Александрович. Он должен был сковывать действия турецких войск в четырехугольнике крупных крепостей – Рушук – Шумила – Варна – Силистрия.

25 июня отряд Гурко почти без потерь занял древнюю столицу Болгарии Тырново и овладел Шипкинским перевалом, откуда открывался (через Балканский хребет) путь в южную Болгарию, к Адрианополю. Турецкое командование бросило против русских (10 тыс. чел.) вчетверо превосходящие их численность силы, чтобы вернуть этот важный стратегический пункт. В силу этого, Гурко вынужден был отступить на север, за Балканский хребет, но все перевалы остались в руках русских войск. Их, а главное – Шипкинский перевал – и приказал взять командующий турецкой армией на Балканах Сулейман-паша. С этого момента и началось знаменитое «сидение на Шипке» русского отряда – отражение (долгое) непрерывных атак превосходящих его турецких войск. Но, несмотря на их отчаянные усилия, они не смогли овладеть Шипкинским перевалом.

Не совсем успешно развивалось наступление русских войск в западном направлении. В начале июля генерал Криденер овладел крепостью Никополь, находившейся в 40 км от Плевны – важного узлового центра путей. Не имея точных сведений о противнике, командующий направил на Плевну небольшой отряд (9 тыс. чел.), где – за

несколько дней до выхода русского отряда – занял оборону 17-тысячный отряд, возглавляемый талантливым турецким полководцем Осман-пашой. Поэтому с ходу взять Плевну (8 июля) русским не удалось. Неудачей закончились для них и три последующих штурма Плевны. Это сильно деморализовало русское командование, которое уже стало считать «проигранной» кампанию 1877 г. Но на военном совете, состоявшемся 1 октября при участии военного министра Д. А. Милютин, было решено продолжить военные действия и «длительной планомерной осадой добиться падения крепости». И эта важная стратегическая задача была решена: 28 ноября Плевна капитулировала. Ее падение решило, по сути дела, исход войны. В середине декабря отряд Гурко преодолел Балканы и занял с. Софию. Другой отряд (под командованием генерала Ф. Ф. Радецкого) перешел Шипкинский перевал, вышел в январе 1878 г. к укрепленному турецкому лагерю Шипка-Шейново и после кровопролитного сражения одержал крупную победу над армией Сулеймана-паши. В январе 1878 г. русские войска овладели Филиппополем и Андрианополем и находились на подступах к Константинополю. К этому моменту вся Болгария была очищена от турецких войск.

Удачно проходили военные действия русских войск и на Кавказском фронте, во главе которых стоял брат Александра II – Михаил Николаевич, - но фактическое командование осуществлял генерал М. Т. Лорис-Меликов. Основные силы русских (70 тыс. чел. против 55 тыс. турков) совместно с грузинскими отрядами вступили в пределы Турции и повели там успешное наступление. В апреле месяце без боя был занят форт Баязет, а в начале мая штурмом взята крепость Ардаган. 18 ноября после длительной осады пала крупнейшая турецкая крепость Карс. Однако дальше развить успех и взять другую сильную турецкую крепость Эрзерум помешала начавшаяся в русской армии эпидемия болезни.

Военные успехи русских войск вызвали тревогу у европейских держав. Особенно враждебную позицию заняла Англия, которая ввела в феврале 1878 г. свою эскадру в Мраморное море. Помощь ей своей сухопутной армией пообещала Австро-Венгрия. Столкнувшись с угрозой вмешательства в русско-турецкую войну европейских держав, Россия отказалась от плана овладения Константинополем и отступила свои войска в 12 км от него, в местечке Сан-Стефано.

Сан-Стефанский мирный договор и Берлинский конгресс

Здесь, в 12 км от столицы Османской империи был подписан 19 февраля 1878 г. предварительный (предварительный) русско-турецкий договор, сформулировавший новую программу России в балканском вопросе.

Согласно ему, Сербия, Черногория и Румыния (ей передавалась и северная Добруджа) получали полную независимость. Турция обязывалась им провести реформы в автономных Боснии и Герцеговине. России возвращалась отторгнутая от нее в 1856 г. Южная Бессарабия, а в Закавказье ей передавали города Ардаган, Карс, Батум и Баязет. Но еще большее значение имел Сан-Стефанский договор для освобождения Болгарии, находившейся 500 лет под турецким игом. Она провозглашалась «самоуправляющимся княжеством с христианским правительством и земским войском, князь которого избирался населением Болгарии и утверждался Портой с согласия европейских держав». Первым болгарским князем стал Александр Баттенбергский, родственник Александра II. Вводилась в Болгарии, согласно условиям договора, и конституция.

Сан-Стефанский договор, значительно усиливший позиции России на Балканах, вызвал резкое недовольство европейских держав. Под их нажимом русское правительство вынуждено было согласиться на созыв общеевропейского конгресса по пересмотру условий Сан-Стефанского мира. Он открылся 13 июня 1878 г. в Берлине. Председательствовал на нем О. Бисмарк. С первых же дней работы конгресса обнаружилась полная изоляция России. Вопреки условиям англо-русского соглашения, Великобритания возглавила антирусский блок государств. Лондон поддержал притязания Австро-Венгрии на территорию Боснии и Герцеговины и ее планы по вытеснению России с Балкан. Германский канцлер лишь на словах выступал на конгрессе посредником. Фактически же он помогал Лондону и Вене. Франция, опасаясь за свои капиталы в Турции, также поддержала Англию и Австро-Венгрию.

Русская делегация во главе с А. М. Горчаковым, столкнувшись с противодействием европейских держав, вынуждена была пойти на изменения условий Сан-Стефанского мира. В соответствии с их требованиями, существенно сокращению подверглись территории Сербии и Черногории, при этом первая лишалась выхода к Адриатическому морю. Второе была сокращена территория Болгарии: под вла-

стью Порты оставались Фракия и Македония, остальная же территория Болгарии была разделена по Балканскому хребту на две части - **северную** (объявлялась вассальным от Турции княжеством, но со своим парламентом и национальной армией) и **южную** (под названием «Восточная Румелия» - автономная турецкая провинция, которой управлял губернатор из христиан и назначаемый губернатором). Срок пребывания русских войск на территории Болгарии сокращался с двух лет до 9 месяцев. Губернатору Восточной Румелии предоставлено было право призывать турецкие войска в случае внутренних волнений или угрозы безопасности страны. Австро-Венгрия получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины и на административное управление ими, а также контроль над судоходством по Дунаю. Передавался Англии и оккупированный ею в ходе войны о. Кипр.

Пересмотр условий Сан-Стефанского мира на Берлинском конгрессе вызвал сильное недовольство в русских общественных кругах, рассматривавших этот акт как поражение русской дипломатии.

Дальневосточная политика России

В 50-х гг. XIX в. в состав России вошли Приамурье, Уссурийский край и Сахалин. В последующие годы русское правительство предпринимает шаги по укреплению своих позиций на востоке. Вторая «опиумная война» (1856-1860 гг.) Англии и Франции против Китая (с целью его закабаления ими) заставила цинское правительство искать поддержку у России и согласиться на возвращение ей отторгнутых по Нерчинскому договору 1689 г. земель в Приамурье. Разграничение здесь границ (по Айгуньскому договору 1858 г.) укрепило положение России в этом регионе, а Приморье было объявлено «владением, находящимся во временном общем пользовании Русского государства и Китая». Очередное «упорядочение» границ меж ними произошло в 1860 г. По Пекинскому тракту Китай отказывался в пользу России от своих притязаний в Приморье. В том же, 1860 году здесь основан был г. Владивосток, как важная морская база и опорный пункт русских владений в Приморье.

В 50-70-х гг. XIX в. было проведено разграничение владений Японии и России на Дальнем Востоке. По договору «о мире и дружбе», заключенному в 1855 г. в японском с. Симодэ, Курильские острова, за исключением их южной группы, признавались за Россией, остров Сахалин признавался «совместным владением» обеих стран. По трактату 1875 г. весь Сахалин стал российским владением, взамен чего Россия уступила Японии всю гряду Курильских островов.

В 60-х гг. укрепились дипломатические отношения между Россией и США. Россия поддерживала Америку в ее соперничестве с Англией, США занимали благожелательную позицию по отношению к России во время Крымской войны. В 60-е гг. был решен вопрос о продаже США русских владений в Северной Америке (Аляски и Алеутских островов). Эти отдаленные и слабо защищенные территории содержать России становилось все труднее, расходы на их содержание значительно превосходили доходы с них. Правительство США еще в 1859 г. предлагало России продать ему Аляску за 5 млн. долларов, но сделка не состоялась. Кроме того, в Конгрессе США не было единого мнения о целесообразности приобретения «этой глыбы льда». По окончании гражданской войны переговоры о продаже Аляски возобновились. Теперь уже Россия предложила США купить у нее Аляску, причем некоторым строптивым конгрессменам пришлось дать взятку. В 1867 г. сделка состоялась: огромные территории (площадью свыше 1,5 млн. км²) были проданы за 7,2 млн. долларов (11,2 млн. руб.).

§ 2. Присоединение Средней Азии к России

*Внутреннее
положение
среднеазиатских
ханств в 50-х гг.
XIX в.*

До присоединения к России на территории Средней Азии существовало **три государства: Кокандское и Хивинское ханства и Бухарский эмират**. Кроме того, здесь проживали не создавшие своей государственности туркменские племена. Кокандское ханство (2,5 млн. чел.) объединяло в своем составе узбеков, таджиков и киргизов. В начале XIX в. оно «владело» самым крупным городом Средней Азии – Ташкентом (80 тыс. чел.), который был до этого самостоятельным городом-государством.

К юго-западу от Кокандского ханства располагался Бухарский эмират, поддерживавший дружественные отношения с Россией. Его население составляло почти 2 млн. чел. различных национальностей. Здесь находился второй по величине город Средней Азии – Самарканд (60 тыс. чел.) Столица эмирата – г. Бухара – являлась одновременно и религиозным центром мусульманства. Государственную власть в нем фактически осуществляло высшее мусульманское духовенство.

К северу от Бухары (по нижнему течению Амударьи) располагалось Хивинское ханство. Это было небольшое государство (700-800 тыс. чел.) со слабо развитой городской жизнью. Населявшие его узбеки, туркмены и каракалпаки занимались земледелием, базировавшимся в Средней Азии на искусственном орошении. Дехкане выращивали пшеницу, ячмень, просо, кукурузу и рис. Небольшое место отводилось посевам хлопчатника. В оазисах культивировалось садоводство. Наиболее развитой отраслью являлось скотоводство. В Бухарском эмирате и Хивинском ханстве широкое распространение получило каракулеводство.

В политическом отношении данные ханства были типичными восточно-феодальными деспотиями, правители которых единолично распоряжались жизнью и собственностью своих подданных. До присоединения к России в них существовало рабство, главным источником которого были войны и грабительские набеги. Господствующее положение в ханствах занимали крупные землевладельцы – военно-феодалная аристократия и высшее мусульманское духовенство. В Средней Азии господствовали феодальные общественные отношения, с остатками патриархально-родового строя (особенно у туркмен, казахов, киргизов и каракалпаков). Земля в ханствах делилась на государственную, частновладельческую и вакуфную (земли духовенства). Государственная земля находилась в руках хана, который давал ее в качестве вознаграждения или предоставлял на условии несения военной службы. За пользование государственной землей платилась подать, часто доходившая до половины урожая. Владельцы частной и вакуфной земли сдавали ее участками в аренду дехканам на основе издольщины – за определенную часть урожая.

Значительное развитие в ханстве получило ремесло: вырабатывались шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные ткани, металлические изделия и др.

Россия, выступавшая на европейских рынках как аграрное государство, поставляла в Среднюю Азию промышленные товары: металлические изделия, сукна, сахар, табак, кожу. Из Средней же Азии она вывозила шерсть, хлопок-сырец, скот, козий пух, фрукты и др. Наиболее оживленными были торговые связи с Бухарой. В 1857 г. отсюда было вывезено в Россию товаров на 928 тыс. руб., а из Хивы – всего лишь на 175 тыс. руб. Ввезено же товаров на 662 тыс. и на 23 тыс. руб. соответственно.

Англо-русское противостояние в Средней Азии

К середине XIX в. Средняя Азия становится ареной острой политической и экономической борьбы между Россией и Англией. Вхождение народов Северного Казахстана в состав России (в XVIII – первой половине

XIX в.) породило войну с Кокандским ханством, ранее владевшим этой территорией. Летом 1853 г. войска оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского разбили отряды кокандцев и овладели крепостью Ак-Мечеть (ныне Кызыл-Орда). По берегам Сырдарьи были воздвигнуты укрепления – так называемая Сырдарьинская военная линия. Одновременно с этим, русские войска двигались в Среднюю Азию со стороны Семипалатинска. В 1854 г. на р. Алма-Ата был построен г. Верный (ныне Алматы), а от Семипалатинска до г. Верного – так называемая Сибирская линия.

В эти же годы происходило расширение владений Англии в Северо-Западной Индии, в результате чего их границы приблизились к Средней Азии. В годы Крымской войны она (через своих турецких агентов) открыто призывала среднеазиатских ханов к войне с Россией. Нападение 12-тысячного отряда кокандцев на укрепление «Перовский» было непосредственным результатом этих действий. Разгром нападавших был воспринят русским правительством как «поражение Англии и Турции в Средней Азии». Однако англичане думали иначе. Используя противоречия между среднеазиатскими ханствами, Афганистаном и Ираном по территориальным вопросам, Англия вынудила в 1855 г. Афганистан подписать англо-афганский договор «о взаимном уважении владений», что делало ее полномочным распорядителем судьбы Афганского эмирата.

В 1856 г. Англия под предлогом «защиты» Афганистана начала войну с Ираном, закончившуюся ее победой. В результате англо-иранского договора 1857 г., Англия стала посредником в конфликтах Афганистана с его соседом – Ираном. Этот договор облегчил ее вмешательство во внутренние дела стран Среднего Востока. Учитывая складывавшуюся обстановку, Россия постаралась привлечь на свою сторону Иран. Для этого она отказалась от части контрибуции, которую должна была получить Россия, в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора 1828 г.

***Политика России
в Средней Азии
в 60-80-х гг. XIX в.***

Экономическая и политическая активность Англии на Среднем Востоке, антирусские «настроения» в среднеазиатских ханствах (результат деятельности «разных англо-ту-

рецких агентов») понудили Россию «определиться» со своим внешнеполитическим курсом в Средней Азии. Общая его линия состояла в «дипломатическом решении спорных вопросов», возникших здесь. Однако «подстрекательство» Англии в отношении среднеазиатских ханов свели на нет «мирные инициативы» русского правительства (торгово-дипломатические миссии Н. В. Ханькова, Н. П. Игнатьева и Ч. Ч. Валиханова в Восточный Иран, Хиву, Бухару и Восточный Туркестан (Кашгар). В силу этого оно переходит в середине 60-х гг. к решительным действиям. С другой стороны, причины, побудившие правительство изменить тактику в среднеазиатском вопросе, носили политический и экономический характер: ослабить позиции Англии на Среднем и Ближнем Востоке и не позволить ей создать там блок государств, направленный против России.

На «демонстрацию силы в Средней Азии» Россия решила в период обострения русско-английских отношений в связи с польским восстанием, когда Англия поддержала «польских повстанцев». В феврале 1863 г. состоялось заседание Особого комитета, на котором было принято решение «соединить Сибирскую и Сырдарьинскую военные линии и завершить тем самым «объединение всего Казахстана в составе России». Выполнение этой «операции» было назначено на 1864 г.

Начало ей положило наступление на Кокандское ханство. Оно началось в мае 1864 г. Почти одновременно навстречу друг другу выступили отряд полковника М. Г. Черкаева (2500 чел.) с востока из крепости Верный и полковника Н. А. Веревкина (1200 чел.) с севера из крепости Перовской. В начале июня Черняев штурмом взял крепость Аулис-Ата, а Вевевкин овладел г. Туркестаном. Это позволило соединить Новосибирскую и Сырдарьинскую укрепленные линии и образовать «передовую Кокандскую линию». К сентябрю был взят крупный город-крепость Чимкент, а в середине июня 1865 г. – г. Ташкент. Завоеванная территория от Аральского моря до о. Иссык-Куль была объединена в Туркестанскую область.

«Кокандские дела» обеспокоили бухарского эмира, и он не замедлил вмешаться в них. Это обстоятельство стало удобным поводом для России для «открытия» военных действия против него, которые

начались в 1867 г. В ходе их был взят ряд городов и прилегающих к ним территорий. В том же году из завоеванных земель Кокандского ханства и Бухарского эмирата были образованы Сырдарьинская и Семиреченская области, составившие Туркестанское генерал-губернаторство. После этих событий бухарский эмир объявил «священную войну» против России. Собрав значительные силы, он повел наступление на Джизак и Ташкент. В ряде городов, в т. ч. и в Ташкенте, вспыхнули восстания, которые были быстро подавлены. В начале мая 1868 г. русские войска взяли Самарканд, а армия эмира была вскоре разбита на подступах к Бухаре. Таким образом, в течение 1864-1868 гг. к России были присоединены два крупных среднеазиатских государства – Кокандское ханство и Бухарский эмират.

В 1873 г. началось наступление (с четырех направлений – от Ташкента, Оренбурга, полуострова Мангышлак и Краснодарска) и на Хивинское ханство. В конце мая 1873 г. Хива была (почти без сопротивления) занята русскими войсками, а в августе с хивинским ханом был заключен мирный договор, по которому он уступал России земли по правому берегу р. Амударьи и признавал свою вассальную зависимость. В конце сентября того же года вассальную зависимость от России признал и бухарский эмир. Относительную самостоятельность сохранял только кокандский хан. В 1873-1874 гг. на территории вспыхнули два крупных восстания, направленные против притеснений как своих местных, так и русских властей. После их подавления царскими войсками Кокандское ханство было в 1876 г. упразднено. Из него была образована Ферганская область, вошедшая в состав Ташкентского генерал-губернаторства.

В 1879 г. началось наступление царских войск на Туркмению. Сначала из Краснодарска в Ахалтекинский оазис была направлена военная экспедиция генерала И. Д. Скобелева. После трехмесячной осады крепость Геок-Тепе была взята. Вскоре были взяты и остальные опорные пункты Ахалтекинского оазиса. Из завоеванных земель была образована Закаспийская область с центром в г. Ашхабаде.

В конце 1883 г. крупный отряд царских войск был отправлен в район Мервского оазиса. Предварительно в г. Мерв была послана русская дипломатическая миссия с целью добиться от влиятельных ханов Мерва не оказывать вооруженного сопротивления и признать власть царского правительства. В создавшейся обстановке правители Мерва согласились принять это требование. В январе 1884 г.

в Ашхабад прибыли четыре хана и старейшины местных кланов и принесли присягу на подданство России. Через четыре месяца русские войска вошли в Мерв, встретив лишь незначительное сопротивление со стороны местных жителей. К 1886 г. России подчинились и остальные туркменские племена.

***Англо-русские
отношения после
присоединения
Средней Азии***

Присоединение Средней Азии к России встретило сильное противодействие Англии. В 1885 г. Россия оказалась «на волосок от войны» с этой державой. Военный конфликт был предотвращен заключением договора в 1885 г., разграничившим сферы влияния между Россией и Англией. Россия признавала за Англией сферу ее интересов в Афганистане и Тибете, Англия – присоединения к России среднеазиатских ханств. Новым договором 1895 г. между двумя державами устанавливалась южная граница России в Средней Азии. К России отходили земли Памира по правому берегу р. Пяндж. Конечным пунктом ее владений определялся г. Кушка. Присоединенные к Афганистану таджикские территории по левому берегу Пянджа и в верховьях р. Амударьи образовали барьер между российскими владениями и Индией.

Итак, процесс присоединения Средней Азии к России занял более 30 лет. Он осуществлялся военными методами. Приходилось преодолевать вооруженное сопротивление ханов и эмиров, в уже завоеванных городах подавлять вспыхивавшие восстания местного населения. Однако присоединение, точнее, завоевание этого крупнейшего экономически и стратегически важного для России региона осуществлялось легко. Небольшим воинским силам (регулярным и хорошо вооруженным русским войскам) противостояли плохо вооруженные ханские воины и необученные ополченцы. Сопротивление местных ханов сильно ослаблялось несогласованностью их действий и постоянными междоусобицами, распрями и раздорами между ними.

В присоединенной к России Средней Азии было создано новое административное устройство. Она была разделена на пять областей, объединенных в Туркестанское генерал-губернаторство. Управление носило военный характер. Во главе были поставлены сначала царские генералы – участники военных походов в Среднюю Азию. Номинальную автономию сохраняли Бухарский эмират и Хивинское ханство, находившиеся в вассальной зависимости от России. Русское

правительство сохранило многие права и привилегии местной знати, на которую опиралась в своей деятельности царская администрация в этом крае. В неприкосновенности были оставлены привилегии мусульманского духовенства, а также мусульманский суд, действовавший по законам шариата (нормам Корана).

После присоединения Средней Азии к России в этот регион стал интенсивно проникать российский капитал. Усилился поток переселенцев из России. Экономической интеграции края значительно способствовала и Закаспийская железная дорога, протянувшаяся от Кисловодска до Самарканда.

§ 3. Внешняя политика России в 80-90-е гг. XIX в.

Взаимоотношения России с европейскими государствами Русско-турецкая война 1877-1878 гг. выявила острые противоречия в «Союзе трех императоров». Ускорила она и складывание германо-австрийского союза, что, в свою очередь, способствовало русско-французскому сближению. В октябре 1878 г. «родился» (в итоге переговоров канцлера Бисмарка и министра иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши в Вене) германо-австрийский договор, направленный против России и Франции. Он положил начало рождению и нового военного блока. Это заставило Францию и Россию пересмотреть свои отношения. Но подписав соглашение с Австрией, Германия пыталась сохранить и договорные отношения с Россией и добиться продления срока действия Союза трех императоров.

В этой ситуации многое зависело от России. Но у нее в конце 70 – начале 80-х гг. не было единой внешнеполитической концепции. Сменивший в 1882 г. А. М. Горчакова Н. К. Гирс не обладал, к сожалению, широтой взглядов и способностями своего предшественника и был сторонником сближения с Германией. Однако император не разделял прогерманских настроений главы МИДа. Но вера в силу монархического принципа в Германии и Австрии примиряла – в известной степени – Александра III с правительствами указанных стран. За союз с Германией стояли (кроме «правительственных лиц») и «помещичьи круги», сбывавшие свои сельскохозяйственные товары Германии, а также часть предпринимателей и петербургская знать. Но им противостояла торгово-промышленная буржуазия, связанная че-

рез южные порты с Европой. Она тяготела к союзу с Францией. Из государственных и общественных деятелей за сближение с последней выступали военный министр Д. А. Милютин, посол в Турции Н. П. Игнатъев, публицист М. Н. Катков, начальник Генштаба Н. Н. Обручев.

Однако русское правительство в целом не думало в эти годы о союзе с Францией. Ее зависимость от Англии, «невразумительная» позиция на Берлинском конгрессе понуждала его следовать выжидательной тактике. Путем сохранения Союза трех императоров, Петербург надеялся удержать Австро-Венгрию и Англию от агрессивных действий на Балканах, направленных против России. По этим же соображениям он и принял предложение Бисмарка о восстановлении Союза трех императоров. В итоге переговоров 18 июня 1881 г. в Берлине представители России, Германии и Австро-Венгрии подписали русско-пруско-австрийский договор о нейтралитете, который они обязывались соблюдать в случае, если одно из государств окажется в состоянии войны с четвертой державой. Договаривавшиеся стороны брали на себя обязательство и следить за тем, чтобы Турция соблюдала принципы «закрытия» проливов. Эта статья договора имела особую важность для России, поскольку она давала ей некоторую гарантию от вторжения английского флота в Черное море.

Тройственный союз и политика России на Балканах

Однако «реанимация» Союза трех императоров, не разрешила проблемы, возникшие в то время между его участниками. Подлил «масла» в огонь и промышленный капитализм, начавший переход в «стадию империализма», которой характерна борьба «за территориальный раздел мира».

Первыми ее начали Англия и Франция, уступившие со временем свои позиции Германии. В 1878 г. Англия оккупирует Кипр, а в 1882 г. – Египет. В результате англо-афганской войны 1878-1880 гг. Великобритания осуществляет фактический протекторат над Афганистаном. В те же годы Франция устанавливает протекторат над Тунисом и предпринимает экспедиции на Мадагаскар, в Тонкин. Италия, претендовавшая на Тунис, настойчиво ищет «покровительства» Германии, которая, в свою очередь, охотно идет на сближение с ней. Подогревая франко-итальянский антагонизм, она надеется использовать Италию в своей будущей войне с Францией.

Германо-итальянское сближение, основанное на взаимном соперничестве с Францией, было закреплено австро-итальянскими переговорами, начатыми по инициативе Рима. Австро-Венгрия приняла предложение последнего о союзе, надеясь привлечь Италию на свою сторону в случае войны с Россией. 20 мая 1882 г. в Вене был подписан тайный военный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, получивший название «Тройственного союза». Согласно ему, стороны обязывались не участвовать в союзах против одной из них. В случае нападения на одного из союзников двух или нескольких держав участники соглашения обязывались оказывать ей военную помощь.

Тройственный союз, направленный прежде всего против Франции, обострял обстановку в мире и стал «победой» Германии на международной арене, поскольку он исключил возможность франко-итальянского союза в случае германо-французской войны, а также открывал путь для немецких товаров и капиталов в Италию. О гегемонии Германии в Европе свидетельствовало и то, что как в Тройственном союзе, так и в Союзе трех императоров руководящая роль принадлежала этой державе.

В 1884 г. истек трехлетний срок договора трех императоров и Берлинский кабинет предложил русскому правительству продлить его еще на три года. И Россия пошла на это. 15 марта 1884 г. было подписано новое соглашение, повторившее основные статьи договора 1881 г. Главная причина, побудившая Россию продлить «Союз», заключалась в ее надежде ограничить активные действия Австро-Венгрии на Балканах, а также поддержать единство союзников по проблемам Африки и Средней Азии как противовеса английской колониальной экспансии. Однако по балканским проблемам, договор оставил много «неясностей», в частности, по Болгарии. Расчленение ее (в соответствии с решениями Берлинского конгресса) не уничтожило у болгар надежду на объединение. В 1879 г. в бывшей столице Болгарского княжества – в г. Велико-Тырново - Народное собрание провозгласило демократическую конституцию, предоставившую болгарам свободу слова, собраний и собственности. Князем Северной Болгарии был назначен 22-летний немецкий принц А. Баттенбергский, племянник русской императрицы Марии Александровны. Через него Петербург рассчитывал оказывать свое влияние на политику болгарского правительства. Однако тот проявил стремление освободи-

даться от контроля России и от конституционного ограничения своей власти. В своей политике он всецело ориентировался на государства Запада, прежде всего, на Австро-Венгрию и Германию. Опираясь на них и консервативные круги внутри Болгарии, а также воспользовавшись убийством Александра II, князь распустил в 1881 г. Народное собрание и изменил конституцию. В стране была ограничена свобода слова и собраний, а также установлен ценз при выборах в парламент.

Однако предпринятые князем шаги вызвали недовольство в Болгарии. Это привело к тому, что А. Баттенберг вынужден был восстановить в 1888 г. Тырновскую конституцию. Но это лишь на время стабилизировало обстановку в стране. Население Болгарии стремилось к объединению, тем более, что Порта, надеясь на поддержку Австро-Венгрии, Англии и Германии, не выполняла условия Берлинского договора относительно Южной Болгарии (Восточной Румелии). В сентябре 1885 г. в ее столице – г. Филиппополе – вспыхнуло восстание, направленное против политики Турции и местной администрации. Правительство турецкого губернатора было свергнуто и провозглашено объединение Болгарии во главе с А. Баттенбергом.

Петербург было плохо осведомлен о событиях в Болгарии, а потому и считал начавшееся там движение «личной инициативой князя». Узнав о восстании в Болгарии, русское правительство, придерживаясь решений Берлинского конгресса, рекомендовало своим представителям в этой стране не принимать участия в нем, а болгарскому военному министру М. А. Кантакузену – оставаться в Болгарии, но не как военному министру, а в качестве дипломата при русском дипломатическом агентстве.

Между тем западные державы, которые настаивали во время Берлинского конгресса на расчленении Болгарии, спустя 7 лет, - в 1885 г., - когда влияние России на Балканах ослабло, признали объединение Болгарии. Порта, усмотрев в сентябрьских событиях 1885 г. нарушение условий Берлинского трактата, готовилась к вводу своих войск в Восточную Румелию. Россия, желая ослабить конфликт, предложила созыв конференции по обсуждению событий в Болгарии. В начале 1886 г. Турция (по настоянию Англии) вступила в прямые переговоры с Болгарией. Английские дипломаты убедили султана не вводить войска в Румелию и заключить с болгарским князем соглашение. Согласно подписанному в феврале 1886 г. договору, Порта признава-

ла объединение обеих частей Болгарии. Ее князь утверждался султаном в качестве генерал-губернатора Восточной Румелии сроком на 5 лет. Обе стороны обязывались договариваться о совместных действиях в случае «покушение извне на их территории». В результате этого соглашения, Болгария выходила из-под контроля России и становилась союзницей Турции. Оно укрепило в Болгарии (в ущерб России) австро-английское влияние.

В августе 1886 г. группой болгарских офицеров был совершен государственный переворот, в результате которого А. Баттенберг подписал отречение от престола и покинул страну. Но это не помогло России восстановить в Болгарии утраченные позиции. Более того, были прерваны русско-болгарские дипломатические отношения. Новым князем в Болгарии стал в 1887 г. ставленник Австро-Венгрии и Германии – Фердинанд Кобургский (царь Болгарии с 1908 по 1918 г.) В правящих кругах Болгарии укрепилась австро-германская ориентация. Однако болгарский народ никогда не забывал, что именно Россия добилась широкой автономии и независимости для болгар и создала тем самым условия для объединения Болгарии.

Ухудшение отношений России с Германией и Австро-Венгрией и образование русско-французского союза

Болгарские события резко обострили русско-австрийские и германо-русские отношения. Союз трех императоров был скомпрометирован в ходе «болгарского кризиса». Австро-Венгрия открыто заняла антирусскую позицию. В правящих кругах России выявились разные мнения по вопросу о союзниках, что нашло свое отражение в русской прессе, предлагавшей «не связывать

себя больше оковами Союза трех императоров», а поддерживать добрые отношения с Францией. Враждебно были настроены к Германии Александр III и военные круги во главе с начальником Генерального штаба Н. Н. Обручевым. Против изменения внешне-политического курса выступали министр иностранных дел Н. К. Гирс, его заместитель В. Н. Ламсдорф и помещичьи круги, ведшие торговлю с Германией через Балтийское море. На короткое время им удалось убедить императора о целесообразности двусторонних русско-германских переговоров (без Австрии), которые и были начаты в 1887 г. по истечении трехлетнего срока подписания Союза трех императоров. Они

завершились подписанием русско-германского договора, получившего название «перестраховочного». Его первая статья обязывала обе державы соблюдать «благожелательный» нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой. Но это правило не касалось войны против Австрии или Франции. Германия не гарантировала свой нейтралитет при нападении России на Австрию, а Россия – в случае нападения Германии на Францию. Важное место в договоре занимал восточный вопрос. По второй его статье Германия признавала права, приобретенные Россией по Берлинскому трактату на Балканском полуострове, особенно в Болгарии. Обе державы обязывались сохранить статус-кво на Балканах. По третьей статье договора союзники признавали старый принцип «закрытия проливов». Но как показали дальнейшие события, Германия не придавала практического значения подписанному с Россией соглашению. Главное его назначение, отмечал Бисмарк, - помешать русско-французскому сближению. Договор 1887 г. не рассеял ни политических, ни экономических противоречий двух стран.

Германия, как известно, была вторым (после Англии) импортером русского хлеба. А поэтому новые повышенные пошлины на сельскохозяйственные товары, введенные Германией, вызвали недовольство русских помещиков. В свою очередь, протекционистские тарифы России, по которым вводились высокие пошлины на промышленные изделия, привели к сокращению доли немецких товаров на русском рынке. Вслед за этим германское правительство закрыло берлинские банки для русских биржевиков. В силу всего этого, русско-германский договор 1887 г. не был продлен Россией в 1890 г.

Ухудшение русско-германских и австро-русских отношений, угроза нападения Германии на Францию способствовали русско-французскому сближению. Важное значение для обеих стран имели и противоречия с Англией. К примеру, в вопросе о Болгарии Франция (в отличие от Англии) заняла благожелательную для России позицию. Как и Россия, она не признала Ф. Кобургского князем Болгарии, а также отказалась принять в январе 1887 г. болгарскую делегацию, прибывшую в Париж.

Помимо политических мотивов свою роль в русско-французском сближении сыграли и экономические причины. К примеру, французские капиталы находили широкое распространение внутри Российского государства. Главной областью их приложения была горно-ме-

таллургическая промышленность. Первые займы русское правительство получило в Париже в 1887 г. В дальнейшем Франция сделалась главным кредитором России.

Толчком к заключению русско-французского союза послужило возобновление в мае 1891 г. Тройственного (австро-германо-итальянского) союза. Понимание «общей опасности», угрожавшей как России, так и Франции ускорило сближение двух стран. В том же году и начались непосредственные переговоры о заключении союза между двумя правительствами.

Важным этапом на этом пути стал визит французской эскадры в Кронштадт в июле 1891 г. На торжественной встрече ее присутствовал Александр III, стоя выслушавший «Марсельезу» - революционную песню, ставшую гимном Франции. Русская и французская печать широко освещали эту встречу.

Одновременно с визитом в Кронштадт продолжались переговоры начальников генеральных штабов двух государств о заключении военной конвенции. После политических согласований был заключен секретный документ – «Соглашение Гирса-Рибо» (по фамилиям министров иностранных дел: Н. К. Гирс и Ф. Рибо – 15 августа 1891 г.). Это был первый документ, установивший основы будущего русско-французского союза, направленного против держав Тройственного союза. Продолжением политического соглашения 1891 г. стала подписанная в Петербурге, в 1892 г. военная конвенция. Инициатива ее заключения принадлежала Франции, стремившейся получить от России конкретные обязательства о помощи в возможной войне с Германией. В случае ее Россия обязывалась выступить против Германии, а если нападению подвергнется Россия (со стороны Германии или Австрии), Франция выступит против Германии. В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из держав, входящих в его состав, Россия и Франция должны были одновременно мобилизовать свои силы. Конвенция носила секретный характер, а срок ее действия определялся временем существования Тройственного союза.

В октябре 1893 г. в Тулон с ответным визитом прибыла русская эскадра. Память о встречах посланцев России в Тулоне, Лионе, Марселе и других городах по сей день хранят десятки французских и русских музеев. Визиты французских и русских военных кораблей продемонстрировали складывание новых отношений между двумя государствами.

27 декабря 1893 г. – 4 января 1894 г. состоялся обмен письмами между Гирсом и французским послом в Петербурге Монтебелло, в результате которого военная конвенция обрела обязательный характер. Ее ратификация завершила оформление русско-французского союза, который должен был стать противовесом Тройственному союзу и восстановить «равновесие в Европе».

Заключением русско-французского союза завершился целый этап в развитии межгосударственных отношений в Европе, начавшийся французской войной. К концу XIX в. в Европе сложились два военных блока капиталистических государств.

ГЛАВА VIII. КУЛЬТУРА РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

§ 1. Развитие просвещения и науки

Особенности развития русской культуры во второй половине XIX в.

В истории русской культуры весь XIX в. характерен «своей неповторимой цельностью», выразившейся в том, что школы и направления в литературе и искусстве, сложившиеся в первой половине XIX в., получили свое дальнейшее развитие в пореформенный период. Творчество многих деятелей русской науки, литературы и искусства пришлось как на «дореформенную», так и пореформенную эпохи. И все они как бы воплощали в своем творчестве живую связь времен, являлись хранителями традиций своих предшественников или «старших современников».

Но вместе с этим, русская культура второй половины XIX в. имела и свои черты, особенности, обусловленные объективными факторами исторического развития страны. В первую очередь, это то, что в пореформенный период существенно изменилась сама историческая обстановка. Реформы 60-70-х гг., к примеру, явили собой настоящий переворот, непосредственным итогом которого стали кардинальные изменения в социальной, государственной и вообще народной жизни, что, конечно же, не могло не отразиться и на развитии культуры. Произошло не только социальное, но и духовное раскрепощение народа, у которого появились новые культурные запросы и возможности их удовлетворения. Расширился также и круг лиц «интеллигентного труда», носителей культуры. Интенсивно шел в пореформенное время и процесс демократизации культуры. Сильнейшее воздействие на культуру, на определение тематики и содержание художественного творчества оказывала общественно-политическая жизнь пореформенной России, ставившая перед деятелями культуры насущные вопросы современности. Немаловажное значение в этом плане имел и научно-технический прогресс, служивший и фактором, показателем развития культуры. Характерна пореформенная эпоха и дальнейшим расширением культурных связей с другими странами и народами. В силу всего этого, весь XIX в. вполне справедливо именуется «золо-

тым веком» русской культуры, которая заняла выдающееся положение в общемировой культуре.

***Просвещение,
книгоиздательство
и периодическая
печать***

Капиталистическое развитие страны, рост промышленности, сельского хозяйства, транспорта, внедрение в эти отрасли машинной техники требовали «расширения» народного образования. Само осуществление реформ в сфере управления, суда, военного дела и т. д. было невозможно без роста числа грамотных людей и без расширения сети специальных учебных заведений, т. е. само правительство, исходя из потребностей иметь образованные кадры, было заинтересовано в расширении народного образования. Последнее находилось под контролем соответствующих правительственных органов и служило важным средством идеологического воздействия на народные массы.

Согласно уставу 1864 г. «О гимназиях», вводились семиклассные, «классические», с гуманитарным уклоном (преподаванием «классических», древних языков – латинского и греческого) гимназии и реальные, где увеличивался объем преподавания математики и естествознания. Еще ранее, в 1862 г., появились женские гимназии, в которых, по сравнению с мужскими, была сокращена программа преподавания. В 1864 г. было утверждено «Положение о начальных народных училищах». Имелись начальные школы различных типов – государственные (или «министерские», т. е. подчиненные Министерству народного просвещения), земские (учреждаемые земствами) и церковноприходские (при церковных приходах). Численность начальных и средних школ, училищ и гимназий в России возросла с 1856 по 1896 г. с 8 тыс. до 79 тыс., а число учащихся в них – с 23 тыс. до 3,8 млн. Происходило обучение грамоте и солдат в армии. Но несмотря на рост начальных школ, их явно не хватало для удовлетворения потребностей крестьян. По своему «почину» они образовывали свои, домашние школы грамотности. Такая школа размещалась в обычной крестьянской избе. В ней за небольшую плату работал знающий грамоту человек (сельский дьячок, бывший семинарист, отставной солдат и др.). Шли в них работать и интеллигенция, учащаяся молодежь, надеявшиеся стать идейными руководителями крестьянства и его помощниками в борьбе за лучшую жизнь.

Получило развитие в пореформенное время общее и специальное высшее образование. Были открыты университеты в Одессе (1862 г. – Новороссийский) и в Томске (1888 г. – Сибирский). С 1865 г. в Москве начала работать Петровская земледельческая академия. В ряде городов были открыты политехнические и технологические институты. В 70-е гг. было положено начало и высшему женскому образованию: в Москве, Петербурге, Казани, Киеве открылись 7 высших женских курсов, особую известность среди которых приобрели Бестужевские (открыты проф. К. Н. Бестужевым-Рюминым в Петербурге) и курсы проф. В. И. Герье в Москве.

Особенно бурно развивалось в пореформенное время книгоиздательство и периодическая печать. Первое сразу же превратилось в обширное предпринимательское хозяйство с мощной и первоклассной типографской базой. Если в середине 50-х гг. в России имелось 96 типографий, которые «выдали на-гора» около 2000 названий книг, то к середине 90-х гг. число типографий возросло до 1300, а названий изданных книг – до 10,7 тыс. Наиболее широко были известны имена И. Д. Сытина, Ф. Ф. Павленкова, П. П. Сойкина и других книгоиздателей. К концу XIX в. Россия заняла третье место (после Германии и Франции) по количеству названий издаваемой литературы.

Существенно возросла в пореформенный период и периодическая печать (ведомственная, научная, литературно-художественная, общественно-политическая, сатирическая и церковная). Число периодических изданий за 40 пореформенных лет выросло со 104 до 800, а ежедневно издаваемых газет – с 7 до 100. Широкую известность имели «толстые» общественно-литературные журналы «Вестник Европы», «Дело», «Русская мысль», «Русское обозрение», «Отечественные записки», а из исторической периодики – «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Древняя и новая Россия» и др.

Наука и техника

Особенно богата вторая половина XIX в. крупными достижениями мировой науки и техники, многими выдающимися открытиями и достижениями. Наиболее значительным был прогресс в естественных науках – математике, физике, химии, биологии и медицине. В области математики особенно прославилась петербургская школа П. Л. Чебышева, известного своими трудами по теории чисел и теории вероятностей, а так-

же по математическому анализу. Его исследования были продолжены А. А. Марковым, А. М. Ляпуновым, С. О. Ковалевской. В Московском университете выделялся своими трудами по магнетизму и фотоэлектрическим явлениям А. Г. Столетов. Его начинания продолжил ученик Н. А. Умов, обосновавший учение о движении энергии – одного из центральных в современной физике. Выдающихся успехов добился русский астроном, директор Пулковской обсерватории Ф. А. Бредихин, создавший теорию кометных форм и происхождения метеорных потоков. Широкую известность получили и труды его ученика А. А. Белопольского в области электроскопии.

Многое было связано с именем великого химика Д. И. Менделеева, ректора Петербургского университета. В первую очередь, – это создание в 1869 г. периодической системы элементов – открытие тесной взаимосвязи всех химических элементов и периодического повторения их свойств при расположении в определенном порядке. Оно, по словам ученого, дало возможность «предугадать свойства неизвестных еще элементов». Его главный труд «Основы химии» еще при жизни Менделеева был 8 раз издан и переведен на многие европейские языки. Крупные открытия были сделаны им также в области технической химии, метрологии, гидродинамики, в разработке новых методов переработки нефти и угля, в изучении верхних слоев атмосферы. В 1875 г. он изобрел стратостат.

Основоположником новой школы химии стал А. М. Бутлеров, создавший теорию химического строения органических тел. Его ученик В. В. Марковников продолжил разработку структурной теории органических соединений, что имело большое значение для научного предвидения течения ряда химических реакций и создания полимерных соединений.

Велика была роль и И. М. Сеченова, основоположника русской физиологической школы. В 1863 г. им был опубликован главный его труд «Рефлексы головного мозга». Его исследования в области физиологии и высшей нервной деятельности продолжил И. П. Павлов. Крупный вклад в биологию был сделан И. И. Мечниковым, разработавшим учение о защитных факторах организма, составившим основу современной микробиологии и патологии.

Важные теоретические исследования были сделаны русскими учеными в области геологии, палеонтологии, почвоведении и географии. Они были связаны с именами В. О. Ковалевского, В. В. Докучаева, П. П. Семенова-Тян-Шаньского, Н. М. Пржевальского и др.

С развитием естественных наук был связан и ряд технических открытий и изобретений. Наиболее значимыми из них были: создание электрической лампочки накаливания А. Н. Лодыгиным (это изобретение повторил и усовершенствовал Эдисон) и дуговой лампы – П. Н. Яблочковым («свеча Яблочкова»), изобретение в 1895 г. радиосвязи А. С. Поповым.

Широкое развитие в пореформенный период получили гуманитарные науки: история, философия, филология, правоведение, статистические и экономические исследования. Знаменитый историк С. М. Соловьев создал в течение 1851-1879 гг. 29 томов «Истории России с древнейших времен» (до 1775 г.), а его, не менее знаменитый ученик В. О. Ключевский – пятитомный «Курс русской истории», а также ряд трудов по истории сословий в России, историографии и источниковедению. В области литературоведения, языкознания, фольклористики известны были имена В. И. Даля, Ф. И. Буслаева, В. Ф. Миллера, Я. К. Грога. Среди «философов-материалистов» были известны труды Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, М. А. Антоновича, среди «философов-идеалистов» - П. Д. Юркевича, Н. Ф. Федорова и особенно сына историка С. М. Соловьева – религиозного мыслителя В. С. Соловьева.

§ 2. Развитие литературы и искусства

Литература пореформенного периода

Народная жизнь, общественно-политические направления и течения пореформенной России не могли не отразиться в ее литературе и искусстве, живо откликавшиеся на

актуальные проблемы современности. Господствующим направлением (и в литературе, и в искусстве) стал критический реализм. Обличение крепостничества, его пережитков в жизни и сознании, показ пороков нового буржуазного общества стали в них ведущей линией. Каждый крупный писатель и прежде всего такие гиганты, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, изобразили целые пласты жизни со всеми ее радостями и печалью, светлыми и темными сторонами, но каждый по-своему, через призму своего восприятия. Это отражение действительности давалось авторами путем раскрытия психологии отдельных людей, представлявших социальную психологию и идеологию классов и различных слоев.

В тематическом многообразии художественной литературы России этого периода выделяются произведения о народе, прежде всего о крестьянстве. Это направление было определено в 1860 г. Н. А. Добролюбовым. «Пора прекратить, - провозгласил он тогда, - любезничание с народом». И писатели откликнулись на этот призыв.

Настоящего мужика, подлинный тип русского крестьянина создал в своих произведениях Л. Н. Толстой. Начиная с «Казачков» и Платона Каратаева в «Войне и мире» и до последних произведений он больше обращал внимание не на быт, а на сознание, психологию крестьянина, на его духовное состояние. Проявив глубочайшее проникновение в душу простого крестьянина, Толстой передал вместе с тем и «психологию крестьянской массы», ее стихийный протест против угнетения и произвола.

Мастером классического реалистического романа зарекомендовал себя И. С. Тургенев. В романах «Отцы и дети», «Дворянское гнездо», «Рудин», «Дым», «Новь», «Накануне» он отразил искания нового поколения русской разночинной интеллигенции 50-70-х гг., конфликт «отцов» и «детей», «хождение в народ», создал образы героических и самоотверженных русских женщин. Был Тургенев и большим мастером русского пейзажа, который изображен в его произведениях с большой лирической теплотой, наблюдательностью и проникновенностью.

Не знал себе равных в сатирическом жанре М. Е. Салтыков-Щедрин. В «Пошехонской старине», «Господах Головлевых», «Помпадурках и помпадуршах» он подверг уничтожающей крике жизненный уклад провинциального дворянства и чиновничества, нравы больших и малых сатрапов царской бюрократии. В народной «Истории одного города» и знаменитых «Сказках» он вывел – в иносказательной форме и гротескно-сатирической манере – галерею образов градоправителей (под которыми читатель угадывал характерные черты некоторых российских монархов), Разуваевых, Колупаевых, Деруновых, «премудрых пескарей» - либералов, показал нравы нарождающейся буржуазии.

Ярко отражение получила нелегкая крестьянская доля в произведении Н. А. Некрасова. Вместе с тем им были созданы проникновенные лирические сцены, замечательные образы русских женщин. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» он нарисовал широкую картину жизни пореформенной русской деревни, галерею крестьянских

образов, которым противопоставил крепостников – «последышей» типа князя Утятина или Оболты-Оболдуева.

Непревзойденным мастером психологического романа был Ф. М. Достоевский. Мировую известность получили его романы «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот», в которых писатель дал философское осмысление нравственных и социальных контрастов. Произведения Достоевского несут в себе глубокую нравственность, боль за «униженных и оскорбленных», за судьбы «бедных людей» и вместе с тем полны веры в духовные силы человека. Традиции критического реализма, поднятые писателями 60-80-х гг. были восприняты А. П. Чеховым, В. Г. Короленко, Д. Н. Маминым-Сибиряком, Н. Г. Гариним-Михайловским и другими прозаиками, чье творчество пришлось на конец XIX - начало XX вв.

Живопись второй половины XIX в.

Критический реализм, господствовавший в литературе пореформенной эпохи, стал определяющим и в изобразительном искусстве, музыке и театре. Видным его теоретиком был выдающийся художественный и музыкальный критик, историк искусства В. В. Стасов. Идеологом критического реализма в живописи, организатором творчества молодых художников этого направления стал И. Н. Крамской, один из создателей группы художников передвижников. В 1863 г. 14 молодых талантливых художников, учеников Академии художеств, отказались от участия в конкурсе на обязательную мифологическую тему и в знак протеста вышли из Академии, образовав «Артель петербургских художников». В 1870 г. было создано «Товарищество художественных передвижных выставок», в которое вошли члены «Артели», а также почти все значительные художники того времени, придерживавшиеся нового, реалистического и демократического направления в искусстве. Они поставили своей задачей глубокое изучение народного быта, народных типов, которые и отображали в своем творчестве. Для пропаганды своего искусства «Товарищество» организовало передвижные выставки по стране. Все художники, примкнувшие к этому направлению, получили наименование «передвижников». Наиболее видными среди них были И. Н. Крамской, Н. Н. Ге, В. Н. Суриков, В. Г. Перов, В. Е. Маковский, Г. Г. Мясоедов, А. К. Саврасов, И. И. Шишкин. Позднее к ним присо-

единились художники младшего поколения: И. Е. Репин, А. И. Куинджи, И. И. Левитан. Каждый из них, разделяя основные принципы этого направления в живописи, сохранял свою индивидуальность и неповторимость. Крамской был, к примеру, мастером в передаче внутреннего мира человека, его сложных душевных переживаний («Неутешное горе», «Христос в пустыне»). Перовым был создан цикл жанровых картин на сюжеты из жизни городской и сельской бедноты. В картинах «Чаепитие в Мытищах», «Монастырская трапезная», «Крестный ход на Пасхе», «Приезд станового на следствие» художник изобличал косный быт буржуазии, нравы полиции и духовенства.

Видное место в жанре исторической живописи заняли полотна В. И. Сурикова. В его картинах «Переход Суворова через Альпы», «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Степан Разин», «Меньшиков в Березове» отображены важные события нашей истории. «Русская история, - говорил в свое время художественный критик В. В. Стасов, - так и живет, так и дышит у него в картинах». Избранные живописцем исторические сюжеты, отмечали современники, были весьма созвучны с реалиями времени, в котором жил В. И. Суриков, что вызывало настороженное отношение официальных властей к художнику.

Принципы реализма и народности нашли наиболее полное отражение в творчестве И. Е. Репина. В его картинах «Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии» ярко представлены, по свидетельству критиков, «народные типы». Не была обойдена им и тема революционера-народника. Ей посвящены его полотна «Сходка», «Арест пропагандиста», «Под конвоем», «Не ждали», «Отказ от исповеди» и др. Крупным событием в общественной жизни страны стал выход картины Репина «Иван Грозный и его сын Иван», которая была воспринята зрителями как протест против деспотизма. Наряду с жанровыми картинами, им была создана галерея замечательных портретов своих выдающихся современников – Л. Н. Толстого, В. В. Стасова, М. П. Мусоргского, А. К. Глазунова и др.

Выдающимся представителем русской батальной живописи рекомендовал себя В. В. Верещагин. Широкую известность у зрителей получили серии его картин об Отечественной войне 1812 г., о русско-турецкой войне 1877-1878 гг., а также «Туркестанская коллекция» (из истории завоевания Средней Азии). Будучи свидетелем военных действий на Балканах и в Средней Азии, художник изобра-

зил, наряду с мужеством и стойкостью русского воинства и тяготы войны, ее неприглядные стороны. Истинным символом безумия войны, смерти и разорения стало центральное полотно «Туркестанской коллекции» - «Апофеоз войны», принесшее художнику мировую известность.

Стала вторая половина XIX в. и расцветом пейзажной живописи. Полотна, созданные И. И. Шишкиным («Лесные дали», «Корабельная роща», «Рожь»), А. К. Саврасовым («Грачи прилетели»), А. И. Куинджи («Ночь на Днепре», «Березовая роща»), И. И. Левитаном («Вечер. Золотой плес», «Вечерний звон», «Март»), по праву заняли свое место среди шедевров мировой живописи.

§ 3. Развитие музыки и театра

Музыкальная культура

Вторая половина XIX в. по праву считается временем расцвета русского музыкального искусства. Он был связан с общим подъемом художественной культуры, с вниманием к судьбам народов как основной проблеме эпохи. В это время широкого развития достигают музыкальная критика, теория музыкального искусства, музыкальное образование и т. д. Все это вместе взятое и способствовало тому, что русская музыка приобрела во второй половине XIX в. мировую известность.

Продолжая традиции, заложенные М. И. Глинкой, его последователи – М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков и др. – утвердили, обогатили и творчески развили народные песенные основы в русской музыке. Эти композиторы, составившие в 1862 г. Балакиревский кружок и образно названные В. В. Стасовым «Могучей кучкой», явили собой коллектив страстных поклонников русской национальной музыки, создававших свою музыку на основе народных мелодий, интонаций и ритмов. Созданные композиторами «Могучей кучки» музыкальные произведения были проникнуты высоким духом патриотизма, яркой реалистичностью сильных драматических образом. Оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина», Н. А. Римского-Корсакова «Садко», «Псковитянка» и «Царская невеста», А. П. Бородина «Князь Игорь» являются шедеврами русской и мировой музыкальной классики.

Величайшим композитором этой эпохи был и П. И. Чайковский, ученик А. Г. Рубинштейна. Расцвет его творчества пришелся на 70-80-е гг. XIX в. Именно в это время им были созданы хорошо известные ныне его симфонические поэмы «Манфред», «Ромео и Джульетта», «Франческа да Римини», балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Мазепа», «Черевички», «Иоланта», «Чародейка». Для персонажей опер и балетов Чайковского были характерны глубокая лиричность, искренность и правдивость в выражении чувств. Наряду с крупными произведениями, им было написано (преимущественно по произведениям русских поэтов) свыше ста романсов.

Конец XIX в. ознаменовался появлением в музыке плеяды молодых талантливых композиторов: А. К. Глазунова, А. С. Аренского, А. К. Лядова, А. Н. Скрябина. В 90-е гг. на аренах театров появились балеты Глазунова «Раймонда», «Барышня-служанка», «Времена года», оперы: «Сон на Волге» и «Воевода» Аренского, «Орестея» (по мотивам древнегреческого драматурга Эсхила) С. И. Танеева. Им же был написан ряд произведений камерной музыки, а Лядовым – цикл фортепьянных, вокальных и оркестровых миниатюр. Однако расцвет творчества этих композиторов пришелся уже на начало XX в.

Театральное искусство

Вторая половина XIX в. стала переломной и для русского театра. Впервые в его истории большое место в репертуаре российского театра заняли пьесы отечественных авторов, и в первую очередь, великого русского драматурга А. Н. Островского. Это, без преувеличения, была его эпоха, ибо почти на протяжении трех десятилетий на сценах театров ежегодно ставились его пьесы, в большинстве своем – новые. В них, по словам автора, выдерживалось неизменно обличительное «нравственно-общественное направление». Прекрасное знание быта и психологии людей, умение мастерски построить сюжет, удивительно красочная живая речь, тонкий юмор и разящая сатира являлись отличительными чертами большинства пьес Островского. В репертуаре Малого театра, развитие которого во многом связано с творчеством этого драматурга, на многие годы стали определяющими драма «Гроза», сатирические комедии «Лес», «Волки и овцы», «На всякого мудреца довольно простоты», «Бешеные деньги» и другие произведения Островского. Способствовали

они да и сам автор созданию новой школы в драматургии и среди актеров. Благодаря Островскому, выросла в Малом театре плеяда талантливых мастеров сцены, среди которых выделялись П. М. Садовский, С. В. Шумский, И. В. Самарин, А. П. Ленский, А. И. Сумбатов, М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова и др.

Крупным драматургом второй половины XIX в. был и А. В. Сухово-Кобылин. В трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина» он обличал всю бюрократическую систему самодержавия, начиная от писаря и кончая министром, продажность суда, всеобщее взяточничество, произвол полиции и полное бесправие честных граждан. Образы циничного игрока, прожигателя жизни Кречинского, его прихлебателя Расплюева, наглых вымогателей и взяточников Варвина и Тарелкина являлись разоблачением нового буржуазного общества. Неслучайно, что две последние пьесы долгое время не могли «попасть на сцену», ибо находились они «под запретом».

Как и прежде, главными театрами в стране во второй половине XIX в. продолжали оставаться Малый театр (в Москве) и Александринский театр (в Петербурге). Но на «пятки» им уже начинали наступать появившиеся в стране частные и театральные кружки. Так, в 1866 г. в Москве (по инициативе А. Н. Островского и Н. Г. Рубинштейна) был создан из числа молодой театральной молодежи Артистический кружок. В 1872 г. усилиями артиста, режиссера и драматурга А. Ф. Федотова в Москве был основан «Народный театр», ориентированный на «массового» зрителя. Большой популярностью пользовался созданный артисткой Малого театра А. А. Бренко «Пушкинский театр». Правда, через два года он (из-за финансовых затруднений) вынужден был прекратить свое существование. На смену ему пришел «Русский драматический театр», основанный Ф. А. Коршем. В 1888 г. начало функционировать в Москве созданное К. С. Станиславским «Общество любителей искусства и литературы», поставившее в первый же год своего существования любительский спектакль.

Отмена в 1882 г. монополии казенных («императорских») театров способствовала развитию провинциального театра. С этого момента популярные артистические труппы появились в Киеве, Одессе, Риге, Ростове-на-Дону, Харькове, Саратове, Самаре, Казани, Екатеринбурге, Иркутске и других городах. Ими ставились не только пьесы Островского, Сухово-Кобылина, Тургенева, Грибоедова, Гоголя, но и Шекспира, Шиллера, Бомарше и других иностранных и оте-

чественных авторов. На провинциальной сцене зародились и получили в дальнейшем широкую известность имена талантливых актеров: П. М. Медникова (Казань), Н. К. Милославского (Одесса), Н. Н. Синельникова (Харьков) и др. Сила их сценического искусства, провинциальных театральных коллективов в целом способствовала формированию в обществе эстетических вкусов, нравственных принципов и гражданской позиции людей.

§ 4. Культура народов России

Во второй половине XIX в. в России проживали представители более 200 национальностей. Экономическое их развитие было разным, разными были и переживаемые ими ступени общественного развития.

Украина

Для целого ряда регионов было характерным быстрое развитие в пореформенное время капиталистических отношений. Имело это место и на Украине, население которой располагало прочными корнями и вековыми традициями в развитии культуры. В целях распространения грамотности среди населения, здесь в конце 50-х – начале 60-х гг. открываются воскресные школы. Инициатором этого дела стал профессор Киевского университета П. В. Павлов. Его начинание поддержал выдающийся русский ученый Н. И. Пирогов, бывший в то время попечителем Киевского учебного округа. В 1862 г. на Украине было уже 67 таких школ. «Букварь южнорусский» для них написал и издал Т. Г. Шевченко. В школах преподавали (на русском и украинском языках) профессора и студенты университетов, учителя гимназий и «грамотные разночинцы».

Значительный вклад в развитие культуры и науки на Украине вносили Киевский, Харьковский и Новороссийский университеты, в которых работали крупные русские и украинские ученые (И. И. Мечников, И. М. Сеченов, М. А. Максимович, А. А. Потемня и др.). Важным этапом в развитии образования на Украине стало преобразование в 1875 г. Нежинского юридического лицея в Историко-филологический институт князя Безбородко. С Нежинской высшей школой оказались связанными имена многих крупных ученых, писателей, общественных и государственных деятелей, таких как: А. С. Афона-

сьев-Чужбинский – украинский и русский писатель, историк и этнограф; Л. И. Глебов – видный украинский писатель, баснописец и издатель; Ф. К. Богушевич – основоположник новой белорусской реалистической литературы и др. В институте князя Безбородко преподавали видные русские ученые-филологи: А. С. Будилович, Р. Ф. Брандт, М. Н. Сперанский и др.

Последователями и продолжателями творчества Т. Г. Шевченко стали в пореформенное время талантливые писатели (ставшие потом классиками украинской литературы) Марко Вовчок (настоящее имя и фамилия Мария Александровна Виленская-Маркович), Панас Мирный (Афанасий Яковлевич Рудниченко), И. Я. Франко, М. М. Коцюбинский, Леся Украинка (Лариса Петровна Косач-Квитка). Прекрасное знание жизни, быта и нравов украинских крестьян, их устного народного творчества, тонкое чувство языка позволили им создать литературные произведения, ставшие известными не только в России, но и за рубежом. Раздумывая над судьбами своего народа, многие из них (в частности, И. Я. Франко) высказывались за сближение всех славянских народов.

Развивался в пореформенное время и украинский национальный театр, для которого писали пьесы драматурги Н. К. Карпенко-Карый, М. Л. Кропивницкий, М. П. Старицкий. На его сцене родилось немало талантливых актеров и актрис. Особой известностью и признанием пользовалась Мария Константиновна Заньковецкая, прозванная в театральных кругах «украинской Ермоловой».

Во второй половине XIX в. были заложены основы и украинской национальной музыки. Выдающийся вклад в ее развитие (и русской музыки тоже) внес украинский композитор, ученик Римского-Корсакова Н. В. Лысенко. Его оперы «Тарас Бульба», «Наталка Полтавка» имели огромный успех и не сходят со сцены по сей день. В 1863 г. в Петербурге, на сцене Мариинского театра была поставлена опера ученика М. И. Глинки, знаменитого украинского певца и композитора С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», вошедшая в классический репертуар национальной украинской и русской музыки.

Украинская литература, драматургия и искусство развивались в пореформенное время в тесном взаимодействии с русской культурой. «Если произведения литератур европейских, - писал по этому поводу Иван Франко, - нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, про-

буждали нашу совесть, пробуждали в нас человека, пробуждали любовь к бедным и обиженным». Многие произведения украинских писателей, в первую очередь Т. Г. Шевченко, М. Вовчок, И. Франко и других, переводились на русский язык, издавались в Москве и Петербурге, укрепляя тем самым общую культуру России. В то же время зародилось и развивалось на Украине буржуазно-националистическое движение, которое старалось разорвать русско-украинские связи. Националисты выступали с идеей о «безбуржуазности» украинской нации. Эти взгляды подвергались критике со стороны демократических украинских писателей.

Белоруссия

Под влиянием передовой русской культуры шло развитие культуры и в Белоруссии.

Здесь сформировалась национальная интеллигенция из лиц, окончивших Петербургский, Московский и Киевский университеты. Революционно-демократическое направление возглавили выдающийся деятель белорусского революционного движения, публицист, воспитанник Петербургского университета К. С. Калиновский и писатель-демократ Ф. К. Богусевич. На формирование взглядов последнего большое влияние оказали революционные идеи Чернышевского, поэзия Некрасова и Шевченко. Широко известными читателю стали его сборники стихов «Дудка белорусская» и «Смычок белорусский». Крупными писателями зарекомендовали себя также Янка Лучина (И. Л. Нелуховский) и В. И. Дудин-Марцинкович.

Большую просветительскую, научную и практическую работу проводил в Белоруссии в пореформенное время Земледельческий институт – первое в России высшее сельскохозяйственное учебное заведение.

Прибалтика

Как и раньше, эта территория Российской империи жила и развивалась в пореформенное время по своим «законам и установлениям», дарованным российскими правителями этому краю. Данное обстоятельство находило свое отражение во всех сферах его жизни, в т. ч. и в культуре, причем по развитию отдельных ее составляющих Прибалтика намного опережала другие российские регионы. В частности, здесь значительно быстрее, чем в центральных губерниях России, шло развитие школьного образования: по переписи 1897 г. грамотность населения старше 8 лет составляла в Эстонии – 90%, в Латвии – 80 и в Литве –

54%. Развитию грамотности в крае способствовали реформы, проведенные в 80-х гг. В соответствии с ними, учебные заведения были переданы из ведения остзейских дворян и лютеранских пасторов Министерству народного просвещения. Преподавание в них переводилось с немецкого языка на русский, кроме начальных школ. В ряде последних обучение велось на латышском и эстонском языках, в Литве – национальные школы существовали нелегально.

Значительную роль в развитии просвещения и культуры России сыграло немецкое население Прибалтики. Наряду с немецкой, русской и польской интеллигенцией, складывалась здесь и интеллигенция местных национальностей. Из кружка латышских студентов Дерптского университета вышло, к примеру, много выдающихся деятелей культуры своего народа: К. Вальдемар, К. Барон, Ю. Алунав и др. Много латышей, эстонцев и литовцев училось в Дерптском, Петербургском, Варшавском и других университетах, в Рижском политехническом институте. Петербургский университет закончил, к примеру, великий латышский поэт Я. Райнис. Крупными деятелями эстонской культуры были выдающийся поэт и ученый Ф. Крейцвальд, ученый-языковед М. Веске. Первому мировая культура обязана знакомству со знаменитым эстонским национальным эпосом «Калевипоэг», а Веске, работая в Казанском университете, написал известный научный труд «Славяно-финские культурные отношения по данным языка».

В культуре народов Прибалтики особо выделяется имя литовского композитора и художника М. К. Чюрлениса. Опираясь на народную музыку, он, через красочность языка, как бы сближает музыку и живопись в своих симфонических произведениях, а в картинах – стремится к пластической передаче музыкальности. «Хотелось бы, - писал Чюрленис, - создать симфонию из шума волн, из таинственной речи столетнего леса, из мерцаний звезд, из наших песенок...» В таком же ключе творили эстонский композитор А. Й. Капп и его латвийский коллега – Я. Витол.

Кавказ

Благотворное влияние общественного подъема, происходившего в стране во второй половине XIX в., испытала и культура народов Кавказа. Выдающуюся роль в грузинской литературе этого периода сыграл И. Г. Чавчавадзе. Вместе с писателями-соратниками – А. Р. Церетели

и Г. Е. Церетели, - этот крупнейший писатель, беллетрист, драматург и переводчик, принадлежал к направлению революционных демократов, высоко ценил произведения Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого. «Каждого из нас, - писал Илья Григорьевич, выпускник Петербургского университета, - вырастила русская литература... На путь нашего развития большое руководящее влияние и воздействие оказала русская культура... Она составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль... Среди нас нет ни одного общественного и литературного деятеля, не носящего на себе воздействие русской культуры». Будучи основоположником новой грузинской литературы, он, вместе с А. Церетели, помог вступить на литературное поприще замечательному грузинскому писателю и поэту XX в. Важе Пшавеле.

Первый оперный театр с русской труппой был открыт в Тифлисе еще в 1851 г. С 80-х гг. в нем ставились оперы Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и других композиторов. Этому содействовало созданное в Грузии отделение Русского музыкального общества, регулярно проводившее в городе симфонические концерты. В эти же годы родилась и первая грузинская опера «Коварная Тамара». Ее автором был М. А. Баланчивадзе. Он вместе с Д. И. Аракишвили стали основоположниками грузинского романса. Наряду с «Коварной Тамарой», мировую известность обрела и другая грузинская опера «Абесалом и Этери», созданная З. П. Палиашвили по мотивам поэтической легенды о любви царевича Абесалома к крестьянской девушке Этери.

Активно работал возникший в пореформенное время в Тбилиси грузинский профессиональный театр. На его сцене шли пьесы И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Цагарели, русских и зарубежных классиков. На сцене блистал выдающийся актер В. С. Алексии-Месхишвили.

Роль великого просветителя в армянской литературе по праву принадлежала Микаэлу Налбандяну (Налбандов Михаил Лазаревич) – философу-материалисту, поэту и критику. Много он сделал и для развития армянского искусства. Его последователями были О. Т. Туманян, А. М. Ширванзаде (Мовсисян Александр Минасович) и другие писатели.

Функционировал в Армении и национальный театр. Основой для его развития стала драматургия Г. М. Сундукяна. В его комедиях

и драмах нашли свое отражение хищничество нарождающейся буржуазии, власть денег, порождавшую ложь и обман. Обличительной силой были исполнены и комедии А. О. Парояна. Первый армянский театр возник, как известно, в Тифлисе, бывшем тогда общекультурным центром Кавказа. Он был создан драматургом Сундукяном. Впоследствии армянский театр ставил свои спектакли в Эривани (Ереване). Новый этап в его развитии связан с драматургией А. М. Ширванзаде. Традиции реализма и жизненной правды утверждали на сцене актер и режиссер Г. А. Чмышкян и актер-прозаик П. И. Адамян. Многие сделали для развития армянской симфонической музыки А. А. Спендиаров и ученый и музыкальный деятель Комитас (Согомон Геворкович Согомонян). Родоначальником же национального оперного искусства стал А. Т. Тигранян, создавший классическую армянскую оперу «Ануш».

Основы новой азербайджанской художественной литературы и драматургии были заложены крупнейшим деятелем культуры Мирза Фатали Ахундовым. Им же был составлен в 70-х гг. новый азербайджанский алфавит. Большую просветительскую работу вел вместе с ним другой выдающийся азербайджанский публицист, критик и педагог Г. Зардаби (Медиков), основавший сначала азербайджанский театр на «любительских началах», затем в 90-х гг. набравший профессиональную труппу. Театр ставил пьесы Ахундова, а также начинавшего свою писательскую деятельность революционного деятеля Н. Нариманова, молодых драматургов Н. Везирова, А. Ахвердова, Д. Мамедкулизаде и др.

Главным итогом культурного подъема в Закавказье было: создание национальной интеллигенции у всех народов; возникновение различных просветительских и научных обществ, отделений общероссийских обществ, музеев, новых училищ и гимназий; издание газет и журналов на родных языках не только в Закавказье, но и в Петербурге, и в Москве. Значительную роль в деле развития просвещения среди армян сыграли Лазаревский институт восточных языков в Москве (открыт в 1815 г. на средства богатой армянской семьи Лазаревых) и Нерсисянское училище в Тифлисе. Крупными культурными центрами (кроме Тифлиса) были в этот период Баку и Эривань. Докутились волны просвещения и до мелких городов – Кутаиси, Сухуми, Батуми и других и даже до селений. Благодаря этому, среди горцев Кавказа появляются образованные люди, в свою очередь, заботив-

шиеся о распространении просвещения среди своего народа. Таким, к примеру, был славный сын осетинского народа Коста Хетагуров - прозаик, публицист, драматург и живописец.

Средняя Азия и Казахстан

Развитие просвещения в Средней Азии во второй половине XIX в. делало только первые шаги. В 70-80 гг. к церковным школам добавляются светские учебные заведения. Однако грамотность населения была невысока: грамотой владели около 3% жителей. Школы (русско-казахские, русско-узбекские, русско-туркменские и иные) были открыты (после присоединения тех или иных территорий к России) в Верном (Алматы), Семипалатинске, Ташкенте, Ашхабаде, Караколе (Пржевальске) и других городах. Но их было мало. Поэтому-то в Туркмении и Киргизии грамотных было менее 1%.

Развитие культур народов Казахстана и Средней Азии шло под влиянием, с одной стороны, мусульманской религии, а с другой, - русской культуры. Большое значение имело использование богатого наследия, отразившегося в народном фольклоре, национальном песенном творчестве народных поэтов-акынов, многие из которых были уже профессиональными певцами и сказителями, сами сочиняли песни и сказы, передавали песни и легенды, слышанные от отцов и дедов. Были высокоталантливые люди и в окружении байско-клерикальной верхушки, которая старалась насадить культуру узконационалистического направления. Но, несмотря на усилия, прилагавшиеся баями и муллами, прогрессивные тенденции в общественно-политическом и культурном развитии народов пробивали себе дорогу и укреплялись с каждым годом. Особенно это стало зримо просматриваться после присоединения Средней Азии к России.

ГЛАВА IX. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

§ 1. Состояние Русской Православной церкви в середине XIX в.

Организационно- управленческая структура церкви

Как и в прошлые десятилетия, положение Русской Православной церкви в середине XIX столетия определялось законами, принятыми еще при Петре I. В соответствии с ними, первой ее обязанностью являлось «насаждение верно-подданических» чувств в народе – святости подчинения царской власти, ее почитания. Исполняя свои «функции», церковь всецело опиралась на поддержку светской власти, ограждавшей законом честь и достоинство священнослужителей.

Несмотря на отсутствие патриаршества, церковь имела к середине XIX в. достаточно стройную иерархическую пирамиду. Высшим органом церковного управления являлся **Святейший Синод**. Его члены назначались (из видных архиереев) царем. Все важнейшие постановления Синода также утверждались царем. Руководил Синодом **обер-прокурор** – светский чиновник, назначаемый, опять-таки, царем.

Основным звеном местного церковного управления были **епархии**, совпадавшие по территории с губерниями. Во главе епархии стоял **епископ**. В середине XIX в. в стране имелось 55 епархий. Вне епархий находилось **придворное, военное духовенство**, а также **священнослужители при русских посольствах за рубежом** и **заграничные православные миссии** в Северной Америке, Китае, Японии, Палестине и **афонские монастыри**. Во главе придворного духовенства стоял **духовник царя**, носивший титул «**протопресвитера**» **московского Благовещенского собора** – издревле главной дворцовой церкви. В его ведении числилось 13 придворных церквей. Военное духовенство возглавлял **обер-священник армии и флота**. В его ведении находились 272 церкви при полках и флотских экипажах. Он также носил титул **протопресвитера**. И тот, и другой имели ранг епархиального архиерея (епископа).

Первичной церковно-административной единицей являлся **приход**, численность которого составляла около 1500 прихожан. Приходское духовенство состояло из **священнослужителей** и **церковнослужителей**. К первым относились рукоположенные в священнический сан (епархиальным епископом) **иереи** (пресвитеры) и **дьяконы**, имевшие право священнослужения. Ко вторым относились **причетники** (дьячки, псаломщики, пономари), прислуживавшие священнику во время богослужения и исполнявшие другие его поручения.

Церковным имуществом ведал **церковный староста**, избиравшийся прихожанами на 3 года. Он же занимался и сбором пожертвований на благоустройство храма. Должность старосты считалась престижной, потому на нее избирали наиболее состоятельного прихожанина. За безупречную службу староста мог быть награжден (от имени императора) медалью.

Черное и белое духовенство

Духовенство во все времена относилось к числу привилегированного феодального сословия. Оно освобождалось от рекрутчины, подушной подати, от всех натуральных и денежных повинностей, а с 1801 г. – и от телесных наказаний. В соответствии с указом Александра I, духовенство обрело право приобретать недвижимость в городе и деревне, безвозмездно пользоваться дровяным и строевым лесом из казенных дач; при сборе земских повинностей земли духовенства исключались из обложения.

В середине XIX в. численность православного духовенства составляла примерно 60 тыс. чел. Оно делилось на «черное» и «белое». К первому относились монахи и монахини. Их общая численность не превышала 7 тыс. чел. Второе состояло из священников и низшего клира (диаконов и псаломщиков). К 1861 г. численность приходского духовенства достигла 126 тыс. чел., а число храмов превысило 36 тыс.

К кануну великих перемен в жизни страны православная церковь подошла в состоянии нарастающего кризиса. В ее рядах не было единства, в них росло недовольство. Иерархия была недовольна засильем светского чиновничества, а рядовое духовенство – привилегированным положением монашества и деспотизмом архиерейской власти. Первое с незапамятных времен признается церковью как идеальный

«путь к Богу». В силу этого, все высшие чины церковной иерархии (патриарх, митрополиты, архиепископы и епископы) назначались только из среды монашеского духовенства.

В монашество вступали по добровольному согласию. Насильственное пострижение каралось уголовным наказанием. Образ жизни человека, даже самый порочный, не был препятствием для вступления в монашество, ибо оно рассматривалось как «подвиг постоянного покаяния», к коему открыт путь «каждому грешнику». Согласно российским законам, монашество разрешалось мужчинам не моложе 30 лет, а женщинам – 40 лет. Вступающие в монашество должны были быть свободными от брака, не иметь детей (или иметь уже взрослых детей, не нуждавшихся в родительском попечении), не быть судимыми, не состоять на военной или государственной службе, а лицам податных сословий – получить от сельской или городской общины «увольнительные» удостоверения. Если желающий вступить в монашество имел имущество, то он должен был сделать «распоряжение» о нем (передать его наследникам или «кому пожелает»). В монастырь принимали и с «вкладом» и без него. Правда, последние лишались права голоса при решении монастырских дел. Прежде, чем стать монахом, человек обязан был пройти трехлетний срок «послушания». От него освобождались лица, окончившие курс богословия в духовных учебных заведениях, вдовы священники и дьяконы. После истечения срока «послушания» испытываемый мог отказаться от своего намерения принять постриг и покинуть монастырь. За совершение монахом уголовного преступления он (в соответствии с законом) мог быть «расстрижен». В определенных условиях допускался и добровольный выход из монашества.

Монастыри и пустыни

Монастыри на Руси появились в XI в. (Киево-Печерский монастырь основан в 1054 г.). К 1860 г. их число достигло 614 (447 мужских и 136 женских). В них монашествовало 8,6 тыс. чел и «послушествовало» более 13 тыс. чел. С первых лет своего существования монастыри стали не только центрами «монашеского жития», но центрами сосредоточения летописания, иконописания и распространения грамотности. Немалую роль играли они и в деле хозяйственного освоения страны (особенно ее северных и восточных окраин). В XIX в. роль центров миссионерства и христианизации (в Заволжье, Приура-

лье, Западной и Восточной Сибири) выполняли 20 монастырей. Некоторые из них (наряду с выполнением основных функций) служили и местом наказаний – для содержания сектантов, самозванцев и даже политических преступников. Самым старым и крупным – в этом плане – «узилищем» был Соловецкий монастырь.

Среди всех монастырей особо выделялись 11 мужских, относившихся к высшему рангу. Четыре из них (Троице-Сергиев, Александро-Невский (в Петербурге), Киево-Печерский и Почаевский (в Западной Украине) имели статус **лавры**. 7 монастырей (Соловецкий, Симонов, Донской и др.) имели (как и лавры) свои привилегии и находились в непосредственном ведении Синода. Остальные монастыри подчинялись главам тех епархий, на территории которых они находились. Их настоятели (игумены) назначались главой епархии с последующим утверждением Синода. Настоятели важнейших монастырей носили титул **архимандрита**. В подчинении данных монастырей находились более мелкие обители, называвшиеся «приписными монастырями».

С момента своего появления на Руси монастыри подразделялись на **общежительные** и **необщежительные**. В первых монахи не имели ничего своего: они получали бесплатно от монастыря келью, необходимую одежду, обувь и пропитание. За это они выполняли в монастыре любую работу, а также «заказную платную работу» (шитье облачений, писание икон, роспись храмов, изготовление церковной утвари и пр.). Деньги, за выполнение последней, шли в общую монастырскую казну. Общежительные монастыри имели строгие уставы, их настоятели избирались самой братией. К концу XIX в. такие монастыри составляли почти 60%. В необщежительных монастырях монахи получали бесплатно только келью и питание, за все остальное они платили сами, для чего они имели личные сбережения, не шедшие в общую монастырскую казну. Настоятели крупных необщежительных монастырей назначались императором, а остальные – Синодом.

Особым видом монастырского жития была **пустынь**. На первых порах это был небольшой монастырь (или даже уединенная келья), расположенный в безлюдной степи или лесу. Пустыни тоже придерживались строгих «уставов». Во второй половине XIX в. в стране числилось 74 мужских и 12 женских таких обителей. Особой известностью пользовалась **Введенская Оптиная пустынь** (в Калужской

губернии) и **Саровская пустынь** (в Нижегородской губернии). Первая прославилась благодаря «подвижничеству» иеромонаха Амвросия (в миру Александр Михайлович Гренков – канонизирован в 1988 г.) и вторая – иеромонаха Серафима (в миру Прохор Сидорович Мошкин – канонизирован в 1903 г.).

Монастыри и пустыни располагали значительной земельной собственностью. В 1874 г. половина их имела в среднем по 1232 десятины разных угодий. Это позволяло им вести «рентабельное» хлебопашество, огородничество, садоводство, скотоводство, птицеводство и пчеловодство. Наряду с трудом «братии», пользовались обители и трудом наемных работников. В 1888 г. к их услугам прибегали 476 монастырей (в них работало 26 тыс. наемных работников). Значительную часть своих земель они сдавали в аренду. Занимались монастыри торгово-промышленной деятельностью, ссужали деньги под проценты, имели вклады в банках. По неполным данным, ежегодные доходы монастырей составляли: в 1861 г. – 650 тыс. руб., в 1881 г. – 1,8 млн., в 1891 г. – 3,6 млн. руб. Правда, это было характерно для крупных монастырей, которые составляли 1/10 их общего числа. Небольшие же монастыри, имевшие незначительные земельные владения, «пробавлялись» мелкими «рукоделиями», подажаниями, а потому и жили «скудно».

§ 2. Конфессиональная политика самодержавия в пореформенное время

Система духовного образования

Важную роль в деле распространения православия и расширения миссионерской работы играла система духовного образования. Она же в 1854 г. была представлена четырьмя православными духовными академиями: Александро-Невской (в Петербурге), Московской (в Троице-Сергиевой Лавре), Киево-Могилянской (при Киево-Печерской Лавре) и Казанской, 48 семинариями (как правило, в центрах епархий) и 159 низшими духовными училищами, не считая церковно-приходских школ, в которых обучались элементарной грамоте дети прихожан. Общее число обучавшихся составило в 1854 г. 61 тыс. чел. За вторую половину XIX в. и численность учебных заведений, и обучавшихся в них остались примерно такими же. По данным Синода, за 55 лет (с 1837 по 1891) духовные учебные заведения

окончили 2,9 млн. чел. в т. ч. духовные академии 28,6 тыс., семинарии – 850 тыс. и епархиальные духовные училища – около 2 млн. чел. Из числа воспитанников духовных академий вышли не только известные священнослужители и миссионеры: Иоанн Кронштадский (в мире Иван Ильич Сергеев), Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов), Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) и другие, но и известные политики, деятели науки, литературы и искусства (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. Н. Златовратский, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, А. П. Щапов и др.).

Миссионерская деятельность Церкви

Миссионерская деятельность, начатая Русской Православной Церковью в прошлые десятилетия, была ею продолжена и во второй половине XIX в. В отличие от прошлых лет, в пореформенное время она стала более организованной и координируемой. Для этого Церкви потребовались соответствующие кадры. Для их подготовки, с 1853 г. при духовных академиях и в некоторых семинариях были открыты (в соответствии с распоряжением Синода) специальные отделения. Для учебы в них отбирали «наиболее способных семинаристов», освобождая их от изучения древних языков. Для подготовки миссионеров были введены в академиях специальные предметы: история русского раскола, современная статистика раскола во всех его видах, «обозрение сочинений раскольнических и противураскольнических», «опровержение раскола», практические наставления миссионерам. В церковные приходы с нерусским населением ставили православных священников, знающих местные языки. Вменялось в обязанность миссионерам «врачевание» местного населения и устройство ими «хозяйственного быта» своей паствы. Благодаря такой «деятельности» миссионеров, в пределах России ими было «обращено в православие» более 3 млн. чел., включая сюда и лиц других вероисповеданий – католиков, униатов, протестантов, старообрядцев и др.

Для расширения сферы православия в стране, в 1868 г. в Москве было создано Православное Миссионерское общество. К концу XIX в. в его рядах состояло почти 20 тыс. членов. Главная его цель состояла в «содействии православным миссиям в обращении в православие «обитающих в пределах Российской империи нехристиан» (в основном в Восточной России), а также в борьбе против распространения

в стране различных сектантских конфессий. Возглавил Общество митрополит Московский Иннокентий, обладавший огромным опытом, приобретенным им во время миссионерской деятельности на Аляске, Чукотке и на Камчатке. На местах были созданы его отделения, которые возглавили местные архиереи. Общество издавало специальные миссионерские журналы – «Миссионерское обозрение» и «Православный благовест», проводило, начиная с 1884 г., миссионерские съезды, отчеты которых публиковались в их «Трудах».

Положение церкви после 1861 г.

Общественно-политический подъем, охвативший Россию на рубеже 50-60-х гг., не мог не коснуться проблемы положения Православной церкви в Российском государстве, ее ответственности перед обществом, о материальном и нравственном уровне русского духовенства. Наряду с этим, встали на повестку дня и вопросы управления церковью, о преобразовании приходской жизни, совершенствовании духовного образования, а также о введении веротерпимости.

Решение возникших вопросов было возложено на МВД и Святейший Синод. Для этого, в конце 1861 г. был создан специальный комитет под предводительством главы МВД – П. А. Валуева. Начать преобразования было решено с изменения статуса приходского духовенства. После многократных «согласований» и споров, в конце 60-х гг. вышел ряд указов, закрепивших новый статус приходского духовенства. Согласно ему, отменялся принцип наследственной передачи церковно-приходских должностей, а также наследования самого духовного звания от отца к детям. Исключались отныне из духовного звания церковные сторожа, пономари, псаломщики и прочие церковнослужители. Новый статус предоставлял детям священников и дьяков право выбора профессии, поступления на государственную, военную или иную службу. Иначе говоря, новый статус подрывал существовавшую до этого кастовость духовенства.

Предусматривал новый статус и меры улучшения «материального положения» приходских священников. На 67% было увеличено им «казенное пособие», предусмотрены небольшие пенсии находившимся «на покое» священникам и их вдовам. Однако церковники, «оставшиеся не у дел», никаких пособий не получили.

Изменение статуса приходских священников повлекло за собой и «пересмотр» системы их подготовки. В соответствии с новой сис-

темой духовного образования, выпускники духовных семинарий получили в 1863 г. право поступать в университеты. Спустя год, детям духовенства разрешено было поступать (вместо духовных семинарий) в гимназии, а в 1867 г. – в военные училища. Одновременно с этим «новшеством» им было предоставлено право «выхода из духовного звания». Предусматривали «Правила» 1863 г. своего рода «уравнение сословий». Согласно им, с 1867 г. дети других сословий, в том числе и податных, получили право поступать в духовные учебные заведения. По их окончании они получали священнические должности и право перейти в «духовное состояние».

***Реорганизация
церковного
управления
и отношение
к «раскольникам»***

Буржуазные реформы, последовавшие в стране после отмены крепостного права, повлекли не только преобразования системы духовного образования и статуса приходских священников, но и изменения в церковном управлении. В 1867 г. было отменено существовавшее до этого деление епархий

на «три класса». Отныне их главы получали право (без согласования с Синодом) строить церкви, давать разрешения на вступление в монашество, самостоятельно решать в пределах своих епархий вопросы духовного образования. Приходское же духовенство получило право избирать благочинных, стоявших во главе мелких церковных округов (благочиний), в которые входило от 10 до 15 приходов. Создавались и выборные благочиннические советы, возглавлявшиеся благочинными. Иначе говоря, низшее звено церковного управления строилось по типу крестьянского общинного и волостного выборного самоуправления, введенного в 1864 г. Получило приходское духовенство и право собираться на свои съезды для решения «местных церковных нужд». Они делились на три уровня: благочиннические, училищные (по училищным округам) и епархиальные. Прекратилось в правление Александра II и преследования старообрядцев. Поскольку они «не нарушали государственных законов», то либеральная печать выступила за легализацию «раскола» и прекращение гонений на старообрядцев, ибо последние «ожесточают гонимых» и провоцируют их на конфликты. Ее вывод был однозначен: «против идей, учений и веры нельзя действовать грубой силой». Идя навстречу «пожелани-

ям» подданных, правительство учредило в 1864 г. (в соответствии с «высочайшим поведением») специальный комитет по «раскольническим делам». В том же году им были выработаны «Правила» (утверждены царем), легализовавшие значительную часть старообрядческих толков. Согласно «Правилам», они получили право свободно отправлять свое богослужение, а также выезжать за границу. Признали «Правила» юридическую силу старообрядческих метрических записей, которыми руководствовались «раскольники». Дозволил им закон заниматься иконописанием (исключительно для своих нужд), создавать свои школы грамоты и занимать некоторые общественные (но не государственные) должности. Однако все перечисленные выше «привилегии» отнюдь не распространялись на «вредные» старообрядческие согласия, не признававшие не только церковную, но и светскую власть.

Легализация значительной части старообрядческих «толков», осуществленная правительством в 60-х гг., позволила выявить более полную картину численности старообрядцев, «отпавших от православия». В правление Николая I светские и церковные власти полагали, что таковых было не более 2 млн. чел. Легализация же «раскола» показала, что ему «подвержено» около 8 млн. Отдельные исследователи утверждают, что последователей «раскола» было около 14 млн. человек, или 18% русского населения страны. С другой стороны, они отмечают, что церковные реформы, проведенные при Александре II, заметно оживили деятельность Русской Православной церкви, смягчили стеснявшие ее бюрократические оковы. Однако в целом, они были неглубоки, поскольку не затрагивали принципиальных вопросов управления церковью, ее взаимоотношений со светской властью, к тому же они были непоследовательны и не завершены. Это обстоятельство обусловило их непрочность и (фактически) отказ от них в царствование Александра III.

Конфессиональная политика при Александре III

Конфессиональную политику в стране после 1 марта 1861 г. всецело определял обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Заняв этот пост еще в 1880 г., профессор гражданского права оставался на нем в течение четверти века. Проводя свой курс, он не сомневался в том, что Русская Православная церковь призвана сыграть огромную (если не главенствующую)

роль в жизни страны. Исходя из этого, им были восстановлены закрытые в 60-70-х гг. церковные приходы и открыты новые. Ежегодно в стране возводилось почти 250 церквей, на 22% увеличилось в правление Александра III число священнослужителей. Опираясь на поддержку светской власти, обер-прокурор все делал для того, чтобы поднять религиозность русского народа, распространить (как можно шире) православие среди нерусских народов. Для решения этих задач была активизирована деятельность православных миссий, увеличено число церковных периодических изданий, умножен их тираж, стимулировано учреждение церковных братств (особенно в западных губерниях страны), призванных «укреплять» православие.

Исходя из всего этого, Победоносцев полагал, что церковь (помимо исполнения прямых своих обязанностей) должна была развивать и другие формы своей деятельности, укрепляющие ее авторитет в народе. К числу таковых он относил церковные проповеди, внебогослужебные собеседования священников со своими прихожанами, устройство при церквях библиотек, организацию церковной благотворительности, а также проведение торжеств по случаю различных церковных юбилеев. Но, поощряя инициативу епархиального духовенства, обер-прокурор в то же время «учинил» за ним жесткий контроль. Его «доверенные лица» следили за каждым служителем в епархии и докладывали обер-прокурору о «поведении» и «настроениях» местного духовенства. Всячески препятствовал Победоносцев духовным контактам интеллигенции с народом, с церковью. С этой целью им были закрыты возникшие в Москве и Петербурге в 70-80-х гг. Общество любителей духовного просвещения, в которых «состояли членами» представители высших столичных кругов и часть профессуры (главным образом духовных академий). Подверглись – в этой связи – преследованиям В. С. Соловьев (известный религиозный философ), Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков и даже бывший друг Победоносцева – Ф. М. Достоевский.

Ратую за распространение православия и «нравственности христианской», обер-прокурор делал главный акцент в этом деле на расширение сети церковноприходских школ, находившихся в ведении Святейшего Синода. Последние (с главным предметом – «Законом Божиим») являли собой, по утверждению Победоносцева, истинную «гарантию правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования», а потому и заслуживали «поддержки и поощре-

ния со стороны правительства». И они получили их. Благодаря им, к 1900 г. в стране имелось 42,6 тыс. церковноприходских школ, в которых обучалось свыше полутора миллиона учащихся. К этому времени число церковноприходских школ сравнивалось по количеству с числом начальных школ Министерства народного просвещения. И хотя они и преследовали откровенно утилитарно-политические цели, церковноприходские школы сыграли, тем не менее, положительную роль в деле распространения грамотности в народе.

Немало внимания уделял обер-прокурор и распространению православия среди других народов, населявших Российскую империю. По данным Синода, в 1860 г. ее православное население составляло 52 млн. человек обоего пола, в 1890 г. – 72 млн., а по первой Всероссийской переписи 1897 г. – 87,4 млн. чел. Иначе говоря, хотя Православная церковь и была в России «господствующей и первенствующей», тем не менее, ее влияние не распространялось на десятки миллионов людей, исповедовавших католичество, протестантизм, мусульманство, иудаизм, буддизм, а также «отпавших от православия» русских старообрядцев разных толков и сектантов. Стремление Церкви – при поддержке самодержавия – распространить православие среди нехристианского населения России особого успеха не имело.

§ 3. Отношение крестьянства к церкви и духовенству

Крестьянское мировоззрение и реалии повседневной жизни

Простому народу, особенно крестьянству, трудно было понять и воспринять абстрактные догматы православия, которые внедрял в его сознание приходской священник или странствующий проповедник. Более понятным для него было то, что он мог лицезреть и ощутить наяву. Это в полной мере относилось к традиционной для земледельца трудовой деятельности, с сопутствующей ей (по существу языческой) обрядности. Тут его окружали не только Боги, но и «нечистая сила», укротить и «смирить» которую мог знахарь или колдун. Потому-то жизнь простого человека немыслима была без сонма домовых, леших, водяных, кикимор и прочих для него «злодеев». О существовании у народа многочисленных поверий свидетельству-

ют интересные материалы, собранные этнографами, фольклористами и краеведами в XIX в.

С приходом в жизнь крестьянина православия он был вынужден соединить воедино былую обрядность с новыми религиозными догматами. Этот произвольный процесс соединения дохристианских обычаев и поверий с православием был назван светскими и церковными историками XIX в. «двоеверием», а позднее – «бытовым православием», и сами традиционные поверья – «язычеством в православии».

Как известно, Русская Православная церковь с давних пор вела борьбу с традиционными поверьями и обрядами, бытовавшими в народе, но, по свидетельствам ученых, безуспешно. Более того, своей борьбой с ними она в значительной степени способствовала сохранению в сознании народа старых традиций и поверий. «Многие языческие божества, низвергнутые с древнеславянского Олимпа в преисподнюю, - писал в свое время известный историк-этнограф С. А. Токарев, - превратились в образы нечистой силы» и закрепились – вопреки всему – в сознании верующего православного человека в реально действующие существа. В дополнение к этому он наделил некоторых христианских святых свойствами, характерными прежним языческим богам. Так, христианские святые Флор и Лавр («лошадники»), Власий («телятник»), Агафья («коровница») и другие заменили собой прежних языческих богов, покровителей скота и птицы (Хороса, Велеса, Мокошь и др.). Обращение же крестьян с молитвами к православным святым очень напоминали мольбы-заговоры, сопровождавшиеся с магическими, поистине колдовскими действиями. Православные святые выступали в крестьянском мировоззрении не только покровителями, но и помощниками в их жизни и работе. Каждого святого крестьянин наделял «своими индивидуальными свойствами», а потому и обращался с просьбами и молитвами к святым, в соответствии с присвоенной им «классификации». К примеру святого Пантелеймона крестьянин просил помочь ему в исцелении от болезни, а святую Параскеву-Пятницу – об успехах в женской работе и т. д. При этом в молитвах к Богу и всем святым он обращался не столько о своем «вечном спасении», сколько о разрешении своих повседневных забот.

***Древнеславянская
обрядность
и Церковь***

Забот же повседневных у крестьян было много. Тут и болезнь, и стихийные беды, и «неуряды» в хозяйственной и личной жизни. Во благо себе он обращался и к старым, и новым Богам и к тем и другим вместе. Все это нашло свое отражение в его календаре, особенно в аграрном. Свое место в нем нашли почти все христианские святые, правда, под особыми прозвищами, отразившими изменения в природе или начало или конец каких-либо сельскохозяйственных работ (к примеру, Петр-полукорм, Евдокия-капельница, Алексей с гор вода, Аграфена-рассадница, Алена-льняница, Сидор-огуречник, Иов-горошник). Православная церковь не протестовала против этого. Более того, она приспособливалась к древнеславянской обрядности и нередко даже включала ее в церковную обрядность. Укоренению такого рода взглядов и представлений, противоречивших, по существу официально православию, в немалой степени содействовало сельское духовенство, призванное официально бороться с «язычеством». На самом деле оно нередко принимало даже участие в исполнении некоторых обрядов, весьма «далеких от православия». Бытописатели конца XIX в. приводят в своих сочинениях немало примеров, когда «сельское духовенство корысти ради» служило молебны, дабы отогнать «колдовские заговоры» (к примеру против «заломов» хлебов в поле) или не противилось «катанию на зеленях» по весне («катание попа на зеленях») способствовало, по крестьянскому поверью, высокому урожаю). Нередко и сами священники спекулировали на народном «невежестве» и суевериях. «В видах умножения своего дохода, - писал по этому поводу профессор Казанской духовной академии, - духовенство часто прибегало к злоупотреблениям, пользуясь народными суевериями, разглашало ложные известия о чудотворениях икон, служило молебствия и панихиды у неведомых и неосвидетельствованных церковью гробов, или у какого-нибудь суеверно чтимого дуба, источника или камня». Может быть в силу всего этого, крестьяне и относились к приходскому духовенству весьма неоднозначно. Их «почитание» его во многом зависело о нравственного уровня и поведения сельских священнослужителей. В их среде было много лиц, преданных своему пастырскому делу, готовых положить свою жизнь за «его торжество». К сожалению, были в их рядах и откровенные «корыстолюбцы», весьма далекие «от Бога и веры Христовой», для «коих пожива» была прежде всего. Именно

эти «горе-попы» и получили от своей паствы отзывы, исполненные иронии и даже откровенного недоброжелательства. Крестьяне клеймили таких священников за жадность, стяжательство и вымогательство, за формальное отношение к своим пастырским обязанностям и недостойное поведение в быту.

Причины нравственного падения приходского духовенства признавали и церковные иерархи, и церковные историки. Последние видели их в приниженности, придавленности и в нищенском существовании приходского духовенства. «Собирая от народа по копейке, как попрошайка, и зависия экономически от милости прихожан, - писал в свое время историк Церкви И. Г. Айвазов, - какое духовное влияние может иметь наш сельский священник на народ? Ведь для влияния он должен иметь самостоятельность, независимость, хорошую обстановку. Бедность же, хоть кого подчас сломит... сознание личного достоинства притупляется и эстетические, нравственные чувства грубеют». Все это и явилось, в конечном итоге, следствием и показателем кризисного состояния Русской Православной церкви, обнаружившегося к концу XIX в. и в полной мере проявившемуся в последующем столетии.

Хронологическая таблица

1853-1856	Крымская война
1855,19.02	Вступление на престол Александра II
1856,30.03	Заключение Парижского мирного договора
1857,03.01	Образование Секретного комитета по подготовке крестьянской реформы
1857, ноябрь, 5 декабря	Рескрипты царя Виленскому генерал-губернатору В.И.Назимову и Петербургскому генерал-губернатору об образовании губернских комитетов по подготовке проектов реформы
1858,16.02	Переименование Секретного комитета в Главный комитет по крестьянскому делу
1858,28.05	Айгунский договор между Россией и Китаем
1858-1859	«Трезвенное» движение в России
1859, март	Создание Редакционных комиссий для рассмотрения проектов, поступивших с мест
1860	Создание Государственного банка
1860	Основание Владивостока
1860,14.11	Пекинский трактат России и Китая. Закрепление за Россией Уссурийского края
1861,19.02	Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости
1861, апрель	Волнения крестьян с.Бездна Казанской губернии
1861-1864	Деятельность общества «Земля и воля»
1861	Студенческие волнения в Петербурге и Москве против ограничения прав студентов
1862-1874	Военные реформы Д. А. Милютина
1863, январь	Начало восстания в Польше
1863, июнь	Новый университетский устав. Восстановление автономии университетов
1863, июнь	Положение о поземельном устройстве уделных крестьян
1863-12866	Деятельность кружка Н. А. Ишутина
1864	Земская и Судебная реформы
1864-1868	Война России с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом
1865,06.04	Принятие «Временных правил о печати»

1865	Основание Новороссийского университета
1866	Закон о поземельном устройстве государственных крестьян
1866,06.04	Покушение Д.Каракозова на Александра II
1867,30.03	Договор о продаже Аляски и Алеутских островов США
1868	«Бухарский поход» генерала Кауфмана
1868, август	Договор с Бухарой. Установление протектората над Бухарским ханством
1868-1869	Деятельность группы Нечаева-Ткачева
1869-1874	Деятельность кружка «чайковцев» в Петербурге
1870, 16.06	Городская реформа
1870, ноябрь	Основание I Интернационала
1870-1888	Экспедиция Н.М.Пржевальского в Центральную Азию, Китай, Монголию и Тибет
1870-1972	Путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая на острова Океании
1871, 13.03	Лондонская конвенция ограничительных прав России и Турции на Черном море
1872-1873	«Хивинский поход» К.П.Кауфмана
1872	Стачка на Кренгольмской мануфактуре
1873,12.08	Договор с Хивинским ханством
1874	Принятие Устава о воинской повинности
1874,лето	Первое массовое «хождение в народ»
1875,25.04	Подписание договора с Японией о Южном Сахалине и Курильских островах
1876, февраль	Указ о присоединении Кокандского ханства к России
1876, июль	Переговоры России с Австрией о согласованной политике на Балканах
1877, март	Подписание Лондонского протокола шести европейских держав
1877-1878	Русско-турецкая война
1877, апрель	Взятие русскими войсками крепости Баязет
1877, май	Взятие крепости Ардаган
1877, 19.07	Взятие Шипкинского перевала
1877, 06.11	Взятие крепости Карс

1877, 28.11	Взятие Плевны
1878, январь	Занятие русскими войсками Адрианополя 1870-1888
1878,24.01	Покушение В.Засулич на петербургского градоначальника Д. Ф. Трепова
1878,19.02	Подписание Сан-Стефанского договора между Россией и Турцией
1878	Созыв Берлинского конгресса
1878	Открытие Высших женских курсов в Петербурге
1878-1880	Деятельность Северного союза русских рабочих
1879,02.04	Покушение А.Соловьева на Александра II
1879,август	Раскол народнической организации «Земля и воля»
1879-1882	Складывание Тройственного союза
1880, 05.02	Взрыв в Зимнем дворце с целью убийства царя
1880, август	Упразднение III Отделения
1881, 01.03	Убийство народовольцами Александра II
1881, марта	Вступление на престол Александра III
1881, 03.04	Казнь участников цареубийства
1881, апрель	Отставка главы МВД М. Т. Лорис-Меликова
1881, 29.04	Манифест о незыблемости самодержавия
1881, 14.08	Выход положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»
1881, 28.12	Указ о понижении выкупных платежей и об обязательном выкупе крестьянских наделов
1882, май	Временные правила о евреях
1882, 18.05	Указ о замене подушной подати другими налогами
1882, май	Назначение министром внутренних дел Д. Толстого
1882, 27.08	Принятие «Временных правил о печати»
1883-1903	Деятельность группы «Освобождение труда»
1883, 03.12	Положение «Об устройстве секретной полиции»
1884, 13.06	Правила о церковно-приходских школах

1884, 15.08	Утверждение нового Устава университетов
1885, 07.01	Морозовская стачка в Орехово-Зуеве
1885, 21.04	Указ по поводу столетия «Жалованной грамоты дворянству»
1885, июнь	Учреждение Дворянского банка
1885, сентябрь	Протокол о русско-афганской границе
1886, 18.03	Закон «Об ограничении семейных разделов»
1886, 03.06	Правила о надзоре за фабричными заведениями
1887, 01.01	Прекращение взимания подушной подати
1887, весна	Соглашение о русских займах во Франции
1881, 01.03.	Покушение народовольцев на Александра III
1887, 15-19.04	Процесс над «первомартовцами»
1887, июнь	Указ о «кухаркиных детях» в деле образования
1887, 18.06	Секретный договор России и Германии о нейтралитете
1889, 12.07	Закон о земских начальниках
1890, 12.07	Новое положение «О губернских и уездных земских учреждениях»
1891, 27.08	Русско-французский секретный пакт
1891, 17.03	Начало строительства Транссибирской магистрали
1892, 11.06	Принятие нового «Городового положения»
1893	«Таможенная война» между Россией и Германией
1893, декабрь	Закон о неотчуждаемости крестьянских наделов
1893, 24.12	Подписание русско-французского союза
1894	Введение государственной винной монополии
1894	Подписание русско-германского торгового пакта
1894,20.10	Смерть императора Александра III
1894, октябрь	Вступление на престол Николая II
1895	Договор между Россией и Афганистаном о границе
1895	Объединение марксистских кружков Петербурга

1896	Договор России с Китаем
1897	Первая всеобщая перепись населения в России
1897	Денежная реформа С.Ю.Витте
1897	Начало строительства КВЖД
1897, март	Первый съезд РСДРП в Минске
1898, 27.03	Договор об аренде Ляодунского полуострова
1899	Закон о временно-заповедных имениях
1899, 6-17.04	Гаагская мирная конференция
1899	Начало промышленного кризиса

Библиография

Источники и литература к главе I:

1. Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.
2. Валуев П.А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1963. Т. 1-2.
3. Великие реформы в России. 1856-1874. СПб., 1992.
4. Вдовин В.А. Сборник документов и материалов (II пол. XIX в.). М., 1975.
5. Герцен А.И. Былое и думы /любое издание/.
6. Документы крестьянской реформы. М., 1989.
7. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе: 1861-1880. М., 1978.
8. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
9. Захарова Л.Г. Правительственные программы отмены крепостного права в России // История СССР. 1975. № 2.
10. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984.
11. История России. XIX в. / Ред. А. Ушаков. М., 2001.
12. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2001.
13. Карпачев М. Д. Общественно-политические взгляды А.И.Герцена и Н. Г. Чернышевского в современной английской и американской историографии // История СССР. 1986. № 6.
14. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок: XVIII - начало XX в. М., 1974.
15. Конец крепостничества в России. Документы. М., 1994.
16. Крестьянская реформа в России. 1861. Сб. законодательных актов. М., 1964.
17. Пайщиков А. Г. Н. Г. Чернышевский. М., 1987.
18. Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крестьянского права. Полн. собр. соч. Т. 20.
19. Ленин В. И. По поводу юбилея. Там же. Т. 20.
20. Ленин В.И. Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция. Там же. Т. 20.
21. Ленин В.И. Памяти Герцена. Там же. Т. 20.
22. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. М., 1972.

22. Литвак Б. Г. Переворот 1861г. в России. М.,1991.
23. Ляшенко Л. М. Царь - Освободитель. М, 1994.
24. Маркс К. Вопрос об отмене крепостного права в России. Соч. Т. 12.
25. Маркс К. Об освобождении крестьян в России. Там же. Т. 12.
26. Отечественная история. Учеб. для вузов/Ред. А.Радугин. М., 2003.
27. Практикум по истории СССР. XIX в. М.,1980.
29. Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978.
30. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий: Период капитализма /II пол. XIX в./ М., 1975.
31. Степанищев А. Т. История России. IX - XX вв. М., 2001.
32. Федоров В. А. Падение крепостного права в России. Документы и материалы. В 3 вып. М., 1962-1968.
33. Федоров В. А. История России. 1961-1917 гг. М., 1998.
34. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.
35. Чернышевский Н. Г. Устройство быта помещичьих крестьян. Поли. собр. соч.Т.5.
36. Чернышевский Н.Г. Барским крестьянам от их доброжелателей поклон. Там же. Т. 7.
37. Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. Там же. Т. 10.
38. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху». М., 1989.
39. Энгельс Ф. Эмигрантская литература. Соч.Т.18.
40. Энгельс Ф. Послесловие «О социальном вопросе в России». Там же. Т. 22.

Источники и литература к главе II:

1. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.
2. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961, Т. 1-2.
3. Вдовин З. А. Сборник документов и материалов /II пол. XIX в. М., 1975
4. Виленский Б. Б. Судебные реформы и контрреформа в России. Саратов, 1969.
5. Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.
6. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений в России. М., 1968.

7. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. М., 1952.
8. История России... М., 2001.
9. История России с древнейших времен... М., 2001.
10. Ленин В. И. Отдача в солдаты 183-х студентов. Полн. собр. соч. Т. 4.
11. Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Там же. Т. 5.
12. Ленин В. И. По поводу юбилея. Там же. Т.20
13. Милютин Д. А. Дневник Д.А. Милютина. М., 1947. Т. 1.
14. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х - начале 80-х гг. XIX в. М., 1985.
15. Отечественная история... М., 2003.
16. Практикум по истории СССР XIX в. М., 1980.
17. Сборник документов по истории СССР для семинарских занятий: Период капитализма /вторая половина XIX в. / М., 1975.
18. Степанищев А.Т. История России... М., 2001.
19. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. М., 1978.
20. Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 гг. Саратов, 1976.
21. Хрестоматия по истории СССР. М., 1970.
22. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. Л., 1978.

Источники и литература к главе III-IV:

1. Антонов Б. Ф. Н. 1 .Чернышевский о пореформенной России. - История СССР. 1989. № 2.
2. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: Конец XIX - начало XX в. М., 1969.
3. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881-1904. М., 1980.
4. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904. М., 1984.
5. Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.
6. Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России: Конец XIX-1908. М., 1984.
7. Буранов В. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. 1861-1917. М., 1984.

8. Вяткин М.Т. Горнозаводской Урал в 1900-1917 гг. М; Л., 1965.
9. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1984
10. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе /1861 -1880/. М., 1979.
11. История России. XIX в... М., 2001.
12. История России с древнейших времен... М, 2001.
13. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России: Конец XIX - начало XX в. М., 1975.
14. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVII - начало XX в. М., 1974.
15. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.
16. Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988
17. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904. М., 1979.
18. Корелин А.П. Крупный сельскохозяйственный кредит в капиталистической России. М., 1988.
19. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974.
20. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1900. М., 1983.
21. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Поли. собр. соч. Т. 3.
22. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции /1905-1907/. Там же. 7. 16.
23. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России в конце XIX в. Там же. Т.П.
24. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. П.
25. Маркс К. Письмо В.И. Засулич. 8 марта 1881 г. Соч. Т. 18.
26. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок». Соч. Т. 19.
27. Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974.
28. Ноткина И.В. Россия эпохи капитализма в американской историографии. - История СССР. 1981. № 4.

29. Отечественная история. ХГХ в. / Ред. А. Ушаков. М., 2000.
30. Отечественная история. / Ред. А. Радугин. М., 2003.
31. Першин П.Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. М., 1966.
32. Практикум по истории СССР XIX в. М., 1980.
33. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России / 1850-1880/. М., 1978.
34. Соловьев А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.
35. Тихонов Е.В. Переселения в России во второй половине XIX в. М.
36. Шепелев Л.З. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л., 1985.
37. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1987.
38. Энгельс Ф. О социальном вопросе в России. Соч. Т. 6.
39. Энгельс Ф. Н.Ф. Даниэльсону. 22 сентября 1892 г. Соч. Т. 38.

Источники и литература к главе V:

1. Агитационная литература русских революционных народников: Потаенные произведения 1873-1875 гг. Л., 1970.
2. Антонов В. С. Революционное народничество. М., 1965.
3. Антонов В. С. Из истории «Северного союза русских. - Вопросы истории. 1980. № 6.
4. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881-1904. М., 1984.
5. Волк С.С. Народная воля /1879-1882/. М, 1966.
6. Вторая революционная ситуация в России. Сб. статей. М., 1981.
7. Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984.
8. Дело Н.Г. Чернышевского. Сб. документов. Саратов, 1966.
9. Жуйков Г.С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975.
10. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880. М., 1964.
11. История России. XIX в... М., 2001.
12. История России с древнейших времен... М., 2001.
13. Итенберг Б.С. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964.
14. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965.

15. Итенберг Б.С. Первые рабочие союзы в России. - История СССР. 1975. № 4.
16. Итенберг Б.С. Южнороссийский союз рабочих. Возникновение, деятельность. - Вопросы истории. 1975. № 8.
17. Итенберг Б.С. Революционная ситуация на рубеже 1870-1880 гг. - История СССР. 1982. № 1.
18. Итенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988.
19. Канк П.Я. Северный союз русских рабочих. М, 1978.
20. Карпачев М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России. Воронеж. 1985.
21. Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России (70-е гг. XIX в.). - Отечественная история. 1995. № 2.
22. Козьмин Г.П. Русская секция Первого Интернационала. М., 1961.
23. Корольчук Э.А. «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х гг. XIX в. в Петербурге. М., 1971.
24. Крестьянское движение в России. 1870-1880 гг. Сб. документов. М., 1965.
25. Крикунов В. П. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880 гг. - История СССР. 1985. № 6.
26. Кровь по совести: Терроризм в России: Документы и биографии. Ростов-на-Дону. 1994.
27. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988.
38. Лавров П. Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 1-2.
29. Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60-70 гг. XIX в. М., 1988.
30. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч. Т. 1.
31. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге в г. Струве. Там же.
32. Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Там же. Т. 2.
33. Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? Там же.
34. Ленин В. И. Попытное направление в русской социал-демократии. Т. 4.
35. Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Там же. Т. 5.
36. Ленин В. И. О народничестве. Там же. Т. 22.
37. Ленин В. И. Народники о Н.К. Михайловском. Там же. Т. 24.

38. Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Соч. Т. 19.
39. Модоров Н. С. В борьбе за свободу. Материалы, документы. Горно-Алтайск, 2002.
40. Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары. М., 1966. Т. 1-2.
41. Нечкина М. В. Встреча двух поколений. М., 1980.
42. Отечественная история. XIX в. / Ред. А. Ушаков. М., 2000
43. Отечественная история... / Ред. А. Радугин. М., 2003.
44. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951.
45. Практикум по истории СССР. XIX в. Вып. П. М., 1980.
46. Рабочее движение в России в XIX в. Сб. документов и материалов. Т. 2. Ч. 2. М., 1959.
47. Рабочий класс России с зарождения до начала XX в. М., 1983.
48. Революционное народничество 70 гг. XIX в. Сб. документов. Т. 1. 1870-1877 гг. М., 1964. Т. 2. М.; Л., 1965.
49. Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.
50. Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963.
51. Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России. М, 1978.
52. Степанищев А. Т. История России... М., 2001.
53. Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870-1880 гг. М., 1969.
54. Ткачев П. Н. Сочинения, М., 1975-1976. Т. 1-2.
55. Ткаченко П. С. Революционная народническая организация «Земля и воля»/1876-1879 гг./ М., 1961.
56. Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 гг. Саратов, 1970.
57. Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895. М., 1979.
58. Трофимов А. С. Пролетариат России и его борьба против царизма/1861-1904гг./ М, 1979.
59. Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания. М., 1964. Т. 1-2
60. Филиппов Р. В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ»/1863-1874/. Петрозаводск, 1967.

Источники и литература к главе VI:

1. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881-1904. М., 1980.
2. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881-1904. М., 1984.
3. Боханов А. В. Император Александр III. М., 1998.
4. Валув П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2.
5. Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1980.
6. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1801-1880. М., 1978.
7. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 гг. М., 1964.
8. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. / Политическая реакция 80-начала 90-х гг./ М., 1970.
9. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контр реформы в России. М., 1996.
10. История России. XIX в. М., 2001.
11. История России с древнейших времен... М., 2001. 12. Крестьянское движение в России в XIX-начале XX в. Сб. документов. М., 1966.
13. Кровь по совести: Терроризм в России. Документы и биографии. Ростов-на-Дону. 1994.
14. Ленин В. И. Новый фабричный закон. Полн. собр. соч. Т. 3.
15. Ленин В. И. Случайные заметки. Там же. Т. 4.
16. Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Там же. Т. 6.
17. Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике /общей/современного правительства. Там же. Т. 23.
18. Милютин Л. А. Дневник Д. А. Милютина. М., 1949-1950. Т. III-IV.
19. Отечественная история. XIX в. / Ред. А. Ушаков. М., 2000.
20. Отечественная история. / Ред. А. Радугин. М., 2003.
21. Половцев А.Д. Дневник государственного секретаря А. Д. Половцева. М., 1966. Т. 1-2.
22. Практикум по истории СССР. XIX в. Вып. II. М., 1980.
23. Рабочее движение в России в XIX в. Сб. документов и материалов. Т. 2. Ч. 2. М., 1950
24. Рабочий класс с зарождения до начала XX в. М., 1989.
25. Степанищев А. Т. История России... М., 2001.

26. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: М. Н. Катков и его издания. М., 1978.
27. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895. М., 1979.
28. Трофимов А.С. Пролетариат России и его борьба против царизма 1861-1904 гг./ М., 1977.
29. Хрестоматия по истории СССР. 1861-1917 гг. М, 1970.
30. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80 гг. XIX в. Л., 1978.

Источники и литература к главе VII:

1. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки /до конца XIX в./ М., 1983.
2. Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.
3. Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956.
4. Виноградов С. И. Русско-турецкая война 1677-1678 гг. и освобождение Болгарии. М., 1879.
5. Внешняя политика России XIX - начала XX в. Документы Росийского министерства иностранных дел. М., 1995.
6. Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы. 1874-1883. Л., 1983.
7. Золотухин М. Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя (1885-1888 гг.). М., 1993.
8. Давлетов В., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972.
9. История России. XIX в... М., 2001.
10. История России с древнейших времен до наших дней.. М., 2001.
11. Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981.
12. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.
13. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Легаев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России /вторая половина XVII-80-е гг. XIX.. М., 1984.
14. Куприянова Л.В. Таможенно - промышленный протекционизм и российские предприниматели /40-80-е гг. XIX в./ М., 1995.
15. Кутищев Н.Е. Восточный вопрос в последней четверти XIX в. Иркутск, 1992.
16. Ленин В. И. Китайская война. Полн. собр. соч. Т.4.

17. Ленин В. И. Под чужим флагом. Там же. Т. 26.
18. Ленин В. И. О сепаратном мире. Там же. Т. 30.
19. Маркс К. Русско-французский союз. Соч. Т. 15.
20. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1978.
21. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке /1860-1895 гг./. М., 1956.
22. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3 т. М., 1961-1967.
23. Отечественная история. XIX в... М., 2000.
24. Отечественная история / Ред. А Радугин. М., 2003.
25. Практикум по истории СССР. XIX в. Вып. П. М., 1980.
26. Присоединение Туркмении к России. Сб. документов. Ашхабад, 1960.
27. Россия и восточный кризис. М., 1981.
28. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878 гг. Сб. документов. М., 1978.
29. Русско-турецкая война /Ред. И. И. Ростунов/. М., 1977.
30. Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.
31. Степанищев А. Т. История России... М., 2001.
32. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.
33. Хвостов В. М. История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
34. Хевролина В. М. Русско-турецкая война и общественное движение в России. - Вопросы истории. 1978. № 6.
35. Хевролина В. М. Восточный кризис 1875-1878 гг. и русско-турецкая война в новейшей советской литературе. – Вопросы истории. 1980. № 5.
36. Хидоятов Г.А. Из истории русско-английских отношений в Средней Азии в конце XIX в. Ташкент, 1979.
37. Хрестоматия по истории СССР. 1861-1917 гг. М., 1970.
38. Чеков В. Русско-турецкая война 1877-1876 гг. и подвиг освободителей. София, 1978.
39. Шоинбаев Т.Ш. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.
40. Энгельс Ф. Политическое положение в Европе. Соч. Т. 21.
41. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. 22.
42. Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии. Соч. Т. 12.

Источники и литература к главе VIII:

1. Афанасьев Б. В. Русская музыка XIX - начала XX в. М., 1979.
2. Беляев В. Очерки по истории музыки народов СССР. Т. 1-2. М., 1962.
3. Берг Л.С. История русских географических открытий. М, 1982.
4. Боткина А.П. П.М. Третьяков в жизни и искусстве. М., 1960.
5. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты. М., 1989.
6. Воспоминания о Рахманинове. М., 1974. Т. 1-2.
7. Воспоминания о Чайковском. М., 1979.
8. Галактионов А., Никандров П. История русской философии. М., 1961.
9. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997. Т. 1-2.
10. Гордеева Е.М. Композиторы «Могучей кучки». М., 1986.
11. Грабарь И. Репин. Т. 1-2. М., 1963-1964.
12. Данилов С.С. Русский драматический театр XIX в. М.; Л. 1964-1974.
13. История России. XIX в. / Ред. В. Г. Тюкавкин. М., 2001.
14. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2001.
15. История русской культуры XIX - начала XX в. М., 1971.
16. История философии. Т. IV. М., 1959.
17. Канделаки Р.Е. Мятёжная молодость. Повесть о передвижниках. 1863-1891. М., 1985.
18. Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1974.
19. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1-2. М., 1969.
20. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.
21. Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции. Полн. собр. соч. Т. 17.
22. Ленин В. И. Л. Н. Толстой. Там же. Т. 20.
23. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Там же. Т. 26.
24. Ломунов К.Н. Лев Толстой в современном мире. М., 1975.
25. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Л., 1964.
26. Наука и культура Русского Зарубежья. СПб., 1997.
27. Отечественная история. XIX в. / Ред. А. Ушаков. М., 2000.
28. Отечественная история / Ред. А. Радугин. М., 2003.
29. Очерки истории русской культуры второй половины XIX в. М., 1976.

30. Практикум по истории СССР. XIX в. Вып. П. М., 1980.
31. Развитие естествознания в России. /XVI - нач. XX в./ М., 1977.
32. Репин И. Е. Далекое и близкое. М., 1982.
33. Русская литература конца XIX - начала XX в. М., 1968.
34. Смолич И. К. История русской церкви. М., 1997.
35. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1972.
36. Стасов В. В. Избранные сочинения. Живопись. Скульптура. Музыка. М., 1952. Т. 1-3.
37. Степанищев А. Т. История России. XIX-XX вв. М., 2001.
38. Фадеев А. В. Идеиные связи и культурная жизнь народов пореформенной России. М., 1966.
39. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М, 1964. Т. 1-2.
40. Хрестоматия по истории СССР. 1881-1917 гг. М., 1970.
41. Чехов А.П. в воспоминаниях современников. М., 1960.
42. Щепкина-Куперник Т.А. Т.А. Ермолова. М., 1972.
43. Щетинина Г.И. Идеиная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX - начало XX в. М., 1995.

Источники и литература к главе XIX:

1. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983.
2. Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора Синода. Православная церковь в царствование Александра III. М., 1996.
3. Пospelовский Д. В. Русская Православная церковь в XX в. М., 1995.
4. Русская Православная церковь 988-1988: Материалы. М., 1988. Т. 1-2.
5. Русская Православная церковь 988-1988: Очерки. М., 1988.
6. Русское православие и атеизм в отечественной истории. Л., 1988.
7. Русское православие: вехи истории. Сб. статей. М., 1989.
8. Федоров В. А. История России. 1861-1917. М., 1998.
9. Фирсов С. Л. Русская Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М., 1996.
10. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс. 1990.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Отмена крепостного права	
§ 1. Предпосылки отмены крепостного права	5
§ 2. Подготовка крестьянской реформы	12
§ 3. Отмена крепостного права	26
Глава II. Либеральные реформы 60-70-х гг. XIX в.	
§ 1. Реформы местного самоуправления: земская и городская	36
§ 2. Судебная реформа	47
§ 3. Военные реформы	54
§ 4. Реформы в области просвещения	61
§ 5. Значение реформ 60-70-х гг. XIX в.	70
Глава III. Развитие сельского хозяйства России в 60-90-х гг. XIX в.	
§ 1. Основные направления развития сельского хозяйства пореформенной России. Развитие крестьянского хозяйства .	72
§ 2. Помещичье хозяйство в пореформенное время	79
§ 3. Русская деревня после 1861 г.	84
Глава IV. Развитие промышленности в 60-90-х гг. XIX в.	
§ 1. Развитие промышленности в 60 – начале 80-х гг. XIX в.	89
§ 2. Развитие промышленности в середине 80-90-х гг. XIX в.	94
§ 3. Русский город в пореформенное время.	101
Глава V. Освободительное движение в России в 60-80-х гг. XIX в.	
§ 1. Революционно-демократическое движение начала 60-х гг.	105
§ 2. Общественное движение в 60-70-х гг. XIX в.	110
§ 3. Русское народничество 70-80-х гг.	117
Глава VI. Внутренняя политика царизма в 80-90-х гг. XIX в.	
§ 1. Кризис самодержавия на рубеже 70-80-х гг. XIX в.	128

§ 2. Политическая реакция 80-90-х гг.	131
§ 3. Контрреформы 80-90-х гг.	136
Глава VII. Внешняя политика России в 60-90-х гг. XIX в.	
§ 1. Борьба России за отмену ограничительных условий Парижского мирного договора 1856 г.	143
§ 2. Присоединение Средней Азии к России	150
§ 3. Внешняя политика России в 80-90-е гг. XIX в.	156
Глава VIII. Культура России в пореформенный период	
§ 1. Развитие просвещения и науки	164
§ 2. Развитие литературы и искусства	168
§ 3. Развитие музыки и театра	172
§ 4. Культура народов России	175
Глава IX. Русская Православная церковь во второй половине XIX в.	
§ 1. Состояние Русской Православной церкви в середине XIX в.	182
§ 2. Конфессиональная политика самодержавия в пореформенное время	186
§ 3. Отношение крестьянства к церкви и духовенству	192
Хронология	196
Библиография	201

Учебное издание

**История России
1855-1900 гг.**

Модоров Николай Семенович

Подписано в печать 24.10.2005.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Печ. л. – 13,5.

Заказ № 178. Тираж 100 экз.

Типография Горно-Алтайского
государственного университета,
649000 г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1